

ТЮРКОЛОГИЯ

4

■ Б А К У . 1 9 9 2 ■

ТЮРКОЛОГИЯ

МЕЖДУНАРОДНЫЙ
НАУЧНО-ТЕОРЕТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

ОСНОВАН В 1970 ГОДУ

Выходит 6 раз в год

№ 4

ИЮЛЬ — АВГУСТ

БАКУ — 1992

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

Айтматов И. Т. (президент АН Республики Кыргызстан)
Бабаев А. Г. (президент АН Туркменистана)
Кайбышев О. А. (президент АН Башкортостана)
Сисов Ю. С. (президент Российской АН)
Салаев Э. Ю. (президент АН Азербайджана)
Салахитдинов М. С. (президент АН Республики Узбекистан)
Султангазин У. М. (президент АН Казахстана)
Хасанов М. Х. (президент АН Татарстана)

Абдуллаев А. З. (Азербайджан)
Асланов А. М. (Азербайджан)
Базен Л. (Франция)
Баскаков Н. А. (Россия)
Бодроглигети А. (США)
Брендемоен Б. (Норвегия)
Бунятов З. М. (Азербайджан)
Васильев Д. Д. (Россия)
Габен А., фон (ФРГ)
Гуннар Я. (Швеция)
Гянджен Т. (Великобритания)
Данкофф Р. (США)
Дёрфер Г. (ФРГ)
Иоханнес Л. (ФРГ)
Каграманов Дж. В. (Азербайджан)
Калужинский С. (Польша)
Кляшторный С. Г. (Россия)
Коркмаз З. (Турция)
Льюис Дж. (Великобритания)

Меликофф И. (Франция)
Менгес К. Г. (Австрия)
Набиев Б. А. (Азербайджан)
Нитки Х. (Иран)
Орузбаева Б. О. (Кыргызстан)
Прицак О. (США)
Рона-Таш А. (Венгрия)
Серткая Ф. О. (Турция)
Синор Денис (США)
Трыарский Э. (Польша)
Тумашева Д. Г. (Татарстан)
Финн Р. (США)
Хазан Г. (Венгрия)
Хей'ат Джавад (Иран)
Худиев Н. М. (Азербайджан)
Эргин М. (Турция)
Эрджиласун А. (Турция)
Эрен Х. (Турция)
Язган Т. (Турция)

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Главный редактор Э. Р. Тенишев (Москва), первый зам. главного редактора В. И. Асланов (Баку), зам. главного редактора С. Н. Иванов (Санкт-Петербург), зам. главного редактора К. М. Мусаев (Москва), А. К. Алекперов (Баку), А. А. Ахундов (Баку), Г. Ф. Благова (Москва), К. Н. Велчев (Баку), Т. И. Гаджиев (Баку), Э. А. Грунина (Москва), М. З. Закиев (Казань), Е. З. Кажибеков (Алма-Ата), А. Т. Кайдаров (Алма-Ата), Я. В. Караев (Баку), И. В. Кормушин (Москва), Р. Г. Кузеев (Уфа), Е. А. Поцелуевский (Москва), К. А. Талыбаде (Баку), З. Г. Ураксин (Уфа), А. М. Щербак (Санкт-Петербург), Н. Г. Юзеев (Казань).

УЧРЕДИТЕЛИ: АН Азербайджана, Башкортостана, Казахстана, Республики Кыргызстан, Российской АН, АН Татарстана, Туркменистана, Республики Узбекистан.

Адрес редакции: 370143. Баку-143, пр. Азизбекова, 31. Редакция журнала «Тюркология». Тел.: 39-22-86.

Manuscripts and books for review should be sent to Professor Aslanov V. I., 370143, Baku-143, Azizbekov avenue, 31, «Tjurkologia». Tel.: (8922) 39-22-86.

Л. БАЗЕН

О ПЕРВОМ ЛИЦЕ МНОЖЕСТВЕННОГО ЧИСЛА ПЕРФЕКТА НА -ДУК (ИССЛЕДОВАНИЕ ЕГО ПРОИСХОЖДЕНИЯ)

В наиболее древних «литературных» тюркских языках (приблизительно с 700-го по 1300-й год это эпиграфический тюркский, классический уйгурский, караханидский, рабгузи) 1-е лицо мн. ч. перфекта образовывалось с помощью *-timiz/-dimiz* и его вокальных вариантов. Этимология этого аффикса ясна: прибавление к имени действия на *-t* аффикса посессива *-(i)miz*. Следовательно, парадигма полностью гомогенна, так как все лица перфекта (*-d-im*, *-d-iŋ*, *-d-i* и т. д.) образуются таким же способом.

После монгольского нашествия (начиная с XIV в.) происходят радикальные изменения: только поздние уйгурские тексты сохранили аффикс классического уйгурского языка *-timiz/-dimiz*, другие тюркские языки (тюркский язык Хорезма, джагатайский, анатолийский и др.) исламской культуры заменили его на аффикс *-tük/-duk* с вариантами *-tük/-dük*.

В живых тюркских языках форма на *-timiz* встречается лишь в двух диалектных группах, одна из которых представлена в Сибири (алтайско-хакаско-тувинская группа и т. д. — *-tibis*, *-timis*, *-tivis*, *-tis*, якутский язык — *-tibit*), другая — в бассейне Средней Волги (чувашский — *-tämär/-gämär*). Этим подтверждается довольно общее наблюдение лингвистов: явления древних языков, исчезнувших на большей части лингвистического региона, сохраняются по его окраинам.

Заметим также, что тюркские языки Южной Сибири (алтайский, хакаский, тувинский и др.) увековечили в этой же географической зоне (Алтай и Верхний Енисей) очень древнюю тюркоязычную традицию, которая с VI в. сохраняется в китайских анналах и составляет основу датированных древнейших тюркских текстов — так называемых «рунических» надписей. В языке этих надписей, так же как и верхнеенисейских и монгольских (творение тюрков, прибывших с Алтая), в 1-м лице мн. ч. употребляется только аффикс *-timiz/-dimiz*.

Что касается чувашского языка, то он, сохранив этот аффикс, трансформировал его согласно нормам своей фонетической эволюции (переход интервокальных *d* и *z* в *g* и *i/ï* в *ä*). С конца IV в. в результате эмиграции гуннов на Запад этот язык потерял связь с остальным тюркским миром. Как видим, аффикс *-timiz/-dimiz* употреблялся в чувашском языке, по крайней мере, на четыре столетия раньше самых древних его засвидетельствований в VIII в.

Таким образом, есть все основания полагать, что для 1-го лица мн. ч. тюркского перфекта аффикс *-timiz/-dimiz* является более ранней формой, нежели *-tuk/-duk*, возникший позже. Этот аффикс, кроме как языкам Сибири и чувашскому, известен значительной группе живых тюркских языков, в том числе и современному уйгурскому.

Отказ от аффикса *-timiz/-dimiz* в XIV в. совпал с двумя историческими событиями большой социальной значимости. Это апогей Монгольской империи и распространение ислама среди тюрков. Нам думается, что последнее событие, явившееся отчасти следствием первого, и привело к принятию аффикса *-tuk/-duk*, так как все тюркские языки тех областей, в которых он появился (Хорезм, Джагатайский улус, дооттоманская, а затем оттоманская Анатолия), являются исламскими литературными языками, призванными способствовать распространению исламской веры и культуры. Предпочтение, отданное аффиксу *-tuk/-duk*, объясняется его явным преобладанием в языках, на которых говорили принявшие ислам или склонные к исламизации тюрки.

Изменение аффикса 1-го лица мн. ч. перфекта в письменных языках, надо полагать, является следствием эволюции разговорных языков задолго до XIV в., ибо подобное изменение не могло произойти вдруг. Следовательно, необходим поиск ранних признаков этой эволюции.

Подобные признаки начиная с последней трети XI в. мы находим у Кашгари в его «Диване». Автор анализирует тюркский перфект и диалектные варианты его спряжения. Излагая свой труд на арабском языке, Кашгари хочет убедить арабоязычное образованное общество в значимости тюркского языка для исламского мира. Из-за отсутствия специфической грамматической модели он использует, как в дальнейшем в течение многих веков будут поступать и мусульманские филологи, арабскую терминологию, которая, к сожалению, малопригодна для тюркского языка. Чтобы облегчить восприятие тюркских примеров, Кашгари переводит их и комментирует.

Проанализируем общее содержание текста (не вдаваясь в подробности), интерпретируя его с позиций норм современной тюркологии.

Кашгари начинает с уточнения правил употребления форм на *-di* и *-miš* для выражения перфекта: первая форма указывает на непосредственное участие говорящего в происходящем, а вторая — на то, что говорящий не является свидетелем события. Так, он противопоставляет *bardı* 'он ушел, и я видел это собственными глазами' и *ol bargmıš* 'он ушел, но я этого не видел'. Как видим, Кашгари впервые обратил внимание на семантическую оппозицию между двумя формами тюркского перфекта: «констатирующий перфект» и «неконстатирующий перфект» или «категорический» (свидетельствующий) и «неочевидный» (*şehadet* 'свидетельство' и *gıvāyet* 'слухи' у современных оттоманских грамматистов). Весьма интересное по своей объективной логике лингвистическое явление — крайне редко за пределами тюркского языка: в Европе это различие отражается в формах только болгарского языка.

Кашгари, приводя сначала примеры партиципно-определятельного употребления формы на *-miš* с пассивным значением (*kırmıš uā* 'натянутый лук' и *kazmıš aḡik* 'вырытый арык'), завершает первую часть своего исследования примерами из числа непереходных глаголов, т. е. лишенных пассивного значения (*bargmıš kiši* 'человек, который ушел' и *kālmıš āḡ* 'мужчина, который пришел'), подчеркнув при этом, что форма на *-di* не может употребляться как определение. Это уместное замечание, не утратившее своего значения и в наше время, наводит на мысль, что так называемая форма на *-miš* — единственное при-

частие совершенного вида, выступающее в функции определения; оппозиция между «категоричностью» и «неочевидностью» исчезает в определительных конструкциях.

Перейдя затем к спряжению (*taşrif*) перфекта в тюркском языке, Кашгари утверждает, что «до Китая» большинство тюркских народов (уйгуры, аргу, чигилы, тохси, ягма) образовывали его с помощью аффикса -*dī*, однако часть суваров и кыпчаков, как и огузы, использовали для этого аффикс -*duk/-dük*. Ограничившись для «классического» образования глаголом *bardī* 'он ушел', для формы на -*duk/-dük* он приводит следующие примеры: *yā kurduk* 'он натянул лук', *mān yā kurduk* 'я натянул лук', *biz yā kurduk* 'мы натянули лук'; *olar tagka agduk* 'они взобрались на гору', *biz agduk* 'мы взобрались'; *ol anī urduk* 'он его ударил'; *mān munda turduk* 'я здесь стал'; *ol kældük* 'он пришел', *biz kældük* 'мы пришли'; *olar ävgä kirdük* 'они вошли в дом'; *mān angar tavar berdük* 'я ему дал товары'; *mān yarmak terdük* 'я собрал мелочь'. Все они представляют собой глагольную форму, которая выражает законченное действие и у которой в качестве подлежащего выступает 1-е лицо мн. ч.: *biz yā kurduk*, *biz agduk*, *biz kældük*, но это в грамматической системе, резко отличной от системы, утвердившейся начиная с XIV в.; эта форма широко используется и в наши дни; аффикс -*duk/-dük* (с его различными фонетическими вариантами) обозначает 1-е лицо мн. ч. (при этом употребление *biz* необязательно). Кашгари неизменный аффикс -*duk/-dük* дает не только одновременно с подлежащим в 1-м и 3-м лице ед. и мн. ч. (ни одного примера на 2-е лицо *sān* и *siz*), но и в изолированном предложении. Присутствие *biz* необходимо для выражения 1-го лица мн. ч. (так же как *mān* для 1-го лица ед. ч.), *olar* — для передачи 3-го лица в изолированных предложениях. При отсутствии выраженного подлежащего форма на -*duk/-dük* воспринимается как показатель 3-го лица ед. ч.: *yā kurduk* 'он натянул лук' (а не 'мы натянули лук' — *biz yā kurduk*).

Следовательно, примеры из диалектной группы, приведенные Кашгари в 1070-х годах, передают не подлинное глагольное «спряжение» на -*duk/-dük*, а только употребление отглагольного имени с этим аффиксом в качестве неизменяемого предиката в предложениях именного типа.

Далее Кашгари говорит о том, что среди огузов наблюдается тенденция к употреблению формы на -*duk/-dük* без *mān* или *biz* в 1-м лице (ед. и мн. ч.) перфекта. По его мнению, многие огузы в этом случае в *bardīm* 'я пошел' (как принято у других тюрков) «заменяют *mīm* на *qāf*» и говорят *barduk*, «не дифференцируя единственное и множественное число»; однако в 3-м лице перфекта, сообщая информацию от имени свидетеля событий, они следуют традиции остальных тюрков и, чтобы передать смысл «он пошел», «он пришел», никогда не скажут *barduk*, **kældük*. (Мы восстанавливаем здесь *kældük* вместо *käldi* из рукописи. Ошибка переписчика уже была замечена Бесимом Аталаем).

Эта несколько неясная часть текста, возможно, не полностью переданная переписчиком (ошибка в замене *kældük* на *käldi* очевидна), на наш взгляд, предположительно заканчивалась так: «...они говорят не *barduk*, *kældük*, а *bardi*, *käldi*».

Во многих огузских говорах форма на -*duk/-dük* без местоимения употребляется только в 1-м лице как единственного, так и множественного числа: *barduk* означает «я пошел», а также «мы пошли» (распространилось именно последнее значение); в 3-м лице «категориче-

ского перфекта» (*šehādet* 'свидетельствующего') будет *bardī* 'он пошел', *kāldī* 'он пришел'.

Смещение 1-го лица ед. и мн. числа при употреблении формы на *-duk/-dük* может быть объяснено как приближение к хорошо известному обычаю в анатолийском турецком, когда из уважения к собеседнику говорящий по отношению к себе употребляет 1-е лицо мн. ч.: *biz köylüyüz* 'я — крестьянин' (досл.: 'мы являемся...'), к общепринятому выражению вежливости: *hoş bulduk* — ответ на приветствие прибывшему, *hoş geldin* или *hoş geldiniz* 'добро пожаловать'.

Вполне допустимо, что для большинства огузов стало обычным, как это заметил Кашгари, использование формы на *-duk* в качестве показателя 1-го лица мн. ч. (каковым в наши дни она и является в большинстве тюркских языков), употребление ее в 1-м лице ед. ч. было ничем иным, как формулой вежливости (например в современной Турции).

Суть изложенного Кашгари относительно отрицательных форм перфекта и аффикса *-duk/-dük* сводится к следующему: 1-е лицо ед. ч. во всех тюркских языках образуется посредством *-mā-dim/-ma-dim*: *barmadīm* 'я не пошел', *kālmādīm* 'я не пришел'. В 3-м лице говорят *barmaduk* 'как я слышал, он не пошел', *kālmādük* 'он не пришел, я об этом узнал позже' (это «неочевидные» значения; впрочем, сразу же после примеров Кашгари приводит утвердительные формы «неочевидности» на *-mīš/-mīš*: *barmīš*, *kālmīš* 'он пошел, он пришел, но я этого не видел'. Это указывает на то, что он рассматривает формы на *-ma-duk/-mā-dük* как нормальное отрицание форм на *-mīš/-mīš* в «неочевидном» перфекте). Однако, добавляет Кашгари, если хотят подтвердить достоверность (*taḥqiq*) отрицательной информации, то говорят *barmadī*, *kālmādī* 'действительно, он не ушел, действительно, он не пришел' (с формой «категоричности» на *-dī/-dī*).

В этой части исследования, как и в предыдущих, речь идет о всей группе тюркских языков. В следующем за ней отступлении, на первый взгляд труднообъяснимом, вновь (однако совсем в ином контексте) упоминаются формы *barmaduk* и *kālmādük*, но уже для того, чтобы рассмотреть в огузском языке утвердительные формы перфекта. На наш взгляд, это является возвратом назад. Ниже мы приводим собственные комментарии и добавления в скобках: «Огузы такими словами, как *barduk*, *kāldük*, вместо *yā* в 3-м лице и *mim* в 1-м лице (т. е. как словами *barduk*, *kāldük* вместо *bardī*, *kāldī* в 3-м лице и *bardīm*, *kāldīm* в 1-м лице) передают значение уверенности (*taḥqiq*) с помощью *qāf* или *kāf*, которые другими турками в словах *barmaduk*, *kālmādük* употребляются для отрицания» (уверенность в 1-м и 3-м лице утвердительного перфекта выражается словами *barduk*, *kāldük* (т. е. посредством аффикса *-duk/-dük*, который у других тюркских народов употребляется в значении «неочевидности» в отрицательном перфекте)). «Но при негативном „категорическом” они (огузы) говорят *barmadī*, *kālmādī*» (как и другие тюркские народы).

Пользуясь вот уже более 40 лет в своих исследованиях «Диваном» Кашгари, мы можем отметить, что представленная им лингвистическая информация, за редким исключением, верна. Если у нас иногда и возникают затруднения в ее интерпретации, то это объясняется в основном двумя причинами: с одной стороны, терминология арабских грамматистов, которой он был вынужден пользоваться, плохо приспособлена к тюркским структурам; с другой стороны, хотя в своем изложении Кашгари в принципе и придерживается некоторого порядка, од-

нако не всегда четко следует ему: отступления зачастую вставлены так, что нарушают понимание мысли, без предупреждения он возвращается назад, чтобы дополнить сведения, которые ранее были представлены им не совсем полно.

Мы считаем уместным изложить не вызывающие сомнений сведения «Дивана» и вытекающие из них факты относительно тюркского перфекта последней трети XI в. в более логическом порядке.

Заметим прежде всего, что Кашгари очень четко различает тюркские языки, с его точки зрения «правильные» или «нормальные» (т. е. близкие к караханидскому хақāпіуе, письменность которого основана на уйгурской, в свою очередь унаследованной от тюркского языка в VIII в.), и «диалектные» говоры с их «аномалиями», которые он им приписывает. Первая группа географически доходит «до Китая» и включает в себя следующие языки: уйгурский, аргу, чигил, тохси, ягма (в перечень входят лишь те языки, которые Кашгари хорошо знал; этот список следует дополнить караханидским). Говорящие на этих языках (восточная группа) населяют территорию между Китаем и Сырдарьей. Уйгурский распространен в районе Тянь-Шаня и бассейна Тарима; на аргу говорят между Баласагуном и Чимкентом (Isbīyāb), на чигиле — в окрестностях Барсгана, Тираза (Таласа) и Кашгара; тохси соседствуют с чигилами Барсганского региона; ягма — в окрестностях Тираза и региона Или. Во вторую группу (западную) Кашгари включает языки суваров с Волги, кыпчаков, кочующих в степях (от западной части Тираза до европейских границ Византии), и огузов, тоже кочевников, которых особенно много было в Западном Туркестане (север Ирана) и которые доходили до Балкан.

Тюрки первой группы перешли на оседлый образ жизни. Они, по мнению Кашгари, говорили на «правильном» тюркском языке, т. е. на языке, близком к караханидскому — единственному языку в тюркском мире, обладающему письменностью, и приняли ислам. Можно предположить, что существование письменности способствовало поддержанию «правильности» устной речи, т. е. сохранению в основном, тюрко-уйгурской традиции, передаваемой через караханидский. Прослойка грамотных людей в этой группе, по-видимому, была небольшой, но, надо полагать, пользовалась влиянием, так как распространяла ислам, и потому была более или менее приближена к Караханидам. Восточная группа была консервативна в лингвистическом отношении; это касалось, в частности, и выражения перфекта.

Тюрки из второй группы жили в совершенно иных социальных условиях. У них не было ни письменности, ни централизованной власти. Только сувары были оседлы и даже урбанизированы: на Волге у них был торговый центр, носящий их имя. Диалект суваров, характеризующий Кашгари как близкий к болгарскому, был, по-видимому, создан на базе «гуннской» лингвистической традиции, которая в течение веков развивалась независимо от традиции тюрков и уйгуров. Будучи в эту эпоху близкими соседями кыпчаков и огузов, с которыми они, несомненно, вели торговлю, тюрки и уйгуры подверглись некоторому лингвистическому воздействию последних. Кыпчаки и огузы были в большинстве своем кочевниками-скотоводами без централизованных политических структур, почти поголовно неграмотными, принявшими ислам, или неофитами, весьма поверхностно усвоившими эту религию. Их говоры развивались самопроизвольно, без какого-либо нормирующего воздействия. Они эволюционировали, отклоняясь от восточной тюркской традиции. Кыпчаки, пришедшие с юго-запада Сибири, не примкнули

ни к тюркскому, ни к уйгурскому государству и не приняли их лингвистического статуса. Что касается огузов, то 22 их племена давно уже потеряли всякую связь с предками (9-ю племенами токуз-огузов), выходящими из бассейна р. Селенги. Эти племена, среди которых уйгуры занимали доминирующее положение, покорились государствам-соседям. Во времена Кашгари кыпчаки и огузы тесно контактировали друг с другом и их говоры подвергались региональному взаимодействию. Так, переход начального у- в j-, который Кашгари считает общим явлением для обоих языков (живые языки огузского происхождения — туркменский, азербайджанский, турецкий в Турции — сохранили у-), вероятно, касался огузских диалектов, испытавших кыпчакское влияние. Обратный вариант: особенности выражения перфекта, общие для огузов и «части суваров и кыпчаков», явились для двух последних народов грамматическим заимствованием из огузского языка.

Для внесения ясности в изложение Кашгари мы считаем необходимым представить результаты его наблюдений относительно типов выражения перфекта более упорядоченно и в синтезированном виде. Прежде всего укажем на разницу между двумя приведенными группами: восточной и западной. Внутри второй группы следует выделять, с одной стороны, неогузские (суварский и кыпчакский) говоры, частично испытавшие влияние огузского, с другой — собственно огузские (нужно проводить различие, как указывает Кашгари, между тем, что касается всех, и тем, что свойственно «многим огузам»). В каждой из этих подгрупп должно видеть разницу между утвердительным и отрицательным перфектом, между их значениями «категоричности» и «неочевидности» (вводя еще значение «уверенности» — *taḥqiq*). Надо, наконец, определить отличие друг от друга 1-го лица (*šaxs*) и 3-го (*gayb*) ед. и мн. ч. с учетом наших гипотез относительно 2-го лица, о котором у Кашгари ничего не сказано, но для которого в его «Диване» выявляются кое-какие сведения.

Мы упростили положения об аффиксах, выбрав форму на *-miš* (для *-miš/-mīš*), *-di* (для *-di/-ti* и для различных форм лица: *-dum*, *-dīmīz* и т. д. ...спряжения) и *-duk* (для *-duk/-dūk/-tuk/-tūk*).

I. ВОСТОЧНАЯ ГРУППА

(уйгурский, караханидский, аргу, чигил, тохси, ягма)

A. Утвердительная форма перфекта

а) категорический: аффикс *-di* во всех лицах:

1-е лицо: ед. ч.	<i>-dim</i> (<i>bardīm</i>)
мн. ч.	<i>-dimiz</i> (<i>kāčtimiz</i>)
2-е лицо: ед. ч.	<i>-diŋ</i> (<i>bardiŋ</i>)
мн. ч.	<i>-diŋiz</i> (<i>bardiŋiz</i>)
3-е лицо: ед. ч.	<i>-di</i> (<i>bardī</i>)
мн. ч.	<i>-di(lār)</i> (<i>bakištīlar</i>)

б) неочевидный: аффикс *-miš*.

Кашгари приводит примеры только в 3-м лице; так *ol ävgä barmīš* 'он ушел к себе (без моего ведома)' он противопоставляет *bardī* 'он ушел (я это видел собственными глазами)'. В его «Диване» имеется указание на то, что *kālmīš* 'он пришел', *temīš* '...он сказал', *kaumīš* '...прислушался' являются предикативным употреблением аффикса *-miš*,

в других же случаях формы на -miš выполняют функцию причастия-определения, при этом разница между значениями категоричности и неочевидности стирается.

Б. Отрицательная форма перфекта (-mä-)

а) категорический: аффикс -di во всех лицах:

1-е лицо: ед. ч.	-mä-dim (barmadīm)
мн. ч.	-mä-dimiz (kīlmadīmiz)
2-е лицо: ед. ч.	-mä-diñ (kačmadīñ)
мн. ч.	-mä-diñiz (kačmadīñiz)
3-е лицо: ед. ч.	-mä-di (barmadī)
мн. ч.	-mä-di (lār) (barmadīlar)

б) неочевидный: аффикс -duk.

И в случае со значением неочевидности Кашгари рассматривает только 3-е лицо: barmaduk, kīlmadūk. С другой стороны, он приводит убедительный пример оппозиции -miš/-maduk (а не -ma-miš!) в коротком тексте пословицы: kadaš temiš, kaymaduk; kasīn temiš, kaymīš 'родной сказал, он(она) не прислушался (не прислушалась); свояк сказал, он(она) прислушался (прислушалась)'.

II. ЗАПАДНАЯ ГРУППА

II — 1. Огузский язык

А. Утвердительная форма перфекта

а) категорический: аффикс -di или -duk:

1-е лицо: ед. и мн. ч. -duk (mān/biz yā kurduk).

Примечание. В одном из текстов Кашгари дает эти примеры с местоимениями mān и biz, в другом—без них, не различая единственное и множественное число, и считает это характерным «для большинства огузов» (т. е. только для части народа).

3-е лицо: аффикс -di (bardī, kaldi)

б) неочевидный: аффикс -duk.

3-е лицо (barduk)

Здесь Кашгари, как и в предыдущем примере со значением неочевидности, упоминает только 3-е лицо. Он считает, что для обозначения категоричности огузы («по их собственным словам») «не говорят barduk». Это не форма категоричности, но она не менее утвердительна, ибо в конце своих примечаний о перфекте Кашгари настаивает для огузов на значении «уверенности» аффикса -duk для 3-го лица, так же как и для 1-го, который к тому же по своей природе (прямое выражение говорящего субъекта) является категорическим.

Б. Отрицательная форма перфекта (-mä-)

а) категорический: суффикс -di:

3-е лицо (barmadī, kīlmadī)

Кашгари утверждает, что все тюркские языки для 1-го лица ед. ч. предполагают аффиксацию -ma-dim (barmadīm, kīlmadīm), следова-

тельно, и огузский. В тексте «Дивана» ничего не сказано о 1-м лице мн. ч. отрицательной формы перфекта огузского языка. Исходя из соответствующей утвердительной формы (*barduk, biz yā kurduk, biz kâldük*), можно предположить, что отрицательная форма в огузском языке имела форму на *-ma-duk*.

б) неочевидный

Ничего определенного по поводу этого перфекта у Кашгари не сказано. Судя по 3-му лицу неочевидного перфекта на *-duk* (*barduk*), соответствующая ему неочевидная негативная форма, как и в восточной группе, была представлена в виде *-ma-duk* (*barmaduk*).

II — 2. Некоторые говоры суваров и кыпчаков

Кашгари говорит только о 3-м лице в этих говорах; сувары и кыпчаки образуют его с помощью аффикса *-duk* в предложениях с подлежащим в 1-м или 3-м лице ед. и мн. ч. Речь, по-видимому, идет о грамматическом заимствовании из огузского; значения этих форм должны быть теми же самыми (категорическое — для 1-х лиц, неочевидное — для 3-х).

Материал, приведенный в «Диване», — несомненно, неполный, в частности, в нем ничего не сказано о 2-м лице ед. и мн. ч. В восточной группе (караханидский и родственные ему говоры) этот пробел можно восполнить, обратив внимание на то, что в караханидском литературном языке 2-е лица имеют соответственно следующие аффиксы: в категорическом утвердительном *-diŋ* и *-diŋiz*, в категорическом отрицательном — *-mā-diŋ* и *-mā-diŋiz*. В неочевидном перфекте (утвердительном на *-miš*, отрицательном на *-ma-duk*) нормальная парадигма должна была образовываться, как и в уйгурском, путем постпозиции энклитических местоимений (*sān* и *siz*).

По сравнению с ситуацией, описанной Кашгари, современное состояние тюркских языков несколько отлично в плане предикативного употребления аффикса *-duk* (или его современных фонетических вариантов): у него нет больше значения ни 3-го, ни 1-го лица ед. ч. (за исключением «мы» с оттенком скромности), он выражает только 1-е лицо мн. ч. категорического перфекта и для этого не нуждается в местоимении-подлежащем *biz*. Старая форма *kāldük*, превратившись в *gäldik*, означает «мы пришли» в туркменском, азербайджанском и турецком; такое специфическое явление — результат эволюции, которая началась в огузском языке в XI в. и закончилась в XIV. Этот феномен распространился на тюркские языки, берущие свое начало от кыпчакского уже во времена Кашгари, а также на все остальные, за исключением сибирских и чувашского, которые сохраняют формы, восходящие к *-t-imiz*.

Скорость распространения этого явления выдвигает интересную проблему в исторической лингвистике. Несмотря на то что Кашгари склонен связывать его с огузским языком (западная группа), нам кажется маловероятным, чтобы лингвистическое влияние кочевых огузов в XI в. так довлело над всем тюркским исламизированным миром, в частности над оседлыми народами, населявшими территорию вплоть до Восточного Туркестана. Не следует забывать, что огузы, которых знал Кашгари, были выходцами из Северной Монголии, т. е. с Востока, из тюркской лингвистической зоны. Но как раз в одной из уйгурских надписей (*Šine-usu*) этого региона, в эпитафии какого-то правителя, скон-

чавшегося в 759 г., мы находим два примера употребления отглагольного имени на -duk в функции предиката с подлежащим в 3-м лице (коллективное значение): *säkkiz oguz ottuz karluk kalmaduk* 'Восемь огузов и девять карлуков не остались (=были уничтожены)'; *karluk ešinā kalmāduk* 'карлуки не добрались до своих союзников'. Предикативное употребление формы на -duk далеко не единично в древнетюркском языке. Об этом свидетельствуют надписи VIII в., в частности эпитафия Kōl-tegin (Орхон I), умершего в 732 г.: *anta kisrā inisi ečisin-täg kılınmaduk ārinč, oğlı kañin-täg kılınmaduk ārunč* 'После того, так как младшие братья не были подобны (в поступках) старшим, а сыновья не были подобны отцам'. Прибавление после -duk адвербиального производного *ārunč* от глагола *быть* (*äg-*) привносит в них оттенок вероятной предположительности («надо предполагать, что...», «вероятно»), как и после других предикативных форм, приведенных в этой части текста (напр.: *biligsiz kagan olurmış ārinč, yablak kagan olurmış ārinč* 'немудрые каганы, вероятно, правила, плохие каганы, вероятно, правили'). В этой надписи, относящейся к первой трети VIII в. и составленной на древнейшем тюркском литературном языке, обращает на себя внимание та же морфологическая оппозиция между утвердительной (аффикс -miş: *olurmış*) и отрицательной формами (аффикс -duk: *kılınmaduk*) неочевидного перфекта, что три века спустя встречается в караханидском языке (*barmış//barmaduk*). Этот факт подтверждает консервативный характер караханидского языка, который следует традиции древних тюркских письменных языков как подлинных тюрков, так и уйгуров. Лингвистический консерватизм очевиден и в отношении перфекта: аффиксы -miş, -di и -duk соответствуют таковым в древнетюркском и в классическом уйгурском.

Но это литературный консерватизм, и ничто не доказывает, что неграмотное население в своей речи придерживалось этой традиции. Действительно, Кашгари отмечает особенности выражения перфекта у кочевников (огузов и кыпчаков), которые в XI в. еще не имели письменного языка. Эти особенности заключаются главным образом в использовании формы на -duk в утвердительной форме перфекта в 1-м и 3-м лице ед. и мн. ч. (Согласно тюркско-уйгурско-караханидской литературной традиции, предполагающей употребление ее в качестве причастия и имени действия (*bulmaduk pāñ* 'ненайденная вещь', *bardukı* 'его уход' и т. д.), она выполняет функцию предиката только в 3-м лице неочевидного перфекта в отрицательной форме).

Это ограничение в употреблении распространялось в XI в. не на все тюркские говоры. Впрочем, нет никаких оснований считать, что даже в VIII в. оно было для них правилом. В эту эпоху, как и позже, существовали, наверное, диалекты, которые, оставаясь устными, следовали законам собственного развития и не испытывали при этом влияния официального письменного языка Монгольского государства, так же как в XI в. огузский, кыпчакский и болгаро-суварский говоры развивались независимо от караханидского. Поэтому мы считаем, что предикативное употребление аффикса -duk в перфекте не может быть объяснено как «отклонение» от древнетюркской литературной традиции (тюркско-уйгурско-караханидской), оно должно основываться на семантическом анализе основных значений аффикса.

Из всех значений наиболее постоянное — это значение перфекта: во всех случаях аффикс выражает результат предшествующего законченного процесса и разделяет эту свою функцию с аффиксами -miş и -di. Кроме того, аффикс -duk совместим одновременно с утвержде-

нием и отрицанием (-mä-); об этом свидетельствует употребление его в древнетюркском в качестве имени действия: в эпиграфическом тюркском VIII в. — *tāŋrı küč bertük üčün* 'потому что небеса (ему) дали силу', *bilmädükügin üčün* 'из-за твоего непонимания'; в караханидском — *anñ kälđüki kälmaidüki bir* 'пришел он или нет, — все равно'. Наконец, сам по себе он не выражает оттенка неочевидности или категоричности. Вышеприведенные примеры, скорее всего, — с оттенком неочевидности, однако можно привести примеры и на категоричность: из тюркского VIII в.: *män kazgantuk üčün* 'потому что я выиграл', из караханидского: *mäniñ turdukum* 'то, что я встал'.

Что касается отношения -duk к категории лица, то, судя по пяти вышеприведенным примерам, оно индифферентно: в зависимости от контекста этот аффикс, сопровождаемый местоимением или аффиксом посессива, может выражать действие, совершенное различными лицами. Некоторые грамматисты считают, что это отглагольное имя, которое со времени древнетюркского может быть одновременно субстантивированным как имя действия (см. приведенные примеры), конструированным как определение (в VIII в. в тюркском *barduk yerdä* 'там, куда ты пошел/есть пошедший') или употребленным предикативно как глагол совершенного вида (*kilnmaduk ärinč* в тюркском VIII в.).

Следовательно, отглагольному имени на -tuk/-duk свойственно передавать перфективное значение, которое само по себе безлично, но способно выражать лицо в контексте (контекст может придать ему оттенок категоричности или неочевидности); это значение может быть утвердительным или отрицательным с -mä- и способно выступать в качестве существительного, прилагательного-определения или глагольного сказуемого.

Именно свобода в употреблении позволила говорам, не стабилизированным литературным языком, широко развить предикативное использование этого аффикса, что отмечено Кашгари уже в XI в., в частности у огузов и их соседей — кыпчаков и суваров.

Причины такого «успеха» аффикса -tuk/-duk следует искать в его этимологии, — это наличие элементов экспрессивности.

Первая составляющая аффикса — согласная -t- почти соответствует аффиксу -t имени действия и составляет основу перфекта на -t(i)/-d(i), образованного прибавлением к нему посессивных аффиксов.

Теперь необходимо разобраться во втором элементе аффикса -tuk/-duk — -uk. В связи с этим можно вспомнить об аффиксе -уик с перфективным значением, которого нет в надписях VIII в., но который появляется позже в уйгурских рукописях. Правда, в этом случае могут возникнуть серьезные возражения: аффикс -уик прибавляется непосредственно к корню глагола, и непонятно, почему ему должен предшествовать аффикс отглагольного имени -t- (если бы t находился на конце глагольного корня, производного от глагола, то это был бы -t- — показатель понудительности, который не появляется в формах на -duk); с другой стороны, было бы рискованно предполагать в таких формах, как -tuk/-duk, уже засвидетельствованных в VIII в., выпадение инициального у в аффиксе -уик, который, без всякого сомнения, появился позже (у не является здесь связующим после вокального корня, ср.: *sakın-yuk sän* 'ты подумал').

Поэтому мы предлагаем другую гипотезу, к которой пришли, опираясь на уйгурский язык (в письме *brāhmī* (единственная древняя графика, которая различает о и и) встречается форма *arttok* вместо клас-

сического artuk 'то, что сверх того' — имя, производное от глагола art- 'увеличиваться' (это имя распадается на art-t-ok)) и благодаря Кашгари, доказывающему, что в огузском языке форма на -duk «настаивает» на правдивости (taḥqiq) высказывания. Следовательно, можно предположить, что второй элемент после аффикса -t отглагольного имени в аффиксе -tuk/-duk (-t-ok) является частицей «настойчивости» ok из древнетюркского, находящейся в постпозиции к слову, на котором настаивают. Таким образом, от форм на -t-ok (развивающихся в -tuk) образуется отглагольное имя на -t с перфективным значением того же типа, что и отглагольное имя от спрягаемой формы перфекта на -t-im, -t-iŋ, -t-i и т. д., но с частицей настойчивости в конце (это образование как неизменяемая частица не способно принимать аффиксы посессива, что доказывает неизменяемость и безличность отглагольного имени на -duk). Впрочем, Кашгари отмечает, что частица ok в постпозиции к глагольному образованию сообщает ему значение настойчивости: bargıl-ok 'иди же'.

Могут возразить, что фонетическое исследование гласных o/ö в нена начальном слоге сложных слов выявляет делабиализацию этих гласных в a/ä (ср.: азерб. doxsan от dogğuz-on '90'; säksän от säkkiz-on '80'), но это не абсолютное правило, и есть примеры перехода o/ö путем закрытия в u/ü; в азербайджанском языке старый аффикс -uog/(-uŋ), восходящий к вспомогательному глаголу uog-, становится -(y)uŋ (чередующийся с вокальными формами на ü/i/i согласен закону гармонии гласных).

Итак, на наш взгляд, наиболее правдоподобная гипотеза относительно происхождения аффикса -tuk/-duk — это комбинация аффикса отглагольного имени -t, который сам происходит от перфекта на -t-i, с частицей настойчивости ok.

Этот сложный аффикс, который всегда выступает в функции имени действия и агента действия в большинстве тюркских языков, засвидетельствован, начиная с первых известных текстов, как имеющий предикативное значение (ср.: karluk ešinä kälmeädük 'карлуки не присоединились к своим союзникам' — VIII в.). Он может, следовательно, как и в огузском XI в., образовать парадигму «неизменяемого перфекта», где лицо подлежащего или выражено, или выводится из контекста. В этом случае аффикс -tuk/-duk может одинаково относиться к любому лицу (1-му, 2-му, 3-му) ед. и мн. ч. Дальнейшая его специализация в самостоятельном выражении 1-го лица мн. ч. 'мы' и значительное расширение этого употребления, ставшего доминирующим в живых тюркских языках, создают проблему общего значения: каковы причины, которые могут привести к выражению 'мы' формой, безличной по происхождению?

Можно, например, предположить, что для говорящего, который хочет указать на коллектив, к которому он себя причисляет, понятие коллективности ставится выше понятия своей собственной индивидуальности, и оно склонно отстранить выражение 1-го лица (пусть во множественном числе) в пользу безличного выражения.

Но это только гипотеза, и проблема заслуживает всеобъемлющего изучения в свете общей лингвистики и в случае необходимости — социолингвистики.

Ввиду того, что приведенные факты широкоизвестны, мы отказались от традиционных примечаний; их оказалось бы очень много, и они загромоздили бы статью в ущерб ясности изложения. Мы ограничились

библиографическими указаниями, позволяющими продолжить исследование на данную тему.

Относительно употребления форм на -duk в тюркских «рунических» надписях можно справиться в указателе глаголов, приведенном в следующем труде: *Orkun H. N. Eski Türk Yazitlari*: В 4-х т. Istanbul, 1936—1941. Т. 4. С. 3—148 и т. д.

Чтобы основательно познакомиться с исследованием Кашгари, см.: *Divanü Lügat-it-Türk/Çeviren: Besim Atalay*. Ankara: Türk Dil Kurumu, 1940. 2. С. 59—63.

Для получения более обширных сведений относительно значений суффикса -duk в древнетюркском языке см.: *Gabain Annemarie, v. Alt-türkische Grammatik*. Leipzig, 1950 (индекс -duq — с. 201).

По проблеме форм и значений этого суффикса в тюркских языках в целом см.: *Philologiae Turcicae Fundamenta*. Mainz: Franz Steiner, 1959 (индекс -duq — с. 793 в).

Пер. с фр. М. А. Кулиевой

М. Ф. ЧЕРНОВ

РАЗВИТИЕ ЧУВАШСКОГО ЯЗЫКОЗНАНИЯ

В развитии чувашского языкознания послеоктябрьского периода можно выделить два этапа: 1917—1950 гг. и с 1950 г. по настоящее время.

На первом этапе основное внимание ученых уделялось решению проблем языкового строительства — нормализации письменного литературного языка, упорядочению графики, орфографии и пунктуации, разработке общественно-политической и научной терминологии, созданию общих и терминологических словарей, составлению учебников и учебных пособий для начальной, средней и высшей школы и т. д.

Большой вклад в изучение родного языка внесли секция языкознания Комплексного научно-исследовательского института, открытого в 1930 г., и кафедра чувашского языка и литературы Чувашского государственного педагогического института, организованная в 1937 г.

С 50-х годов наметился курс на сочетание синхронического и диахронического изучения языка, исследование его строя в сравнительно-историческом плане. Определились новые аспекты изучения: фонетика и фонология, историческая фонетика, историческая лексикология и историческая морфология, диалектология и диалектография, фразеология, история письменности и литературного языка, стилистика и язык художественной литературы, история языкознания, библиография.

Рассмотрим историю развития чувашского языкознания за годы советской власти конкретно по его разделам.

Упорядочение графики, орфографии, создание и упорядочение терминологии. По времени создания письменности чувашский язык относится к старописьменным, т. е. к языкам, письменность которых установилась до Октябрьской революции. В ноябре 1971 г. общественность Чувашии широко отметила 100-летие создания новой чувашской письменности — выдающегося события в истории чувашского народа, связанного с именем известного просветителя И. Я. Яковлева [1].

Чувашские алфавит и графика И. Я. Яковлева возникли на почве чувашского языка дореволюционного времени, с учетом произносительных норм низового диалекта. Однако глубокие социально-экономические преобразования, происшедшие в Чувашской республике после революции, как и во всей стране в целом, а также возрастание роли русского языка как языка межнационального общения выявили несоответствие системы графики И. Я. Яковлева тем изменениям, которые произошли в языке и в первую очередь — в его лексическом составе.

Представителями чувашской интеллигенции вносились самые различные предложения по устранению этого несоответствия. Начиная с 1926 г. высшие органы государственной власти Чувашии приняли ряд постановлений, направленных на совершенствование графики и орфографии, в частности «О реформе чувашской орфографии» (1939).

В 1926 г. был издан первый в истории чувашского языкознания «Чувашский орфографический словарь» (составитель Н. И. Ванеркке), подготовленный в соответствии с орфографическими правилами, утвержденными в том же году. Однако уже в этом словаре выявилось все несовершенство правил о слитном и раздельном письме. Предпринимаемые с 1938 г. попытки изменения этих правил так и не устранили противоречий, существующих в чувашской орфографии, и прежде всего — в области слитного и раздельного написания так называемых «сложных слов».

В 20—30-х годах велась интенсивная работа по созданию и упорядочению терминологии. Теоретические вопросы терминотворчества нашли отражение в работах Ф. Т. Тимофеева [2. С. 71—91].

В 50—80-х годах терминологическая работа в республике вновь оживилась. В 1955 г. в Москве проф. Н. К. Дмитриев опубликовал «Грамматическую терминологию родного языка». В работе наряду с татарскими и башкирскими лингвистическими терминами рассматривались и чувашские — с точки зрения способов их образования. В том же году вышла статья Н. А. Андреева, в которой анализировалась терминологическая работа в республике [3. С. 108—121]. В 1961 г. этим же ученым была опубликована еще одна статья, посвященная вопросам упорядочения чувашской терминологии [4. С. 140—144]. В указанный период выходит целый ряд отраслевых двуязычных словарей.

Совершенствование терминологии продолжается и в наши дни. В октябре 1977 г. Научно-исследовательский институт языка, литературы, истории и экономики при Совете Министров Чувашской АССР (далее: Чувашский научно-исследовательский институт) совместно с кафедрой чувашского языкознания Чувашского государственного университета им. И. Н. Ульянова провел научную сессию «Актуальные вопросы чувашской терминологии», а в 1979 г. выпустил в свет сборник по проблемам чувашской терминологии [5].

Фонетика и фонология. Фонетическая структура чувашского языка изучалась еще в прошлом веке. В исследовании чувашской фонетики в дооктябрьский период особая заслуга принадлежит Н. И. Ашмарину [6].

В 20-х годах фонетические особенности чувашского языка рассматривались Т. М. Матвеевым и Ф. Т. Тимофеевым [7]. В. Г. Егорову принадлежат ценные работы о проявлении сингармонизма в чувашском языке [8] и о закономерностях лексического состава и звуковой системы современного чувашского языка [9].

Заслуживает внимания статья А. С. Уськина и И. А. Андреева, посвященная корреляции согласных фонем [10. С. 110—140].

Начало систематическому фонологическому изучению звуковой системы чувашского языка положено В. И. Котлеевым. Придерживаясь концепции Ленинградской фонологической школы, исследователь написал ряд работ по чувашскому вокализму и консонантизму, представляющих собой значительное достижение в изучении звукового строя конкретного языка [11; 12]. В его исследованиях фонетика современного чувашского языка освещается на экспериментальной основе, с применением современной аппаратуры, многие явления звуковой си-

системы впервые получили акустическое обоснование. В итоге удалось представить более точную качественную характеристику гласных и согласных, объяснить фонетическую природу звуковых изменений в потоке речи, принципы слоговой деления, словесного ударения, описать особенности чувашской интонации.

Весомый вклад в развитие теории фонетики чувашского языка внесли У. Ш. Байчура, Е. Н. Степанова, А. В. Кибякова, Г. П. Петров, П. Я. Яковлев.

Словообразование. На первом этапе развития чувашского языкознания словообразование рассматривалось в морфологии, при описании частей речи. С 70-х годов оно формируется уже как самостоятельный раздел науки о языке. По словообразованию появились специальные работы, например статьи А. П. Орловой, посвященные глаголообразованию. В. В. Андреев успешно работает в области отглагольного именного словообразования.

Грамматика. Морфология и синтаксис. Значительные успехи достигнуты в исследовании грамматического строя чувашского языка.

В ряде работ Н. И. Ашмарина по мимологии впервые в тюркологии дана генетическая классификация подражательных слов в чувашском языке [13].

В 50—60-х годах объектом изучения чувашских лингвистов становятся главным образом имя существительное и глагол. В 1953 г. И. П. Павлов написал работу о деепричастиях и их синтаксических функциях, в 1961 г. вышла монография И. А. Андреева «Причастие в чувашском языке». И. А. Андреев глубоко и всесторонне раскрывает грамматическую природу причастий чувашского глагола, что сыграло немаловажную роль в развитии теории сложноподчиненных предложений в чувашском языке.

Утверждению новой падежной системы, более точно отражающей специфику грамматического строя чувашского языка, немало способствовала статья А. И. Иванова о падежах [14. С. 167—192]. Падежная система, предложенная ученым, широко обсуждалась в ходе лингвистической дискуссии 1953—1955 гг. и в основном получила одобрение таких известных тюркологов, как Н. К. Дмитриев, Б. А. Серебrenников, Е. И. Убрятова [15].

В 1957 г. Чувашский научно-исследовательский институт издал коллективный труд «Материалы по грамматике современного чувашского языка» (ч. 1), выход в свет которого был воспринят как большое достижение в чувашском языкознании и в тюркологии в целом. В этом труде, представляющем собой систематический научный курс морфологии чувашского языка, дано описание всех частей речи.

Проблемы морфологии оставались в центре внимания исследователей и в последующие годы. А. И. Иванов продолжил разработку теории о падежах, опубликовал статью о формах выражения прямого объекта [16. С. 88—96]. И. А. Андреев одну из своих работ посвятил научному освещению категории дефинитивности [17. С. 76—87], другую — разграничению частей речи [18. С. 90—103].

С 50-х годов стала развиваться сравнительная грамматика. В 1954 г. вышли «Очерки сравнительной грамматики русского и чувашского языков» Н. А. Резюкова. В 1967 г. автор переиздал их под названием «Сопоставительная грамматика русского и чувашского языков».

В 1963 г. М. Р. Федотов выпустил книгу о категории модальности и способах ее выражения [19]. Ценным учебным пособием для студентов и учителей явилась книга И. П. Павлова «Современный чувашский

язык: Морфология» (на чуваш. яз.), изданная в 1965 г. Ряд вопросов морфологии автор рассматривает с учетом новых достижений тюркологической науки, впервые в чувашском языкознании ставит вопрос о явлениях морфонологического характера. Позднее по проблемам морфонологии он опубликовал специальную работу [20. С. 3—44; 21. С. 3—18].

В последние годы в науку пришли новые силы. Исследования В. И. Сергеева о формах выражения категории множественности и по проблемам морфемики, Г. Н. Васильевой о глаголах движения, В. А. Андреева о категории склонения в чувашском языке заметно обогатили теорию о чувашском языке.

В 1988 г. появилось учебное пособие «Чувашский язык» (на чуваш. яз.) для студентов факультета педагогики и методики начального обучения Чувашского государственного педагогического института им. И. Я. Яковлева (авторы книги Л. П. Сергеев и В. И. Котлеев). Ценность книги состоит в том, что она охватывает все разделы языкознания (кроме синтаксиса), включенные в программу вузов по чувашскому языку. В пособии достаточно полно отражены достижения современной тюркологии.

Научное изучение чувашского синтаксиса начато Н. И. Ашмариным. Еще до революции, в 1903 г., он опубликовал в Казани свой труд «Опыт исследования чувашского синтаксиса» (ч. I), в котором рассматриваются синтаксические функции падежей.

В 1923 г. в Симбирске вышла вторая часть «Опыта исследования чувашского синтаксиса». Эту часть исследователь посвятил синтаксической роли спрягаемых и неспрягаемых форм глаголов, вспомогательных глаголов, а также месту и роли неспрягаемых глагольных форм в оформлении сложноподчиненных предложений.

В 20-х годах дело Н. И. Ашмарина продолжил Ф. Т. Тимофеев [7]. Но наиболее интенсивная работа над синтаксисом началась с 50-х годов. И. А. Андреев, опираясь на учение Н. К. Дмитриева о придаточных предложениях переходного типа в тюркских языках, считает возможным отнести к ним лишь конструкции с грамматически выраженным подлежащим. Это положение позволило по-новому интерпретировать природу сложноподчиненного предложения и критически подойти к так называемым «предложениеподобным членам».

В 60-х годах И. П. Павлов опубликовал ряд статей по конкретным видам сложноподчиненных предложений, вышли в свет монография М. Ф. Чернова «Обособленные члены предложения в современном чувашском языке» (1963), статьи Н. П. Петрова о присоединительных конструкциях. В последующем были опубликованы статьи Ю. М. Виноградова о прямой, косвенной и несобственно прямой речи, Р. А. Мышкиной — о категории отрицания в структуре чувашского предложения. В 1970 г. было издано учебное пособие С. П. Горского для студентов и учителей «Хальхи чăваш литература чĕлхин синтаксисĕ».

Большая заслуга в изучении проблем чувашского синтаксиса принадлежит проф. И. А. Андрееву. В труде, который им был написан в 1970 г. [22], глубоко и всесторонне характеризуются структурно-семантические особенности простого предложения. Анализ грамматической структуры предложения осуществлялся автором с учетом смысловых особенностей, выводы его опираются на обширный и разносторонний материал. Результаты многолетних исследований И. А. Андреева по чувашскому синтаксису впоследствии были обобщены им в двух книгах, изданных в 1973 и 1975 гг. [23]. В первой из них ученый рассматривает коммуникативное и грамматическое строение простого

предложения, проблему второстепенных членов предложения и обособления, порядок слов в простом предложении и по каждому вопросу выдвигает свои концепции. Во второй книге он описывает типы сложных предложений в чувашском языке, развивает теорию сложноподчиненного предложения, уделяя особое внимание критике учения о предложениеподобных членах.

И. А. Андреев большое внимание уделяет упорядочению пунктуации. В 1990 г. он выпустил книгу «Чувашская пунктуация: прошлое, настоящее, будущее» (на чуваш. яз.).

Лексикология и фразеология. Анализ лексического состава чувашского языка В. Г. Егоров еще в 30-х годах посвятил специальный раздел своей книги «Введение в изучение чувашского языка». Наиболее интенсивно вопросы лексикологии исследовались в 50—60-х годах. Общие вопросы лексикологии рассмотрены в работах В. Г. Егорова, Н. А. Андреева [24; 25], арабские и персидские заимствования в чувашском языке — в статьях М. Р. Федотова [26. С. 84—124]. Русские лексические заимствования описаны И. Т. Сергеевым и Л. П. Сергеевым [27. С. 110—116; 28. С. 113—130], марийские заимствования в чувашском языке [29] — Г. В. Лукьяновым. Проблемы развития чувашской лексики в советскую эпоху и роль русского языка в ее истории исследованы А. Е. Горшковым [30; 31].

Чувашские лингвисты изучали и другие проблемы лексикологии. Работы Е. Ф. Васильевой по синонимам, Ю. Ф. Ефимова по лексикограмматическим особенностям пословиц, Г. А. Дегтярева по лексике земледелия обогатили теорию о чувашской лексике.

На 70-е годы приходится развитие новой отрасли чувашского языкознания — фразеологии. Автором настоящей статьи в «Трудах Чувашского научно-исследовательского института» опубликован целый ряд статей по чувашской фразеологии, в которых критически оцениваются существующие точки зрения на фразеологизм и развивается мысль, что несвободные сочетания (фразеологические единицы) представляют собой в основном отступления от правил интеграции лексем как значимых единиц языка. Изучение вопросов фразеологии закономерно вызвало внимание к семантической структуре слова, синтагматическим свойствам слов, структурно-семантическим типам словесных комплексов, что в той или иной степени отразилось в работах М. Ф. Чернова. Результаты его исследований фразеологической проблематики отражены в двух монографиях [32; 33].

Лексикография и фразеография. Первые словари, вышедшие после революции, были небольшими по объему и преследовали чисто практическую цель — способствовать овладению чувашами русским языком. В 1931 г. в Чебоксарах был издан «Русско-чувашский словарь» (редактор Т. М. Матвеев), включающий в себя около 6 000 слов. Более полно чувашская лексика отражена в «Чувашско-русском словаре» В. Г. Егорова, изданном в 1935 г. (2-е изд. — в 1954).

Значительным событием явилось создание 17-томного «Словаря чувашского языка» Н. И. Ашмарина [34]. Этот труд содержит богатейший лексикологический материал и по праву может быть отнесен к достижениям мировой лексикографии. С. Е. Малов считает, что «в Советском Союзе из словарей турецких языков только словарь якутского языка Э. К. Пекарского может быть сравним со словарем Н. И. Ашмарина» [35. С. 136].

Из словарей в свое время наиболее полным был «Русско-чувашский словарь», вышедший в Москве под редакцией Н. К. Дмитриева. Через 20 лет, в 1971 г., был издан новый «Русско-чувашский словарь» (редакторы И. А. Андреев и Н. П. Петров). Достойное место среди словарей занимает «Русско-чувашский словарь» В. Г. Егорова (1-е изд. 1960 г., 2-е — 1972 г.).

Важным событием в лексикографической практике Чувашии стал выход в свет в 1961 г. в Москве «Чувашско-русского словаря» под редакцией М. Я. Сироткина — наиболее полного нормативного словаря современного чувашского литературного языка.

В 1982 г. издательство «Русский язык» выпустило в свет новый большой «Чувашско-русский словарь» (редактор М. И. Скворцов). Названный словарь по сравнению с «Чувашско-русским словарем» 1961 г. является значительным шагом вперед. Если словарь 1961 г. содержит 28 тыс. слов, то в словаре 1982 г. их насчитывается уже около 40 тыс., причем в нем впервые в истории чувашской лексикографии широко использована словарная картотека Чувашского научно-исследовательского института.

Начиная с 60-х годов регулярно издаются двуязычные отраслевые словари.

В 1975 г. вышел в свет «Краткий русско-чувашский фразеологический словарь» (составитель М. Ф. Чернов), в 1982 г. — «Чувашско-русский фразеологический словарь: Глагольно-именные фразеологизмы».

Диалектология и диалектография. Первым исследователем чувашских диалектов был Н. И. Ашмарин [36. С. 65—79]. Диалектные особенности нашли отражение как в трудах общего характера (В. Г. Егоров), так и в специальных исследованиях, наиболее значительным из которых является работа Т. М. Матвеева «Краткий обзор чувашских диалектов» [37. С. 8—65]. На материале отдельных говоров написаны кандидатские диссертации Р. И. Цаплиной, Г. М. Чуркина, А. С. Канюковой, Л. П. Сергеева, Г. Е. Корнилова.

За последние годы диалектологическими экспедициями, организованными Чувашским научно-исследовательским институтом, собран большой фактический материал. Часть его систематизирована и опубликована в четырех выпусках сборника «Материалы по чувашской диалектологии» (Чебоксары, 1960—1971).

В 1975 г. вышло в свет учебное пособие «Чувашская диалектология» А. С. Канюковой. В 1968 г. Л. П. Сергеев опубликовал «Диалектологический словарь чувашского языка», а в 1969 г. — монографию «Чувашские народные говоры» (на чуваш. яз.). Интересный материал по чувашской диалектологии содержат выпуски сборника «Диалекты и топонимия Поволжья» (Чебоксары, 1972—1980), который издавался Чувашским государственным университетом им. И. Н. Ульянова.

Проф. Л. П. Сергеев является зачинателем в чувашском языкознании лингвогеографического изучения современных диалектов. В своей докторской диссертации, посвященной изучению диалектной системы чувашского языка, исследователь широко использовал опыт лингвистического картографирования диалектных явлений [38]. Л. П. Сергеев уделяет внимание и вопросам исторической диалектологии чувашского языка.

История языка. Трудami Н. И. Золотницкого и Н. И. Ашмарина еще до революции доказано генетическое родство чувашского языка с другими тюркскими языками, заложены основы булгарской теории

его происхождения. Однако в 30-х годах эта теория была объявлена антинаучной. Специальная научная сессия, посвященная этногенезу чувашского народа (май 1956 г.), подтвердила правильность болгарской теории, признав несостоятельной теорию автохтонного происхождения чувашей. С докладами по вопросам языка на этой сессии выступили Б. А. Серебренников и Н. А. Андреев, которые привели многочисленные данные, подтверждающие связь между чувашским и болгарским языками [39].

До 60-х годов языкознание располагало лишь отдельными статьями по тем или иным вопросам истории чувашского языка. Так, Б. А. Серебренников опубликовал ряд статей по истории фонетики и морфологии, о типологических параллелях между чувашским и другими тюркскими, а также соседними финно-угорскими языками [40. С. 63—75; 41. С. 189—201; 42. С. 15—23; 43. С. 133—138]. Н. А. Андреев одну из работ посвятил истории числительных чувашского языка [44. С. 236—245].

С 60-х годов стали появляться монографические исследования, охватывающие весьма широкий круг проблем исторической фонетики, морфологии и лексики, — история языка стала самостоятельным разделом чувашского языкознания. В 1960 г. вышла интересная статья Т. М. Матвеева о генезисе форм числительных [45. С. 3—14]. И. А. Андреевым рассмотрены формы множественности на основе диалектных данных с точки зрения их происхождения [46. С. 44—58]. М. Р. Федотов опубликовал статью о происхождении названий дней [47. С. 245—259]. Н. А. Андреев занимается научными изысканиями в области ирано-чувашских языковых параллелей [48. С. 91—113]. В 1966 г. Л. С. Левитская завершила работу «Историческая фонетика чувашского языка», в которой не только обобщила результаты, полученные предшествующими исследователями, но и, пользуясь новыми фактами, в том числе данными диалектов и финно-угорских языков, предложила свою интерпретацию многих звуковых изменений чувашского языка. В 1976 г. в издательстве «Наука» увидела свет ее монография «Историческая морфология чувашского языка». В ней подробно освещены все основные словоизменительные и словообразовательные формы в языке: происхождение этих форм рассмотрено на фоне всех тюркских и соседних финно-угорских языков.

М. Р. Федотов в 1965—1968 гг. опубликовал большое исследование в двух книгах об исторической связи чувашского с финно-угорскими языками [49; 50]. Труд получил высокую оценку специалистов, за него автору присуждена ученая степень доктора филологических наук.

Одна из работ проф. М. Р. Федотова — «Чувашский язык в семье алтайских языков» (1980—1986), — состоящая из трех частей, посвящена сложной проблеме установления исторически сложившихся генетических отношений между чувашским языком и другими тюркскими языками, между тюркскими языками и алтайской семьей языков и, наконец, между чувашским языком и уральской группой языков. Исследование М. Р. Федотова признано не только в нашей стране, но и за рубежом как значительный вклад в тюркологию. По мнению А. Н. Кононова, «труд М. Р. Федотова, насыщенный большим и тщательно систематизированным фактическим материалом тюркских языков в сопоставлении с другими алтайскими языками, являет собой крупное достижение в области чувашского и общетюркского языкознания» [51. С. 101; 52. С. 95—100; 53. С. 131—134].

М. Р. Федотов много работает и по созданию учебных пособий для студентов университетов [54—57].

Событием в научной жизни Чувашии стал выход в свет в 1964 г. «Этимологического словаря чувашского языка» проф. В. Г. Егорова. В 1973 г. Г. Е. Корнилов опубликовал книгу «Евразийские лексические параллели», в которой им уточнены объем и характер болгаро-чувашско-венгерских параллелей. Подражательным словам чувашского и других тюркских языков исследователь посвятил монографию «Имитативы в чувашском языке», изданную в 1984 г.

Большую ценность для исторической лексикологии и этимологии представляют исследования Н. И. Егорова. Заслуживают внимания работы М. И. Скворцова о старочувашской общественно-политической лексике, А. П. Хузангая по топонимике, Е. А. Лебедевой об этимологии чувашских названий рыб и снастей, а также статьи Л. П. Петрова, раскрывающие этимологию названий птиц, и Ю. Дмитриевой — этимологию названий травянистых растений.

Много делает для изучения истории чувашской лексики исследователь русского и славянских языков проф. И. Г. Добродомов. В его монографии, посвященной болгарским лексическим элементам [58], и в многочисленных статьях содержится ценный материал по чувашской этимологии и исторической лексикологии.

Из зарубежных ученых изучением истории чувашского языка занимается профессор Сегедского университета А. Рона-Таш. В 1972 г. в Сегеде им издана книга «Монгольские заимствования в чувашском языке». Итогом тщательных исследований древних венгеро-чувашских языковых связей путем чтения эпиграфических надписей явилась его книга (в соавторстве с С. Фодором) «Булгарская эпиграфика» (Сегед, 1973). В своей докторской диссертации «Чувашско-монгольские лексические параллели» и в статье «Общее наследие или заимствование?» [59. С. 34—42] А. Рона-Таш поднял важную и дискуссионную проблему родства алтайских языков.

Известный венгерский лингвист Лигети Лайош в 1986 г. в Будапеште опубликовал крупное исследование «Тюркские заимствования венгерского языка эпохи завоевания новой родины и династии Арпада», в котором большое место отводится чувашскому материалу.

Чувашским языком интересовались другие венгерские ученые, в частности Й. Буденц, З. Гомбац, Б. Мункачи, Маргит К. Палло [60].

В сентябре 1978 г. в Чебоксарах состоялась научная сессия, посвященная проблемам исторической лексикологии чувашского языка. Организаторами ее были Чувашский научно-исследовательский институт и историко-филологический факультет Чувашского государственного университета им. И. Н. Ульянова. Вместе с чувашскими лингвистами и историками в работе сессии участвовали ученые Москвы, Казани, Ижевска, Йошкар-Олы, Элисты, профессор Сегедского университета Венгрии А. Рона-Таш. На сессии было запланировано издание «Этимологического словаря чувашского языка» в трех томах. Автором первого тома, который уже подготовлен, является Н. И. Егоров.

В 1983 и 1989 гг. в Чебоксарах были проведены очередные совещания этимологов.

9—10 октября 1984 г. в столице республики состоялось 10-е пленарное заседание Советского комитета тюркологов, на котором присутствовали лингвисты многих тюркологических центров страны. Известные тюркологи Э. Р. Тенишев, Н. А. Баскаков, М. З. Закиев, З. Г. Ураксин, Г. Ф. Благова, Е. Н. Убрятова, Б. Ч. Чарыяров и другие выступили с докладами. Из чувашских ученых И. А. Андреев и В. И.

Котлеев представили на обсуждение доклад на тему «Основные проблемы чувашского языкознания», В. Ф. Каховский и Н. И. Егоров выступили соответственно с докладами «Основные этапы этнической истории чувашей» и «Булгаро-чувашско-кыпчакские этноязыковые взаимоотношения».

После пленума, 11—12 октября, прошла научно-методическая конференция «Совершенствование преподавания общетюркологических дисциплин в вузе», в программе которой основное место заняла историческая проблематика.

История письменности и литературного языка. Период становления чувашского литературного языка освещается в трудах В. Г. Егорова, С. П. Горского, М. Я. Сироткина, Н. П. Петрова [61. С. 150—175; 9. С. 59—70; 62; 63. С. 3—18, 30—60; 64]. В 1979 г. вышла монография Н. П. Петрова «Чăваш литература чĕлхин историйĕ», в которой автор по-новому решает ряд теоретических вопросов чувашского литературного языка дояковлевского периода. В 1980 г. Н. П. Петров опубликовал другое свое исследование — «Чувашский язык в советскую эпоху. Развитие социальных функций и литературных норм». В нем он подробно освещает вопросы развития лексических, грамматических, фонетических норм, усовершенствования алфавита, орфографии и пунктуации чувашского литературного языка в процессе его функционирования и внутривидового развития. В 1982 г. он успешно защитил докторскую диссертацию на тему: «Функциональное развитие и нормализация чувашского литературного языка». Проблеме нормализации чувашского литературного языка посвящена другая новая книга ученого [65].

Ценную монографию о старой чувашской письменности написал Л. П. Сергеев [66]. Немалый вклад в изучение истории чувашской письменности внес А. А. Алексеев.

История чувашского языкознания нашла свое отражение в статьях В. Г. Егорова о первой чувашской грамматике, словарях XVIII в., о роли Казанского университета в изучении чувашского языка и др. Большую ценность имеет его книга «Библиографический указатель литературы по чувашскому языку» (М., 1931), охватывающий период с XVIII в. по 1930 год. Достаточно полно отражены в нем труды зарубежных лингвистов.

Заметным событием в чувашском языкознании стало издание в 1988 г. книги М. Р. Федотова «Исследователи чувашского языка». Автор знакомит нас с жизнью и деятельностью отечественных и зарубежных языковедов, внесших вклад в изучение чувашского языка, выражает свое отношение к их научным трудам.

Отдельные этапы развития науки о чувашском языке глубоко и всесторонне освещены в работах И. А. Андреева, И. Г. Добродомова, В. И. Котлеева, Л. С. Левитской, И. П. Павлова, Н. П. Петрова, Л. П. Сергеева, М. Ф. Чернова.

Изучение истории чувашского языкознания показывает, что развитие его определялось прежде всего практическими задачами и целями, выдвигаемыми жизнью, что чувашские лингвисты, идя в ногу с требованиями дня, внесли свой достойный вклад в теорию и практику тюркского языкознания. Многие из созданного чувашскими языковедами получило общесоюзное признание.

П Р И М Е Ч А Н И Я

- ¹ 100 лет чувашской письменности. Чебоксары, 1972.
- ² Андреев И. А. Чѣлхе терминёсен аталану сул-йѣрѣ // Чăваш терминологийĕн ыйтăвĕсем: (ЧНИИ тĕпчев ёĕсем. 88-мĕш кăларăм). Шупашкар, 1979.
- ³ Андреев Н. А. Вопросы чувашской терминологии // Учен. зап. ЧНИИ. Чебоксары, 1955. Вып. 12.
- ⁴ Он же. Работа над упорядочением чувашской терминологии // Вопросы терминологии. М., 1961.
- ⁵ Чăваш терминологийĕн ыйтăвĕсем: (Тĕпчев ёĕсем. 88-мĕш кăларăм). Шупашкар, 1979.
- ⁶ Ашмарин Н. И. Материалы для исследования чувашского языка. Казань, 1898. Ч. 1: Учение о звуках: (Фонетика); ч. 2: Учение о формах: (Морфология).
- ⁷ Тимухха Хĕветĕрĕ. Чăваш чĕлхин крамматикĕ: (Фонетик, морфологи, синтаксис). Шупашкар, 1928.
- ⁸ Егоров В. Г. Закон гармонии гласных в чувашском языке // Научно-педагогический сборник. Казань, 1928. Вып. 4.
- ⁹ Он же. Современный чувашский литературный язык в сравнительно-историческом освещении. Чебоксары, 1954.
- ¹⁰ Уськин А. С., Андреев И. А. О соотносительных рядах согласных фонем в современном чувашском литературном языке // Учен. зап. ЧНИИ. Чебоксары, 1958. Вып. 16.
- ¹¹ Котлеев В. И. Фонетика // Хальхи чăваш чĕлхин фонетики, графика тата орфографияĕ: (ЧНИИ тĕпчев ёĕсем. 83-мĕш кăларăм). Шупашкар, 1978.
- ¹² Он же. Чăваш чĕлхин сасă тытăмĕ: (Фонологи очеркĕсем). Шупашкар, 1981.
- ¹³ Ашмарин Н. И. Основы чувашской мимологии: (О подражательных словах в чувашском языке). Казань, 1918.
- ¹⁴ Иванов А. И. К вопросу о падежах в чувашском языке в связи с изучением специфики его // Зап. ЧНИИ. Чебоксары, 1953. Вып. 8.
- ¹⁵ См.: Учен. зап. ЧНИИ. Чебоксары, 1955. Вып. 12.
- ¹⁶ Иванов А. И. Прямой объект и формы его выражения в чувашском языке // Филологический сборник: Учен. зап. ЧНИИ. Чебоксары, 1965. Вып. 28.
- ¹⁷ Андреев И. А. К категории дефинитивности в чувашском языке // Там же.
- ¹⁸ Он же. К вопросу о выделении категории относительных прилагательных в тюркских языках // Вопросы чувашской литературы и языка: Учен. зап. ЧНИИ. Чебоксары, 1966. Вып. 32.
- ¹⁹ Федотов М. Р. Средства выражения модальности в чувашском языке. Чебоксары, 1963.
- ²⁰ Павлов И. П. Краткий очерк морфологии современного чувашского языка // Чувашский язык, литература. Чебоксары, 1973. Вып. 4.
- ²¹ Чувашский язык и литература // Тр./ЧНИИ. Чебоксары, 1975. Вып. 53.
- ²² Андреев И. А. Структура простого предложения современного чувашского языка: Дис. ... д-ра филол. наук. Чебоксары, 1970.
- ²³ Он же. Чăваш синтаксисĕн ыйтăвĕсем. Шупашкар, 1973. 1 пайĕ; Шупашкар, 1975. 2 пайĕ.
- ²⁴ Егоров В. Г. Современный чувашский литературный язык в сравнительно-историческом освещении. 2-е изд., испр. Чебоксары, 1971.
- ²⁵ Андреев Н. А. Ядро основного словарного фонда чувашского языка // Зап. ЧНИИ. Чебоксары, 1953. Вып. 8.
- ²⁶ Федотов М. Р. Об арабских и персидских заимствованиях в чувашском языке // Вопросы чувашского языкознания и литературоведения: Учен. зап. ЧНИИ. Чебоксары, 1963. Вып. 26.
- ²⁷ Сергеев И. Т. Русские областные слова в лексике чувашского языка и его диалектов // Проблемы исторической лексикологии чувашского языка: Тр./ЧНИИ. Чебоксары, 1980. Вып. 97.
- ²⁸ Сергеев Л. П. Изоглосные явления русских лексических проникновений в чувашском языке // Вопросы чувашского языка и литературы: Учен. зап. ЧНИИ. Чебоксары, 1966. Вып. 32.
- ²⁹ Лукоянов Г. В. Марийские заимствования в чувашском языке. Чебоксары, 1974.
- ³⁰ Горшков А. Е. Чăваш лексикин аталанăвĕ: (Совет тапхăрĕ). Шупашкар, 1960.
- ³¹ Он же. Роль русского языка в развитии и обогащении чувашской лексики. Чебоксары, 1964.
- ³² Чернов М. Ф. Фразеология современного чувашского языка. Чебоксары, 1985.
- ³³ Он же. Современный чувашский литературный язык: Слово, фразеологизм и свободное сочетание слов. Чебоксары, 1988.
- ³⁴ Ашмарин Н. И. Словарь чувашского языка. Казань, 1928—1929. Вып. 1—3; Чебоксары, 1929—1950. Вып. 4—17.
- ³⁵ Малов С. Е. Памяти Н. И. Ашмарина // Зап. ЧНИИ. Чебоксары, 1941. Вып. 1.

- ³⁶ Ашмарин Н. И. Заметки по чувашской диалектологии // Материалы по чувашской диалектологии. Чебоксары, 1960. Вып. 1.
- ³⁷ Матвеев Т. М. Краткий обзор чувашских диалектов // Там же.
- ³⁸ Сергеев Л. П. Диалектная система чувашского языка: Диалектологический атлас: Дис. ... д-ра филол. наук. Чебоксары, 1973.
- ³⁹ О происхождении чувашского народа. Чебоксары, 1957.
- ⁴⁰ Серебренников Б. А. К вопросу о действительных взаимоотношениях между чувашским языком, болгарским и татарским языками // Учен. зап. ЧНИИ. Чебоксары, 1956. Вып. 14.
- ⁴¹ Он же. Заметки по исторической морфологии чувашского языка // Учен. зап. ЧНИИ. Чебоксары, 1958. Вып. 16.
- ⁴² Он же. О некоторых структурных типологических параллелях между чувашским и тюркскими языками Азии // Вопросы чувашского языка, литературы и искусства. Чебоксары, 1960.
- ⁴³ Он же. Два вопроса исторической фонетики чувашского языка // Учен. зап. ЧНИИ. Чебоксары, 1964. Вып. 27.
- ⁴⁴ Андреев Н. А. Чувашские порядковые числительные в сравнении с порядковыми числительными болгарских надгробных надписей // Учен. зап. ЧНИИ. Чебоксары, 1956. Вып. 14.
- ⁴⁵ Матвеев Т. М. Некоторые особенности чувашских числительных // Вопросы чувашского языка, литературы и искусства. Чебоксары, 1960.
- ⁴⁶ Андреев Н. А. Происхождение формы множественности в свете диалектных данных // Материалы по чувашской диалектологии. Чебоксары, 1960. Вып. 3.
- ⁴⁷ Федотов М. Р. О названиях дней у чувашей // Учен. зап. ЧНИИ. Чебоксары, 1962. Вып. 21.
- ⁴⁸ Андреев Н. А. Иранско-чувашские этнокультурные и языковые параллели // Чувашский язык и литература: Тр. ЧНИИ. Чебоксары, 1975. Вып. 59.
- ⁴⁹ Федотов М. Р. Исторические связи чувашского языка с языками угро-финнов Поволжья и Перми. Чебоксары, 1965.
- ⁵⁰ Он же. Исторические связи чувашского языка с волжскими и пермскими финно-угорскими языками. Чебоксары, 1968.
- ⁵¹ Кононов А. Н. Рец. на кн.: М. Р. Федотов. Чувашский язык в семье алтайских языков. Чебоксары, 1980. 1; 1983. 2; 1986. 3 // Сов. тюркология. 1986. № 2.
- ⁵² Кириллова Ю. Рец. на кн.: М. Р. Федотов. Чувашский язык в семье алтайских языков. Чебоксары, 1980. 1; 1983. 2; 1986. 3 // Сопоставительно языкознание. Изд. Софийск. ун-та. 1987. № 2.
- ⁵³ Райко Сефтерский. Фунтаметално изследованье за българско-чувашско-то езикознание: Рец. на кн.: М. Р. Федотов. Чувашский язык в семье алтайских языков. 1980. 1; 1983. 2; 1986. 3 // Старобългаристика. 1987. № 2.
- ⁵⁴ Федотов М. Р. История чувашского языка. Чебоксары, 1971. Ч. 1: Звуки.
- ⁵⁵ Он же. Древнетюркский язык. Чебоксары, 1973.
- ⁵⁶ Он же. Сравнительная грамматика тюркских языков. Чебоксары, 1975.
- ⁵⁷ Он же. Введение в тюркологию. Чебоксары, 1976.
- ⁵⁸ Добродомов И. Г. Проблемы изучения болгарских лексических элементов в славянских языках: Дис. ... д-ра филол. наук. М., 1974.
- ⁵⁹ Рона-Таш А. Общее наследие или заимствование? // Вopr. языкознания. 1974. № 2.
- ⁶⁰ Исследования венгерских ученых по чувашскому языку. Чебоксары, 1985.
- ⁶¹ Егоров В. Г. Введение в изучение чувашского языка. М., 1930.
- ⁶² Горский С. П. Очерки по истории чувашского литературного языка дооктябрьского периода. Чебоксары, 1959.
- ⁶³ Сироткин М. Я. Очерки дореволюционной литературы. 2-е изд., дополн. Чебоксары, 1967.
- ⁶⁴ Петров Н. П. Чăваш сырулăхĕ: (Сĕнĕ сырулăх пуçланни 100 çул çитнĕ май). Шупашкар, 1971.
- ⁶⁵ Он же. Нормализация чувашского литературного языка. Чебоксары, 1988.
- ⁶⁶ Сергеев Л. П. Кивĕ чăваш сырулăхĕ. Шупашкар, 1988.

СТРУКТУРА И ИСТОРИЯ ЯЗЫКА

А. МЕМЕТОВ

О ПРОИСХОЖДЕНИИ КРЫМСКИХ ТАТАР И ИХ ЯЗЫКА

Существует наивное мнение, будто крымские татары являются прямыми потомками монгольских завоевателей, которые проникли в Крым в начале XIII в. Такая точка зрения проводится не только в научных трудах прошлых лет, но и в ряде новых публикаций. Так, составители каталога коллекций «Крымские татары» Э. Г. Торчинская и Е. Б. Кочетова утверждают, что «крымские татары — один из народов, населявших Крымский полуостров с начала XIII в.» [1. С. 3]. Касаясь этногенеза крымских татар, историограф Ю. Шмелев пишет: «Различаются степные крымские татары — потомки ногайцев и южнобережные — потомки анатолийских тюрков, пришедших в Крым из Турции... Ногайцы — потомки тюркских и монгольских племен, с XIII века входивших в улус золотоордынского темника Ногая... Анатолийские тюрки — одно из племен, переселенное из Восточного Туркестана на Алтай ... татары заселили Крымский полуостров в XIII веке» [2. С. 3]. Вот так, предельно просто решается сложная проблема...

Подобные утверждения отвечали бы истине только в двух случаях: 1) если бы монголо-татары в начале XIII в. не застали в Крыму местного населения и 2) если бы они истребили все население, которое там проживало. Но, как известно, ни того ни другого не было. Напротив, в Крыму и на юге России монголо-татары встретили упорное сопротивление тюркоязычного населения, т. е. тюркского и тюркизированного по языку, — киммерийцев, тавров, скифов, сарматов, алан, готов, греков и других, проживавших здесь и в глубокой древности.

Хотя история и этногенез крымских татар до сих пор так и не стали предметом специальных исследований, тем не менее в той или иной мере они затронуты в работах ряда русских, советских, а также зарубежных историков, археологов, антропологов и лингвистов. О крымских татарах писали В. П. Смирнов, В. Х. Кондараки, В. В. Радлов, Н. А. Аристов, А. А. Куник, В. В. Гинзбург, Э. Челеби, А. Н. Бернштам, А. Л. Якобсон, З. Ш. Навширванов, А. Н. Самойлович, Н. А. Баскаков, К. М. Мусаев, Л. Н. Гумилев, С. А. Плетнева, М. И. Артамонов и др.

Рассмотрим происхождение крымских татар и их языка на основе работ указанных авторов и других доступных нам источников.

Территория, на которой сформировался крымско-татарский народ, благодаря своему географическому положению и разнообразию природных условий с глубокой древности заселялась различными племенами. Эти племена смешивались друг с другом и с вновь прибывшими кочевниками, которые, оставаясь в завоеванной стране, переходили постепенно от кочевого образа жизни к оседлому.

Древнейшими обитателями Крыма, известными нам по античным источникам, были киммерийцы. Это подтверждается древними и средне-

вековыми историками и их современниками, а также сохранившимися в восточной части Крыма такими топонимическими названиями, как Боспор Киммерийский, Киммерийские переправы, Киммерийские стены, Киммерик [3. С. 240]. Как считает В. И. Абаев, киммерийцы по языку были иранцами [4. С. 125].

В середине VII в. до н. э. часть киммерийцев скифами была оттеснена из степной полосы в предгорья и горы Крыма, где они стали называться таврами. От этих тавров и происходит древнее название горной и прибрежной части Крыма — Таврика, Таврия, Таврида. До наших дней в горной части Крыма сохранились остатки укрепленных убежищ и хижин тавров, их кромлехи — кольцообразные ограды из вертикально поставленных камней, обозначающих места погребений, и таврские гробницы — «каменные ящики» [5. С. 5].

Вытеснив киммерийцев из Северного Причерноморья, скифы захватили Мидию, Сирию и Палестину. По сообщению Геродота, основной территорией их расселения были степи между нижним течением Дуная и Дона, включая степной Крым и районы, прилегающие к Северному Причерноморью. Следы пребывания скифов отмечены и на Северном Кавказе.

Носители скифского языка в древности были известны под названием скифов, сарматов, алан, роксалан и др. Связных текстов на этом языке, к сожалению, до нас не дошло. Однако анализ сохранившихся в эпиграфических памятниках и у античных авторов значительного количества собственных имен, топонимических названий и этнонимов дает основание отнести его к иранским наречиям, представляющим собой самостоятельную северо-восточную ветвь иранской группы языков. Основу одного из скифо-сарматских наречий (алан), по мнению некоторых исследователей, составил осетинский язык [6. С. 6].

В раннее средневековье «...сохранившиеся на юге нашей страны группы сарматов... смешались с другими народами (славянскими, северокавказскими), в большей степени с тюркоязычными племенами» [7. Т. 22. С. 599].

Скифское государство в Крыму просуществовало до второй половины III в. н. э. Примерно в конце II—начале III в. н. э. большую часть территории полуострова захватили готы. Однако в Северном Причерноморье они продержались недолго: в IV в. под мощным натиском гуннов им пришлось переселиться в труднодоступные места Крыма. Постепенно смешавшись с потомками тавроскифов, они положили начало этногенезу крымско-татарского населения.

До вторжения гуннов население Крыма состояло из потомков киммерийцев, тавров, скифов, греков, сарматов, алан и готов. Естественно, между ними происходил интенсивный процесс смешения, о чем косвенно свидетельствуют встречающиеся в античных источниках термины *тавроскифы* и *скифотавры*, а также археологические находки.

Во второй половине IV в. [8] гунны сообща с аланскими племенами, чье сопротивление им удалось сломить, разгромили города Боспорского государства на Таманском полуострове, а затем обрушились на готов, занимавших причерноморские степи.

Разгромив остготов и заставив вестготов отступить во Фракию, гунны неоднократно вторгались в пределы Римской империи и разоряли ее города. Ставка главного гуннского вождя в этот период размещалась где-то в Северном Причерноморье. Как сообщает римский посол Олимпиодор, чтобы достичь ставки правителя гуннов, ему пришлось переправиться через Понт (Черное море) [9. С. 9].

После того, как великая гуннская держава распалась (453 г. н. э.),

часть гуннских племен (спирь, сарагуры и аланы) осталась на Дунае и в Причерноморье [10. С. 8], а другая откочевала на Восток, в Среднюю Азию, где их называли белыми гуннами (или эфталитами).

Гуннское нашествие коренным образом изменило облик южной части Восточной Европы. Начиная с IV в. в степной полосе Крыма господствовали тюркоязычные племена, ассимилировавшие ее старое ираноязычное население. Смещение тюрков и угров с прежним населением Восточной Европы привело к образованию новых народов и новых этнических массивов, возникла новая этнографическая карта Восточной Европы, существенно отличающаяся от прежней и в основных своих чертах сохранившаяся до наших дней [11. С. 9].

Для включения языка гуннов в ту или иную группу алтайской семьи языков в распоряжении ученых нет достаточного количества материалов. Однако на основании анализа сохранившихся лексических элементов, которые связаны с названиями родов и племен, собственными именами и т. п. и интерпретируются как остатки гуннского языка, исследователи считают его одним из древнетюркских языков и сближают с болгаро-хазарской группой. По мнению А. А. Куника, «тюркский элемент совершенно ясно выступает в Южной Руси... со времени гуннского нашествия, когда Алтай... стал высылать орду за ордой на Западную Азию и Черноморье» [12. С. 715].

Иранские племена, впоследствии растворившиеся среди тюркоязычных предков крымских татар, оставили после себя большое количество лексических и грамматических элементов иранского происхождения.

Иранизмы в крымско-татарском языке представляют собой языковой субстрат и употребляются во многих жизненно важных сферах человеческой деятельности. Это: 1) географические названия: *джиан* 'мир, вселенная', *земин* 'почва', *чимен* 'луг, лужайка', *чешме* 'родник'; 2) имена собственные: а) женские: *Гульпемпе* — букв.: 'цветок хлопчатника', *Рушен* — букв.: 'светлая, ясная, сияющая', *Гульчере* — букв.: 'румяная, розоволикая', *Гульджан* — букв.: 'цветок души', *Диляра* 'украшающая сердце, красивая'; б) мужские: *Дилявер* — букв.: 'приносящий сердце, смелый, храбрый, отважный', *Дильшат* — букв.: 'веселый, радостный'; 3) названия животных и птиц: *сансар* 'белка', *керкедан* 'носорог', *хораз* 'петух'; 4) анатомические названия: *панджа* 'пятерня', *чере* 'лик, лицо', *джигер* 'печень', *эндам* 'фигура', *гердан* 'нижняя часть подбородка (у женщин)', *перчем* 'чуб, пучок волос'; 5) календарные названия сезонов, дней недели: *баарь* 'весна', *чаршенбе* 'среда', *базар* 'воскресенье', *афта* 'неделя'; 6) земледельческая лексика: а) виноградарство и садоводство: *багъ* 'виноградник', *багъча* 'сад', *бадем* 'миндаль', *зердали* 'урюк', *шефтали* 'персик'; б) бахчеводство, овощеводство и цветоводство: *бостан* 'бахча, огород', *чюкюндир* 'свекла', *хыяр* 'огурец', *пирнич* 'рис', *гуль* 'роза', *ляле* 'тюльпан'; 7) названия строительных материалов, инструментов, зданий, сооружений и их частей: *тахта* 'доска', *джам* 'стекло', *мых* 'гвоздь', *кересте* 'строеной лес', *киреч* 'известь', *мала* 'мастерок', *хане* 'комната', *чардакъ* 'чердак', *сарай* 'дворец, замок', *шеэр* 'город', *кой* 'деревня', *дивар* 'стена', *пенджере* 'окно'; 8) административная и военная лексика: *пайтахт* 'столица', *тахт* 'трон', *падиша* 'царь, падишах', *ребер* 'руководитель', *зиндан* 'тюрьма', *тюфек* 'ружье', *дженк* 'война', *ферман* 'приказ'; 9) названия профессий и ремесел: *багъчеван* 'садовник', *чиленгир* 'слесарь', *дюльгер* 'плотник', *эмшире* 'медсестра', *уста* 'мастер, наставник', *шегирт* 'ученик'; 10) торговая лексика: *базар* 'базар, рынок', *базерьян* 'купец, торговец', *пара* 'деньги', *сермия* 'капитал, сбережения', *теразе* 'весы', *паалы* 'дорогой'; 11) названия предметов быта, одежды, обуви, украшений: *килим* 'ко-

вер (без ворса)'; *перде* 'занавеска, шторы', *чувал* 'мешок', *кисе* 'мешочек, кошелек', *кѣафтан* 'кафтан', *папуч* 'домашние тапочки', *купе* 'серьги'; 12) названия пищи, продуктов, напитков, кухонных принадлежностей: *пенир* 'сыр', *кѣошаф* 'компот', *шыра* 'сок', *сирке* 'уксус', *тава* 'сковородка', *кевгир* 'шумовка', *леген* 'таз медный', *шише* 'бутылка'; 13) лексика, связанная с разумом, характером, особенностями и свойствами человека: *серсем* 'глупый, ненормальный', *дерт* 'боль, недуг', *хаста* 'больной', *хошнут* 'радостный, веселый', *хышым* 'гнев, ярость', *дост* 'друг', *душман* 'враг', *хор* 'униженный', *перишан* 'рассеянный, растрепанный', *пешман* 'сожалеющий, раскаивающийся', *яр* 'возлюбленный' и т. д.

В VI в. на развалинах гуннской державы появляется новое объединение кочевников — авары. Термин *гунн* исчезает и спорадически встречается у некоторых историков более позднего времени в качестве анахронизма. Аварское объединение явилось «историческим продолжением тех же кочевых племен юга России, которые в более раннее время входили в состав гуннского союза» [11. С. 166].

С гунно-аварским объединением непосредственно были связаны утургуры (утигуры), кутургуры (кутригуры), сабыры (савиры) и другие племенные образования. Утургуры и кутургуры назывались также гуннами-киммерийцами и составляли две ветви гуннского племени. Утургуры обитали в областях от впадения Дона в Азовское море и вплоть до Боспора Киммерийского, а кутургуры — на территории между Тиссой и Дунаем.

Новое нашествие тюрков произошло в середине VI в. Согласно Ю. Кулаковскому, «один из первых турецких (тюркских) властителей Турксанф (Радлов транскрибирует ... Түргәш) появился со своей ордой на нижней Волге, разгромил гуннские племена, занимавшие степи по обоим ее берегам, обрушился затем на алан и западных их соседей, утургуров, и с помощью последних проник на территорию Крыма, где и овладел городом Боспором» [13. С. 48].

О захвате Боспора в 576 г. и завоевании тюрками всей Таврии кроме Херсонеса, который все еще оставался под покровительством римлян, сообщает С. С. Богуш [14. Т. 2. С. 60].

М. И. Артамонов завоевание Крыма тюрками описывает следующим образом: «Турксанф, сын Истеми, двинул многочисленное войско под начальством Бохана на завоевание Боспора, возле которого уже стояли утигуры под начальством своего вождя Анагея. Таким образом, тюркюты начали войну с Византией, взяли Боспор и к 580 г. провели военную демонстрацию против Херсонеса» [15. С. 137].

Междоусобная война в западно-тюркском каганате в 630—631 гг. сильно пошатнула мощь этой державы и дала возможность некоторым племенам освободиться из-под власти тюркютов. В это время на исторической арене появляется самостоятельное Хазарское царство, а в Северном Причерноморье — Великая Болгария, объединившая приазовских и причерноморских гуннов-болгар.

Во второй половине VII в. власть хазар распространилась на все Северное Причерноморье, включая и большую часть Крыма. Византия, стремившаяся сохранить свое влияние на полуострове, не смогла оказать должного сопротивления хазарам, так как вела непрерывные войны с арабами. Хазары «проникли в Крым и заняли не только степную, но и южную часть полуострова...» [15. С. 196]. К VIII в. они подчинили себе восточно-европейские степи и прилегающие к ним с севера области, занятые славянскими племенами. Именно с этого времени, судя по археологическим данным, «славянское население расселяется

из исконных своих областей в лесах Среднего Поднепровья, Волыни и Подолии в лесостепную полосу с ее черноземными просторами» [15. С. 288].

Гражданская война, разразившаяся в Восточной Европе во второй половине IX в., ослабила Хазарский каганат, чем сразу же воспользовались мадьяры. Прорвавшись из-за Волги в Причерноморье, они «в начале 60-х годов IX века ... проникли в Крым» [16. С. 12].

В 895 г. в Северном Причерноморье появились печенеги, которые в союзе с болгарами разгромили мадьяр. Но и они ненадолго удержались в степных районах Крыма. Под натиском торков (гузов), славян и, наконец, половцев печенеги перекочевали к низовьям Дуная.

В середине XI в. в Причерноморских степях появился новый тюркоязычный народ — половцы, известный по восточным источникам как кыпчаки, а по западным — как куманы. О первом появлении половцев в русской летописи говорится следующее: «В том же (1054) году приходил на Русь Болуш с половцами, а Всеволод заключил мир с ними, и возвратились половцы туда, откуда пришли» [17. С. 109].

Расправившись с гузами и печенегами, половцы заняли господствующее положение в степях Восточной Европы и Западной Сибири, которые с XI в. стали называться Половецкими (Дешт-и-Кыпчак). Половцы заселили также всю степную часть Крыма — вплоть до горной гряды, о чем свидетельствуют старые топонимические названия и тамги, обнаруженные на данной территории [18. С. 402—403; 19. С. 32—47]. Остатки древних сармато-аланских племен, хазар, печенегов, торков в Северном Причерноморье, захлестнутые половецкой волной, потеряли свою политическую самостоятельность и этническое своеобразие и вошли в состав населения, сформировавшегося в степной части Восточной Европы. Уже к хазарскому времени потомки сармато-алан были отюречены и говорили на тюркском языке. Это подтверждают надписи, вырезанные на камнях и стенах Маяцкого городища буквами тюрко-орхонского алфавита и читающиеся по-тюркски. Таким образом, носители собственно салтовской культуры могли быть в хазарское время уже не иранцами, а тюрками по языку [20. С. 269; 21. С. 263].

Со второй половины XI в. новый приток тюрков в степную часть Восточной Европы временно прекратился, «так как в XI и XII вв. все свободные силы родов канглов и кипчаков устремились за счастьем и богатствами в армии Сельджукидов, завоевывавших Иран, западную и Малую Азию и Египет» [18. С. 401—402].

Нашествие монголов на Дешт-и-Кыпчак в начале XIII в. привело к полному завоеванию ими половецких земель. По сообщению арабского историка Ибн ал-Асира, монголы «направились в земли кичаков, одного из самых многочисленных племен тюркских, и губили всех тех, которые сопротивлялись им; остальные бежали в болота и на вершины гор, покинув землю свою» [22. С. 3]. Много половцев ушло в страну русских.

Монголо-татары впервые проникли в Крым в 1223 г. Тяжелейшим последствием монгольского завоевания для половцев и других народностей, проживающих здесь, был вывоз рабов, переселение их и продажа в другие страны: «Некоторые представители мамлюкских правителей Египта были кипчаками по происхождению: предки их были проданы из Дешт-и-Кипчак в XIII веке» [23. С. 235].

Однако могущество золотоордынских ханов было непродолжительным. Уже в первой половине XV в. Золотая Орда распалась на ряд самостоятельных государств: в начале 20-х годов образовалось Сибирское ханство, в 40-х годах — Ногайская Орда, затем возникли Казань

ское и Крымское ханства, а в 60-х годах — Казахское, Узбекское и Астраханское.

Следует отметить, что монголы вошли незначительным слоем в состав господствующих элементов Крыма. С. С. Богуш писал: «Со времен вступления Татар в Таврию были в оной одни токмо удельные князья (выделено нами. — А. М.) сего народа, под именем Улуг-Бегов» [14. Т. 2. С. 152]. Об этом же косвенно свидетельствует и тот факт, что в крымско-татарском языке монголизмы исчисляются всего 25—30-ю словами. И тем не менее монголо-татары сумели передать свое имя гораздо более многочисленному местному населению. Что касается самих крымских татар, то они называют себя кырымлы, т. е. крымцы. Казахи о крымских татарах говорят как о крым халкы, а узбеки — как о крымлар. Следовательно, историю народа нельзя смешивать с историей его этнонима.

Настоящее свое название крымские татары получили много позднее. Однако это ни в коей мере не лишает права крымско-татарского народа на свое историческое прошлое. Было бы ошибочно считать, что крымские татары появились в Крыму только в XIII в. Думать так — значит упрощать и искажать ход исторических событий.

После распада Золотой Орды остатки монголо-татар в Крыму подверглись влиянию тюркской речи и были отюречены в языковом плане.

Начиная с XVI в. в Бессарабии и к северу от Перекопского перешейка постепенно формируется более или менее устойчивое ногайское население. Однако в XVII—XVIII вв. ногайцы, недовольные политикой своих правителей, «покинули Северный Кавказ и отправились на Запад по северному берегу Черного моря... Ныне ногайцы совершенно исчезли из Таврической губернии, за исключением отдельных лиц, поселившихся в Крыму, и нескольких десятков семейств, возвратившихся из последней перекочевки в Малую Азию и поселившихся в деревне Куят» [24. С. XII—XIII].

Ногайцы стали последним незначительным слоем в составе крымско-татарского народа. Образование ядра крымско-татарского народа относится ко времени распада Хазарского каганата и проникновения кыпчаков в Крым, т. е. к X—XI вв.

Характеризуя современный крымско-татарский язык, Н. А. Баскаков отмечает, что он по своим основным диалектам относится к кыпчакско-половецкой подгруппе кыпчакских языков [25. С. 281]. К. М. Мусаев включает его в западно-кыпчакскую группу тюркских языков вместе с карачаево-балкарским, кумыкским и караимским языками [26. С. 8].

Таким образом, крымско-татарский народ исторически складывался из различных родов и племен, населявших Крым с глубокой древности. Процесс формирования крымских татар, как и многих других народов, шел путем миграции, расселения, а также завоевания одних этнических групп другими. Чтобы устранить возможные недоразумения, хотелось бы подчеркнуть, что тюркские племена, постепенно осваивая Крым, никогда не вытесняли и не истребляли полностью местных жителей, они просто смешивались с ними, образуя население с новыми этническими и языковыми признаками.

При всей общности языка и культуры современные крымские татары своим физическим типом отличаются от представителей тех этнических групп, которые приняли участие в их этногенезе. Этническую основу южнобережных и горных крымских татар составили потомки киммерийцев, греков, тавров, скифов, алан, готов, гуннов, генуэзцев и частично хазар, кыпчаков и тюрков-сельджуков, которые стали

переселяться в Крым с XIII в. Об этом свидетельствуют исторические источники, археологические и антропологические исследования, языковые и этнографические данные.

В состав крымско-татарского населения, сформировавшегося в степной полосе Крыма, вошли главным образом половецкие племена, которые ассимилировали остатки хазар, печенегов, монголо-татар и ногайцев. Подтверждением этого являются языковые материалы, а также старая топонимика северной части Крыма и тамги, обнаруженные на данной территории. Лексико-семантический и структурно-грамматический анализ крымско-татарской лексики в сравнительно-историческом плане позволяет нам утверждать, что в основе современного крымско-татарского языка лежит язык кыпчакско-половецких племен, в значительной степени подвергшийся огузскому влиянию [27. С. 48—51].

В заключение отметим, что нами предпринята лишь первая попытка изложения краткой истории происхождения крымско-татарского народа и его языка. Естественно, мы не смогли полностью ответить на все вопросы, которые в этом случае встают перед исследователем. Объясняется это прежде всего недостаточной разработанностью многих исторических, археологических, антропологических, языковых, этнографических и других проблем, а также существующим до сих пор предвзятым, односторонним подходом к объяснению происхождения крымских татар.

П Р И М Е Ч А Н И Я

- ¹ Торчинская Э. Г., Кочетова Е. Б. Крымские татары: Каталог коллекций. Л., 1989.
- ² Шмелев Ю. Историческая правда — прежде всего // Сов. Крым. 1990. 15 авг.
- ³ Советская Историческая Энциклопедия. М., 1965. Т. 7.
- ⁴ Абасов В. И. Скифо-европейские изоглоссы. М., 1965.
- ⁵ Крикун Е. Архитектурные памятники Крыма. Симферополь, 1977.
- ⁶ Абасов В. И. Скифский язык // Осетинский язык и фольклор. М.; Л., 1949.
- ⁷ Большая Советская Энциклопедия. М., 1975. Т. 22.
- ⁸ Следует отметить, что отдельные отряды гунов уже во II в. н. э. проникали далеко на Запад, вплоть до Днепра, однако основная их масса в то время еще оставалась в Приуралье, главным образом вместе с угорскими племенами.
- ⁹ Засецкая И. П. Золотые украшения гуńskiej эпохи. Л., 1975.
- ¹⁰ Кулаковский Ю. К истории Боспора Киммерийского в конце VI в.: (По поводу изъяснения надписи Евпатория). СПб., 1896.
- ¹¹ Бернштам А. Н. Очерк истории гуновог. Л., 1951.
- ¹² Куник А. А. О тюркских печенегах и половцах по мадьярским источникам // Зап. Акад. наук. СПб., 1885. Т. 3.
- ¹³ Кулаковский Ю. Аланы по сведениям классических византийских писателей. Киев, 1899.
- ¹⁴ Богуш С. С. История царства Херсонеса Таврического, сочиненная Станиславом Сестренцевичем Богушем/Пер. с фр. СПб., 1806. Т. 1, 2.
- ¹⁵ Артамонов М. И. История хазар. Л., 1962.
- ¹⁶ Лавров И. А. Материалы для истории возникновения древнейшей славянской письменности // Тр./Слав. комис. Л., 1930. Т. 1.
- ¹⁷ Повесть временных лет. М.; Л., 1950. Ч. 1.
- ¹⁸ Аристов Н. А. Заметки об этническом составе тюркских племен и народностей и сведения об их численности // Живая старина. СПб., 1896. Вып. 3—4.
- ¹⁹ Акчокраклы О. Татарские тамги в Крыму // Изв. Крым. пед. ин-та им. М. В. Фрунзе. Симферополь, 1927. Кн. 1.
- ²⁰ Щербак А. М. Несколько слов о приемах чтения рунических надписей, найденных на Дону // Сов. археология. 1954. Т. 19.
- ²¹ Артамонов М. И. Надписи на баклажках Новочеркасского музея и на камнях Маяцкого городища // Там же.
- ²² Тизенгаузен В. Г. Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды: Извлечения из сочинений арабских. СПб., 1884. Т. 1.

- ²³ Федоров-Давыдов Г. А. Кочевники Восточной Европы под властью золотоордынских ханов. М., 1966.
- ²⁴ Радлов В. В. Образцы народной литературы северных турецких племен. Спб., 1896. Ч. 7: Наречия Крымского полуострова.
- ²⁵ Баскаков Н. А. Введение в изучение тюркских языков. М., 1962.
- ²⁶ Мусаев К. М. Лексика тюркских языков в сравнительном освещении: (Западно-кыпчакская группа). М., 1975.
- ²⁷ Меметов А. Источники формирования лексики крымско-татарского языка. Ташкент, 1988.

А. ХОДЖИЕВ

ФОРМИРОВАНИЕ СОВРЕМЕННОГО УЗБЕКСКОГО ЛИТЕРАТУРНОГО ЯЗЫКА

Выявление закономерностей становления современного узбекского литературного языка — одна из наиболее сложных задач узбекского языкознания. Одни исследователи [1. С. 272—321; 2; 3] полагают, что формирование узбекского литературного языка завершилось уже на раннем этапе советского периода (в дальнейшем он только развивался и совершенствовался), другие считают, что узбекский национальный литературный язык сформировался в советский период (однако эта мысль ни в одной работе научно не обосновывается). Мало того, вопросы формирования современного узбекского литературного языка, в свое время верно решенные узбекскими языковедами, в последующем нередко искажались.

Чтобы представить себе состояние и уровень развития языка в советский период, обратимся к понятиям «литературный язык» и «национальный литературный язык».

Прежде всего несколько слов о термине *современный узбекский литературный язык*. Этот термин употребляется в учебниках и пособиях по современному узбекскому литературному языку, а также в научно-исследовательских работах в значении «узбекский литературный язык советского периода», т. е. когда говорят современный узбекский литературный язык, то имеют в виду узбекский литературный язык советского периода. Лишь в тех работах, где речь идет о периодизации узбекского литературного языка советского периода, вопрос решается несколько иначе. Например, А. К. Боровков современным периодом в развитии современного узбекского литературного языка называет время примерно с 1929 г. (третий период) [4. С. 9].

В учебниках же и пособиях по современному языку, а также в научной литературе почти все примеры для анализа заимствованы из источников, появившихся после 40-х годов. Это наводит на мысль, что современный узбекский литературный язык — литературный язык именно этих лет. Как видим, единого мнения о том, на каком же этапе советского периода сформировался современный узбекский язык, нет.

В узбекском языкознании отсутствует единое понимание понятий «литературный язык» и «национальный литературный язык». Общепринято, что литературный язык — это обработанная, отшлифованная и нормированная форма общенародного языка. В [5. С. 87], например, отмечается, что узбекский литературный язык существовал и до Ок-

тябрьской революции, в дальнейшем, с формированием узбекской нации, появился узбекский национальный литературный язык. Однако в упомянутой работе ничего не говорится об особенностях узбекского языка дооктябрьского периода вообще и его литературной формы — в частности. Кроме того, весьма общим представляется утверждение о том, что «с формированием узбекской нации был сформирован и узбекский национальный язык», — ведь в действительности все обстояло гораздо сложнее.

Узбекский национальный язык в первые годы советской эпохи стал обогащаться признаками, свойственными национальным языкам, и тогда же начал формироваться как национальный литературный язык. На этой стадии образовались также другие единства (в частности, территориальное) и полностью сложилась узбекская нация. По мнению М. Вахабова, формирование ее завершилось к концу второй пятилетки [6. С. 486].

Говоря о современном узбекском литературном языке, исследователи подчеркивают, что он продолжает лучшие традиции староузбекского литературного языка (традиционного литературного языка). Однако эти положения без подкрепления языковым материалом не дают ясного представления о развитии современного узбекского литературного языка (особенно советского периода).

На наш взгляд, если под литературным языком понимать отшлифованную, нормированную форму, служащую для различных культурных целей нации, то о существовании такого узбекского языка в первые годы советской власти говорить не приходится.

Литературный язык связан с письменностью, чаще всего именно письменность способствует его созданию и дальнейшему развитию [7. С. 78]. Следовательно, для оценки узбекского литературного языка советского периода необходимо исследовать письменные источники этого времени и на основании полученных результатов дать соответствующие выводы.

В становлении литературного языка большую роль играют художественная проза и периодическая печать. Однако в ранний период советской эпохи прозаические произведения можно было перечислить по пальцам. Зато широкое развитие получила массовая периодическая печать — важнейший фактор подъема культуры узбекского народа, формирования и развития узбекского литературного языка.

Дореволюционный письменный узбекский литературный язык был понятен лишь малому числу грамотных, так как в структурном отношении он унаследовал традиции староузбекского литературного языка. Между тем изменившаяся действительность требовала обновленного литературного языка. Каким же должен был быть узбекский национальный литературный язык? В первые послереволюционные дни серьезное внимание было обращено на этот основной вопрос языкового строительства.

Для осуществления культурной революции в республике необходимо было решить несколько задач. Самой главной из них являлась ликвидация неграмотности, что предполагало выработку орфографии, доступной населению всей республики, создание учебников и учебных пособий. И в этом направлении велась большая работа. В 20—30-х годах только по проблемам орфографии и алфавита было проведено несколько конференций и съездов. В течение 20 лет от арабской графики перешли к письму, основанному на латинице (1929), затем к письму на кириллице, русской графике.

В 1921 г. был созван Первый курултай (съезд), посвященный воп-

росам узбекского языка и орфографии. К единому мнению по вопросам орфографии и литературного языка на нем так и не пришли, однако было определено, каким должен быть его стиль [8. С. 2]. Съезд стимулировал изучение узбекских диалектов, появились руководства и правила по орфографии. В 20-х годах увидели свет коллективный труд «Уроки языка» (Самарканд; Ташкент, 1924), «Уроки языка» Каюма Рамазана и Шарасула Зуннуна (Ташкент, 1925), «Морфология» Фитрата (Ташкент, 1925), «Фонетический строй манкентского диалекта» К. Юдахина (Маориф ва ўқитувчи. 1927. № 12), «Звуки узбекского языка» Гази Алима (Маориф ва ўқитувчи. 1927. № 12). Но эти пособия и руководства страдали неполнотой, не основывались на глубоких научно-теоретических разработках. В такой ситуации, само собой разумеется, нельзя было верно определить норму узбекского литературного языка. Язык периодики по-прежнему, как утверждалось во многих решениях и документах, «был для широких масс узбекских трудящихся мало понятен» [8. С. 5, 4], а потому не мог стать национальным литературным языком. В этот период узбекский национальный литературный язык еще находился в стадии формирования.

Основу современного узбекского литературного языка составили живой разговорный язык, узбекские диалекты и говоры. На его формирование решающее воздействие оказали два фактора: 1) национальная и языковая политика; 2) утверждение узбекского языкознания как науки.

1. Формирование и развитие современного узбекского литературного языка связано с установлением в нашей стране советской власти, предполагающей равноправие и свободное развитие всех национальных языков. Этот фактор, в свою очередь, сыграл огромную роль в динамичном развитии узбекского языкознания.

2. Одним из признаков национального литературного языка является его нормированность. Нормирование же осуществляется наукой о языке. До революции и в первые годы после нее науки об узбекском языке не существовало. В дальнейшем, с развитием узбекского языкознания, ученым для нормирования узбекского литературного языка предстояло решить три задачи: 1) показать, каким будет его отношение к староузбекскому письменному литературному языку; 2) определить опорные для него диалекты; 3) установить, каковы будут его связи с близкочастотными языками.

Говоря об отношении современного узбекского литературного языка к языку дореволюционному — «староузбекскому», «староузбекскому литературному», «чагатайскому», «традиционному узбекскому», следует проанализировать содержание этих терминов.

В лингвистической литературе по отношению к дооктябрьскому письменному языку термины «староузбекский литературный язык» и «староузбекский язык» употребляются нерасчлененно. Мы же считаем, что эти термины — дифференцированные понятия. Нет четких разграничений и в употреблении терминов «староузбекский литературный язык», «чагатайский язык», «традиционный литературный язык».

Чрезвычайную трудность представляет и тот факт, что в научной литературе отсутствуют убедительные данные о специфике староузбекского языка. По свидетельству А. М. Щербака, «вопрос о литературной норме „чагатайского“ языка никем не ставился... борьба за простоту литературного языка не шла дальше теоретического обоснования ее необходимости...» [9. С. 13]. Все это создает большие трудности в определении отношения современного узбекского литературного языка

к староузбекскому, в решении вопроса о том, является ли первый непосредственным продолжением второго.

Дореволюционный письменный литературный язык для большинства народных масс был малопонятен. В структурном отношении он представляет собой продолжение староузбекского литературного языка. Возникают вопросы, что же такое послереволюционный (современный) узбекский литературный язык, как он относится к староузбекскому литературному языку, каковы закономерности его развития? Решение их имеет принципиальное, методологическое значение. Дело в том, что перечисленные вопросы рассматривались с двух диаметрально противоположных точек зрения. Сторонники первой (в основном лантюркисты) утверждали, что современный узбекский литературный язык будет (должен быть) непосредственным продолжением староузбекского литературного языка. Реакционная по своей сущности, эта точка зрения опровергнута всем ходом развития современного узбекского литературного языка.

Тот факт, что современный узбекский литературный язык не может быть непосредственным продолжением староузбекского литературного языка, убедительно подтверждается наукой. Заслуживают внимания, например, следующие высказывания проф. А. К. Боровкова: «Принципиально различные общественные условия развития узбекского литературного языка до и после пролетарской революции не допускают понимания современного узбекского литературного языка как непосредственного преемника классического чагатайского языка» [4. С. 82—83]. «С точки зрения науки позволительно говорить об элементах воздействия чагатайского языка на современный узбекский литературный язык» [4. С. 84]. Однако некоторые специалисты с ними не согласны. Так, Д. Абдурахманов в статье «И язык дерево» без всяких доказательств заявляет, что А. К. Боровков в последующих «нескольких своих статьях отказался от вышеуказанных взглядов и исправил их» [10. С. 71], хотя на самом деле это не так. Достаточно привести цитату А. К. Боровкова и ее перевод, выполненный Д. Абдурахмановым: «Современный узбекский литературный язык является общим национальным языком всего населения Узбекской ССР и преемственно связан с литературным языком раннего периода (с XV в.) и его источниками» [11. С. 679] — «Хозирги ўзбек адабий тили Ўзбекистон ССРнинг ҳамма аҳолисининг умумий миллий адабий тили бўлиб, адабий тил дастлабки даврининг (XV аср) давоми ва манбаларининг вориси сифатида улар билан боғлиқ» [10. С. 71]. Во-первых, неправильно сделан перевод, во-вторых, по собственной инициативе переводчик внес в текст слово *давоми* 'продолжение', чем нарушил смысл оригинала.

Неосновательность и неправомерность взгляда на современный узбекский литературный язык как на прямое продолжение староузбекского литературного языка (традиционного литературного языка) были в свое время отмечены видными лингвистами. И история развития языка подтвердила их правоту.

Если подойти к изучению проблем с учетом основы, источников и цели литературного языка каждого периода, то тот факт, что современный узбекский литературный язык не есть продолжение традиционного языка, не будет казаться таким сомнительным, наоборот, он, скорее, закономерен. Во-первых, современный узбекский литературный язык, как уже было сказано, формируется главным образом на основе живого разговорного языка, узбекских диалектов и говоров. Относительно того, что же послужило основой для староузбекского языка, то ученые

так и не пришли к единому мнению. Во-вторых, староузбекский письменный язык, как утверждает большинство исследователей, не являлся средством общения народных масс. Г. Абдурахманов так характеризует традиционный литературный язык: «Если бросим взгляд на историю, то обратим внимание на то, что сформированный в какую-то эпоху литературный язык, употребляясь в течение долгих веков в этой форме, не изменяясь, превратился в традиционный язык. Между узбекским литературным языком XV и XIX вв. большого различия нет. Однако этот литературный язык был далек от языка народного, от местных говоров, широкие массы его не понимали» [5. С. 9]. Современный литературный узбекский язык не может быть простым продолжением традиционного литературного языка. Возникновение в послереволюционное время нового литературного языка, отличного от традиционного литературного языка, вполне закономерно. Вместе с тем отрицание староузбекского литературного языка как основы современного узбекского литературного языка совсем не означает, что современный узбекский литературный язык ничего не унаследовал от староузбекского. В современном узбекском литературном языке на стадии его формирования были использованы элементы староузбекского. Употребляются они и в настоящее время, и их можно разбить на два вида: 1) элементы традиционного литературного языка, которые по мере развития современного литературного языка постепенно отмирают; 2) элементы, обладающие устойчивостью и естественно перешедшие в современный литературный язык.

Приведем в качестве примера следующие слова, употреблявшиеся в письменных источниках в первые годы советской власти: *шубъа* 'раздел', *дохилий* 'внутренний', *файрий* 'другой'; форма настоящего-будущего времени типа *келадир*, *ишлайдир* вместо *келади*, *ишлайди*. Такие элементы, правомерные в период формирования современного узбекского литературного языка, вышли из употребления после появления новых единиц, отвечающих лексическим, морфологическим и другим нормам современного языка.

Следовательно, выявление в письменных источниках (на раннем этапе) элементов, подобных описанным выше, не может служить основанием для того, чтобы считать современный узбекский литературный язык непосредственным продолжением староузбекского языка.

Употребляющиеся в современном узбекском литературном языке отдельные лексические и морфологические единицы имелись и в староузбекском языке. Это, например, присущие арабскому и персидскому языкам *китаб* 'книга', *машхур* 'знаменитый, известный', *илтижо* 'мольба', *сабил* 'осиротевший', *умид* 'надежда', *чехра* 'лицо' и другие слова, форма настоящего времени на *-моқда*: *ишламоқда*, *келмоқда* и др. Однако, во-первых, таких единиц очень мало, и потому их нельзя квалифицировать как факты, подтверждающие историческую традицию, во-вторых, многие из них широко представлены в художественной и живой разговорной речи и являются следствием именно их влияния, а не староузбекского литературного языка.

Полностью прав был проф. А. К. Боровков, когда писал, что «Узбекистан есть детище пролетарской революции, современный узбекский литературный язык есть выражение процесса возникновения и развития нации и национальной культуры под эгидой советской власти в новых исторических условиях, не виданных историей» [4. С. 84].

Как мы уже говорили, послереволюционный узбекский литературный язык не мог быть непосредственным продолжением традиционного

литературного языка. Действительно, если литературный язык призван служить всему народу, значит, он должен формироваться на основе диалектов и говоров. Узбекский язык — язык многодиалектный. И поэтому в первую очередь необходимо было определить его отношение к говорам и выбрать, какой из них положить в основу литературного языка. Решение этой задачи было очень важно для определения нормы в области фонетики, морфологии, орфографии. Без научных кадров и диалектологической науки этих вопросов было не решить.

Расширение научных исследований способствовало появлению различных точек зрения на тот или иной вопрос языкознания. Одни специалисты считали, что основой литературного языка должны стать диалекты сингармоничные, другие не соглашались с этим мнением. Вопрос о том, какой диалект составит основу современного узбекского литературного языка, не был решен и к 30-м годам.

Выдвинутое в работах первой половины 30-х годов положение о том, что основой узбекского литературного языка могут являться говоры культурных и административных центров Узбекистана, было принято на съезде по узбекской орфографии и терминологии (1934).

После правильного, с научной и практической точек зрения, определения места и роли узбекских диалектов в формировании и развитии современного узбекского литературного языка стали утверждаться фонетические, морфологические и другие варианты, отвечающие его нормам.

Каждый язык в процессе своего становления и развития так или иначе связан с другими языками. В результате каждый из них обогащается новыми лексическими, морфологическими и иными единицами, словообразовательными моделями и синтаксическими структурами. Однако освоение моделей и структур не всегда протекает одинаково. В одних случаях оно происходит стихийно, в других — организовано, целенаправленно. Как можно убедиться, формирование современного узбекского литературного языка шло по второму пути.

Классовые враги и их идеологи стремились использовать лингвистическую арену в своих целях. (Борьба велась в основном вокруг лексики и терминологии). Они враждебно относились к советско-интернациональным словам и терминам, ратовали за употребление для обозначения новых понятий слов, уже имеющих в узбекской лексике, а при отсутствии таковых — арабских и персидских.

Сущность пантюркистской доктрины заключалась именно в этом. В решениях совещаний руководителей джадидов, посвященных вопросам литературного языка и алфавита, писалось, в частности, следующее:

«1. О вопросе языка и термина.

Тюркские наречия и говоры... в известных условиях объединить можно. Но серьезным препятствием этому явится географическая, культурная, политическая и экономическая разрозненность тюркских племен. Поэтому мы считаем, что все тюркские наречия и говоры объединить трудно. Вместе с тем мы решительно верим в то, что тюркские наречия и говоры можно приблизить друг к другу. На наш взгляд, для этого нужно принять следующие меры:

А — ... тюркские говоры очистить от иностранных слов и по возможности заменить тюркскими, найти забытые тюркские слова и на их основе строить новые смысловые выражения.

Б — в истории совершенствования тюркского языка существует способ образования новых слов с помощью окончаний (аффиксов), — это путь обогащения и развития тюркского языка, который позволяет

освободиться от сегодняшней нехватки слов производством новых с помощью аффиксов.

...

Ж — принять для всех тюрков одинаковый (единый) термин; при этом вопрос должен решаться с учетом параграфа (модда) „А”» [12. С. 184].

В письменных источниках 30-х годов можно встретить вместо слов *артист* и *актер*—*уйинчи*, *методист*—*усулчи*, *вилка*—*санчи*, *свидетель*—*тануф*, *военный*—*харбия*, *море*—*бахрия*, *геометрия*—*хандаса*, *фонетика*—*савтиёт* и т. д. Однако в процессе поступательного развития узбекский язык отверг искусственные образования.

Источники этих лет включали в себя элементы азербайджанского, татарского и русского языков. Азербайджанских слов было немного. Это отдельные морфологические и лексические единицы. Однако подобный факт было бы правильнее квалифицировать не как непосредственное влияние огузских языков на развитие современного узбекского языка, а как включение в него элементов, перешедших из старой письменности. Например, вместо глагольной формы на *-ган*: *айтган* ‘сказанный’, *севгани* ‘любимая’ использовались формы на *-миш*, *-дик*: *айтмиш*, *севдиги*, употреблялась и форма настоящего времени с аффиксом *-мақда*, *-моқда* (все формы широко представлены в источниках, относящихся к узбекскому языку конца XIX в. и послереволюционного времени). Некоторые из них, в частности с аффиксами *-миш*, *-дик*, затем вышли из употребления, а другие заняли прочное место в узбекском литературном языке, например глагольная форма с аффиксом *-моқда*.

В письменных источниках 20-х годов очень часто встречаются лексические и морфологические элементы татарского языка: *Шулай булгоч бик ник эзилажак турк миллатин...* [13]; *...тарбия ишининг нечук хабар олиб текшириб тура...* [14. С. 44]; *...«Билим ўчоғи» журналида босдириб тарқатишни тегиш кўрдик* [15. С. 172].

Широкое распространение получили формы типа *айталар*, *ёзарга тегиш*, *айтара мумкин* и др. Подобный факт можно объяснить двумя причинами: значительным числом татарской интеллигенции, работавшей в печати, и неопределенностью норм узбекского литературного языка.

Особая тема, требующая обстоятельного рассмотрения, — это роль русского языка в формировании и развитии современного узбекского литературного языка. Мы ограничимся лишь общей констатацией того, что русский язык для многих национальных языков, в том числе узбекского, явился ускорителем их формирования.

Разнобой, вплоть до совершенно чуждых узбекскому языку элементов, которые обнаруживаются в письменных источниках 20-х и даже 30-х годов, — вещественное доказательство того, что к тому времени нормированный письменный язык так и не был создан. В произведениях одного автора употребляются порой единицы как староузбекского языка, так и свойственные различным диалектам. Например, в текстах сочинений Ниязи встречаются: 1) единицы староузбекского языка: *Хар бир бойлик ва тараққий илм ва фаннинг соясиндандир* [16]; 2) единицы, свойственные татарскому языку: *Кўрамизки бошқа миллатлардаги халқ илм учун ёшгина ўғил ва қизларин Оврупадан Амриқога, Осиёдан Оврупога, демак, тўрт-беш йил мусофир қилиб юборалар* [16. С. 228]; 3) единицы, характерные для различных диалектов: *Эна, мен сизга айтганманки, гапни қисқа қилинг* [17]; *Султонхон, биз ҳам ўша маҳбуби жононнинг ишқларида куюб юрмоқдамиз, лекин ҳеч*

иложини топалмаётирмиз, дедилар [18]; ... *сизларни хўжайин чақирвоттилар...* [19].

В отдельных случаях в одном предложении соседствуют диалектизмы и элементы старого стиля. Такое смешение отмечено нами у Фитрата, в его пособии по узбекскому литературному языку: *Бироқ хануз тилимизнинг белгили қоидаларини майдонга қўя олмадик ... Илмий ахтаришлар бўлмагунча бунларнинг биртаси ҳам бўлғуси эмасдир* [20. С. 41].

Ведущая роль науки в нормировании языка осознавалась еще в 20-х годах. В утверждении генеральной линии на создание литературного языка, доступного широким народным массам, важную роль сыграла конференция по вопросам языка и орфографии (Самарканд, 15 мая 1929 г.). На этой конференции особо подчеркивалась необходимость изучения узбекского языка, его диалектов. В частности, в 8-м пункте решений конференции говорилось: «составить сопоставительный (сравнительный) словарь узбекских наречий и говоров; приступить к этой работе незамедлительно» [8. С. 5]. Так было положено начало в официальном порядке изучению узбекского языка, его диалектов и говоров, так зарождалось узбекское языкознание.

В 1929 г. был создан Узбекский государственный научно-исследовательский институт (УзГНИИ), а в 1934 г. при комитете наук образован Институт языка и литературы. Был принят ряд практических мер по организации и ведению научно-исследовательских работ. В 1934 г. появились материалы Первого съезда, посвященного узбекской орфографии и терминологии, монография проф. Е. Д. Поливанова «Узбекская диалектология и узбекский литературный язык» (Узгосиздат, 1933) и проф. Гази Алима «Один опыт в классификации узбекских наречий» (Ташкент, 1936). В указанных и других работах 30-х годов их авторы исходили из непосредственных языковых фактов, объясняемых на научно-теоретической основе. В этом отношении заслуживают внимания следующие труды: «Узбекский литературный язык» А. К. Боровкова (Л., 1934. Т. 2) и «О развитии узбекского языка» Атаджана Хашимова (Лит. Узбекистан. 1936. № 3). Подобные работы стали основой для выработки будущих правил узбекского литературного языка, создания учебников и пособий, определяющих нормы узбекского литературного языка. Однако даже в начале 30-х годов процесс нормализации все еще продолжался.

На съезде, посвященном узбекской орфографии и терминологии (1934), вопросы орфографии и терминологии, а также об опорном говоре узбекского литературного языка решались в основном правильно. Результатом этого стало определение норм современного узбекского литературного языка в области лексики, фонетики, морфологии и орфографии. Во второй половине 30-х годов нормы современного узбекского литературного языка по всем языковым уровням были наконец-то узаконены. Узбекский литературный язык приобрел качества, соответствующие национальному языку.

Сформировавшийся в советский период современный узбекский литературный язык в последние годы получил исключительно широкое развитие как в функциональном, так и в структурном отношении.

ЛИТЕРАТУРА

1. Закономерности развития литературных языков народов СССР в советскую эпоху. М.: Наука, 1969.

2. Каримов Г. Совет даври ўзбек адабий тили тараққиёти. Тошкент: Фан, 1985.
 3. Муҳаммаджонова Г. Ўзбек тили лексикаси тараққиётининг баъзи масалалари. Тошкент: Фан, 1982.
 4. Боровков А. К. Узбекский литературный язык // Язык и мышление. Л.: Изд-во АН СССР, 1934. Т. 2.
 5. Абдураҳмонов Ғанижон. Миллий тилларнинг тараққиёти масаласи. Тошкент, 1962.
 6. Вахабов М. Ўзбек социалистик миллати. Тошкент, 1969.
 7. Петров Н. П. Чувашский язык в советскую эпоху. Чебоксары, 1980.
 8. Бату. Язык и орфография: Выводы конференции // Аланга. 1929. № 5.
 9. Щербак А. М. Грамматика староузбекского языка. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1962.
 10. Абдураҳмонов Д. Тил ҳам дарахт // Ешлик. 1988. № 9.
 11. Боровков А. К. Современный узбекский литературный язык // Узбекча-русча лугат. М., 1959.
 12. Узбекская советская литература за 15 лет. Ташкент: Узгосиздат, 1939. Узб.
 13. Улуғ Туркистон. 1918.
 14. Қўлланмалар.
 15. Саъдий А. Ўзбек билим юртлари учун она тили ва адабиёт программ // Билим ўчоғи. № 2, 3.
 16. Ҳамза. Сочинения. Т. 6.
 17. Он же. Исибдод қурбонлари.
 18. Он же. Тухматчилар жизаси.
 19. Он же. Бой или хизматчи.
 20. Фитрат. Сарф. Тошкент, 1925.
-

А. ЧАРИЕВ

ОДНОВАЛЕНТНЫЕ СИНТАКСЕМЫ, ВЫРАЖЕННЫЕ РОДИТЕЛЬНЫМ ПАДЕЖОМ СУЩЕСТВИТЕЛЬНЫХ, В СОВРЕМЕННОМ УЗБЕКСКОМ ЯЗЫКЕ

Валентные свойства как компонентов предложения, так и синтаксем, определяются с учетом синтаксической связи. Одновалентные синтаксемы, выступающие в позиции одновалентных компонентов, устанавливаются на основе одинарной синтаксической связи, а двухвалентные, выступающие в позиции двухвалентных компонентов, — исходя из двойной синтаксической связи [1. С. 132]. В узбекском языке в зависимой позиции притяжательной конструкции с родительным падежом могут находиться оба типа синтаксем. Так, в сочетаниях *Каримнинг китоби* 'книга Карима' и *Каримнинг ўқиган китоби* 'книга, которую Карим читал' статус синтаксических связей элементов различен. В первом случае элемент *Каримнинг* имеет одинарную связь (субординативную) и потому характеризуется простым синтаксическим содержанием (иначе говоря, является одновалентной синтаксемой), во втором — двойную (неядерную предикативную и субординативную) [2. С. 68—69] и соответственно представляет собой двухвалентную синтаксему.

По мнению А. М. Мухина, «понятие синтаксемы — синтаксического инварианта — определяется совокупностью существенных синтаксико-семантических признаков, позволяющих идентифицировать различные синтаксические элементы... или сочетания элементов как воплощения одной и той же лингвистической сущности. Следовательно, синтаксема (синтаксический инвариант) — это совокупность... существенных синтаксико-семантических признаков, общих для всех ее вариантов, которыми могут быть как отдельные элементы, так и сочетания элементов» [3. С. 271].

Как видим, синтаксемный анализ ориентирует исследователя на изучение таких системных отношений, которые обусловлены прежде всего наличием в языке парадигматических (оппозитивных и эквивалентностных) рядов элементарных синтаксических единиц — синтаксем и их вариантов [4. С. 19—20]. В эквивалентностных парадигматических рядах синтаксико-семантические признаки вариантов синтаксем не отличаются друг от друга, т. е. являются родственными. Члены же оппозиции сближаются друг с другом наличием общего признака, хотя в то же время могут отличаться один от другого какими-то иными признаками. Например, в сочетаниях *Каримнинг келгани* 'приход Карима' и *Карим келди* 'Карим пришел' различие в синтаксико-семантическом содержании элементов *Каримнинг* и *Карим* обуславливает разницу в

их эквивалентностных отношениях с другими элементами, выступающими в других предложениях или синтагмах. Функциональным эквивалентом первого служит родительный падеж местоимений (*унинг келгани* 'его приход'), второго — именительный падеж (*у келди* 'он пришел'). Общими у элементов *Каримнинг*—*унинг* и *Карим* — *у* в приведенных сочетаниях являются признаки субстанциальности и агентивности. Различие же их состоит в том, что элемент *Каримнинг* наделен еще признаком посессивности (родительный посессивный агентивный), который отсутствует у элемента *Карим* (именительный агентивный).

В узбекском языке в содержании родительного падежа существительных, выступающего в зависимой позиции при существительном, устанавливается только один общий признак — признак субстанциальности [5. С. 70; 6. С. 28], тогда как у именительного (основного) [7] в той же зависимой позиции (изафет II) — два категориальных признака: субстанциальность и квалификативность [5. С. 50, 70; 6. С. 17]. Например, хотя в сочетаниях *хира чироқ шуъласи* 'тусклый свет лампы' [9. С. 184] и *Азимбой ҳовлиси* 'двор Азимбая' [9. С. 184] оба компонента — *чироқ* 'лампы' и *Азимбой* 'Азимбая' — выражены именительным падежом существительных, который выступает в одной и той же позиции при существительном (изафет II), их категориальные синтаксико-семантические признаки отличаются один от другого. В первом сочетании компонент *чироқ* 'лампы' является носителем квалификативной посессивной генетической синтаксемы, тогда как во втором компонент *Азимбой* — субстанциальной собственно-посессивной синтаксемы. Необходимо отметить, что именительный и родительный падежи, выступающие в зависимой позиции при существительном (изафет II, изафет III), находятся в определенном соотношении для выражения одного и того же содержания. Это связано с тем, что, как указывалось выше, члены оппозиции могут сближаться по одним признакам и отличаться друг от друга по другим, ср.: *Қўқоннинг бойлари* 'богачи Коканда' [9. С. 148], *Қўқон давлатмандлари* 'богачи Коканда' ~ 'кокандские богачи' [9. С. 29]. Общие у элементов *Қўқоннинг* и *Қўқон* в приведенных сочетаниях — признаки посессивности и локативности. Различаются же они тем, что родительный падеж существительных наделен еще признаком субстанциальности, а именительный падеж — признаком квалификативности [10. С. 148]. Родительный падеж существительных свободно заменяется родительным падежом местоимений (*унинг бойлари* 'его богачи'), замена же именительного падежа существительных именительным падежом местоимений недопустима. Судя по приведенным выше примерам из узбекского языка, посессивная локативная синтаксема в зависимой позиции распадается на коррелятивные ряды субстанциальных посессивных локативных и квалификативных посессивных локативных синтаксем. Следовательно, некатегориальные признаки лежат в основе многочисленных оппозитивных парадигматических рядов синтаксем. Исходя из этого, А. М. Мухин считает, что, «выделяя оппозитивные парадигматические ряды синтаксем на основе общности того или иного некатегориального синтаксико-семантического признака, нельзя не учитывать и категориальные признаки» [4. С. 176—177, 155] синтаксем.

Рассмотрим одновалентные синтаксемы, выраженные родительным падежом существительных, и их эквивалентностные и оппозитивные парадигматические ряды, переданные родительным падежом местоимений [11] и именительным падежом существительных.

Собственно посессивная синтаксема. Синтаксико-семантический признак посессивности прослеживается у родительного падежа существительных, обозначающих преимущественно людей и выступающих в сочетании с другими существительными, называющими: а) живые существа, ср.: *Қамчининг хотини* 'жена Камчи' [12. С. 36], *ишчиларнинг хўжайинлари* 'хозяева рабочих' [9. С. 169], *Мамасодиқнинг жўралари* 'друзья Мамасади́ка' [9. С. 6], *Комилнинг оти* 'лошадь Камила' [12. С. 398], *хўжайиннинг сигир-бузоқлари* 'корова и телята хозяина' [13. С. 211]; б) предметы, ср.: *қизнинг дафтарлари* 'тетради девушки' [12. С. 65], *Гулнорнинг қутиси* 'сундук Гюльнар' [13. С. 310], *Малоҳатнинг портрети* 'портрет Малахат' [14. С. 205], *Отабойнинг китоблари* 'книги Атабая' [14. С. 135], *Хадичанинг рўмолчаси* 'платочек Хадычи' [15. С. 148], *машиначининг қайчиси* 'ножницы портнихи' [13. С. 217]; в) место, ср.: *Отабойнинг кутубхонаси* 'библиотека Атабая' [14. С. 135], *Қаландаровнинг ҳовлиси* 'двор Каландарова' [16. С. 18], *Қоратойнинг дўконхонаси* 'мастерская Каратая' [13. С. 216], *ишчиларнинг бир қаватли уйлари* 'одноэтажные дома рабочих' [17. С. 204], *Азизанинг цехи* 'цех Азизы' [14. С. 93], *Мамасодиқнинг маҳалласи* 'махалля Мамасади́ка' [9. С. 109]; г) время, ср.: *Қифоятхоннинг кўпроқ вақти* 'большая часть времени Қифая́тхан' [16. С. 24]; д) абстрактные понятия, ср.: *Малоҳатнинг тақдири* 'судьба Малахат' [14. С. 40].

Очень редко опорным компонентом в сочетаниях с родительным падежом существительных выступают местоимения *ким* 'кто', *нима* 'что' и *ҳеч ким* 'никого', ср.: *бечоранинг ҳеч кими йўқ* 'у бедного никого нет' [13. С. 52], *сиз Ботиралининг кими бўласиз?* 'кем вы приходитесь Батырали?' [12. С. 62].

Функциональными эквивалентами родительного посессивного являются личные местоимения трех лиц, неопределенные, выделительные, вопросительные, указательные и обобщающие местоимения в родительном падеже, ср.: *уларнинг қуроллари* 'их оружие' [12. С. 48], *сизнинг аравангиз* 'ваша телега' [12. С. 514], *сизнинг шаҳрингиз* 'ваш город' [9. С. 216], *унинг республикаси* 'его республика' [18. С. 150], *сизнинг мактабингиз* 'ваша школа' [19. С. 104], *менинг бу кунларим* 'эти мои дни' [14. С. 152], *сизларнинг одатларингиз* 'ваши привычки' [13. С. 155], *бировнинг буюми* 'вещь кого-то' [20. С. 87], *бировнинг қизи* 'дочь кого-то' [19. С. 151], *менинг нима* 'что-нибудь мое' [19. С. 46], *бошқанинг мулки* 'имущество другого' [13. С. 14], *буларнинг дадаси* 'отец этих' [12. С. 311].

Синтаксико-семантический признак посессивности характерен и для именительного падежа, ср.: *директор кабинети* 'кабинет директора' ~ 'директорский кабинет' [21. С. 129], *Азимбой ҳовлиси* 'двор Азимбая' ~ 'Азимбаевский двор' [9. С. 181], *Алиқул устахонаси* 'мастерская Аликула' ~ 'Аликуловская мастерская' [9. С. 180].

Посессивная агентивная синтаксема Для родительного падежа существительных, выступающих в сочетании с именами действия, причастиями и некоторыми существительными, выражающими действия, характерен частный признак агентивности, например: *поезднинг кетиши* 'уход поезда' [9. С. 291], *юракнинг уриши* 'биение сердца' [18. С. 123], *дарёнинг тинимсиз вағиллаши* 'непрерывный шум реки' [12. С. 399], *ёзинг келиши* 'наступление лета' [20. С. 139], *Бўронбекнинг бақариши* 'крик Буран-бека' [12. С. 389], *ғўзаларнинг ривож* 'рост хлопчатника' [22. С. 57], *муҳаббатнинг туғилиши* 'рождение любви' [20. С. 54], *ўтиннинг ёниши* 'горение дров' [18. С. 17], *соатнинг тикиллаши*

‘стук часов’ [18. С. 123], *томошабинларнинг истаклари* ‘желания зрителей’ [15. С. 99], *Ботиралининг гапи* ‘слово Батырали’ [12. С. 15] и др.

Признак агентивности у родительного падежа существительных проявляется также в случае, когда в роли опорного компонента притяжательной конструкции выступают существительные, являющиеся обычно компонентами составных глаголов (*илтимос қилмоқ*, *умр кечирмоқ* ~ *умр йтказмоқ*, *ҳикоя қилмоқ*, *тавсия қилмоқ* ~ *тавсия этмоқ*, *режа тузмоқ*, *савол бермоқ*, *қарор қилмоқ* ~ *қарорчи қармоқ*, *ташаббус қўрсатмоқ*, *насиҳат қилмоқ* и др.), ср.: *чолнинг ҳикояси* ‘рассказ старика’ [12. С. 174], *Ботиралининг васияти* ‘завещание Батырали’ [12. С. 223], *Мирзакаримбойнинг насиҳати* ‘совет Мирзакаримбая’ [13. С. 133], *кўпчиликнинг таклифи* ‘предложение большинства’ [12. С. 199], *Эъзозхоннинг фикри* ‘мнение Эъзозхан’ [12. С. 52], *қизнинг илтимоси* ‘просьба девушки’ [15. С. 164], *ишчилар комитетининг режаси* ‘план рабочего комитета’ [9. С. 269], *қулларнинг қўзғолони* ‘восстание рабов’ [13. С. 348], *онанинг буйруғи* ‘приказ матери’ [19. С. 84].

Функциональные эквиваленты родительного посессивного агентивного — местоимения в родительном падеже, ср.: *унинг кетиши* ‘его уход’ [13. С. 311], *уларнинг биринчи дафъа гаплашуви* ‘их первый разговор’ [13. С. 134], *унинг нима демоқчи бўлгани* ‘его намерение сказать’ [12. С. 138], *унинг режаси* ‘его план’ [16. С. 69], *унинг жиддий фикр қилаётгани* ‘его серьезные размышления’ [18. С. 281], *кимнинг топшириғи* ‘поручение кого’ [9. С. 173], *ҳеч кимнинг ялиниши* — букв.: ‘неупрашивание никого’ [13. С. 293], *бировнинг иши* ‘дело кого-нибудь’ [20. С. 123], *буларнинг қочиши* ‘бегство этих’ [12. С. 399], *бировнинг шовқини* ‘крик кого-то’ [19. С. 106], *бировнинг инграгани* ‘стон кого-то’ [19. С. 158].

Наличие признака агентивности у родительного падежа существительных или местоимений подтверждается возможностью преобразования притяжательной конструкции в предложение, ср.: *кампирнинг қистови* ‘настояние старухи’ [13. С. 290] → *кампир қистайди* ‘старуха настаивает’, *сезгиларнинг кураши* ‘борьба чувств’ [18. С. 282] → *сезгилар курашади* ‘чувства борются’, *кампирнинг бақирғи* ‘крик старухи’ [12. С. 28] → *кампир бақирди* ‘старуха кричала’, *Қамчининг келиши* ‘приход Камчи’ [12. С. 145] → *Қамчи келади* ‘Камчи приходит’, *суднинг ҳукми* ‘решение суда’ [12. С. 580] → *суд ҳукм чиқарди* ‘суд решил’, *хотинларнинг меҳнати* ‘труд женщин’ [13. С. 158] → *хотинлар меҳнат қилади* ‘женщины трудятся’, *завад қурилишининг кечикиши* ‘запоздание в строительстве завода’ [9. С. 66] → *завад қурилиши кечикаяпти* — букв.: ‘строительство завода запаздывает’.

Синтаксико-семантический признак агентивности отмечается также у именительного падежа, ср.: *қиш келиши* ‘наступление зимы’ [13. С. 234], *баҳор келгани* ‘наступление весны’ [20. С. 36], *от дупури* ‘конский топот’ [15. С. 154].

Посессивная генетическая синтаксема. Наряду с признаками субстанциональности и посессивности в содержании родительного падежа существительных и их местоименных эквивалентов выделяется признак генетичности, ср.: *Абдулла Каҳҳорнинг «Сароб» романи* ‘роман «Мираж» Абдуллы Каххара’ [23. С. 8], *Навоий билан Ҳамзанинг асарлари* ‘произведения Навои и Хамзы’ [14. С. 224], *қизнинг лойиҳалари* ‘проекты девушки’ [14. С. 121], *қўйнинг гўшти* ‘мясо овцы’ [12. С. 533], *чирокнинг ёруғи* ‘свет лампы’ [19. С. 53], *чечакнинг доғи* ‘пятно оспы’ [9. С. 245], *половнинг буғи* ‘пар от плова’ [13. С. 66], *гўзалликнинг излари* ‘следы красоты’ [13. С. 144], *бу суҳбатнинг натижаси* ‘результаты

этой беседы' [17. С. 86], *оловнинг алангаси* 'пламя огня' [12. С. 127], *меҳнатининг ҳордиғи* 'утомление от моей работы' [9. С. 217].

Признаки посессивности и генетичности выявляются и у именительного падежа существительных, ср.: *чироқ ёғдуси* 'свет лампы' [18. С. 250], *бугдой ноғи* 'пшеничный хлеб' [19. С. 48], *қўй гўшти* 'баранина' [9. С. 239], *аланга иссиғи* 'теплота от пламени' [9. С. 137], *қор суви* 'снеговая вода' [17. С. 135], *қуёш нури* 'солнечный луч' [15. С. 154], *Гулханий, Маҳзуна, Нодира, Увайсий, Махмур ижодлари* 'творчество Гулхани, Махзуны, Надиры, Увайси и Махмура' [9. С. 259], *Муқимий ва Фурқат асарлари* 'произведения Муками и Фурката' [9. С. 172].

Посессивная синтаксема носителя качества. Данная синтаксема выделяется в случае сочетания родительного падежа существительных с существительными, обозначающими абстрактные понятия, ср.: *кундузинг ёруғлиги* 'яркость дня' [13. С. 18], *тирикчиликнинг оғирлиги* 'трудность жизни' [9. С. 198], *Малоҳатнинг гўзаллиги* 'красота Малахат' [14. С. 7], *ернинг думалоқлиги* 'шарообразность Земли' [19. С. 142], *бошқа қишлоқларнинг фаровонлиги* 'благополучие других кишлаков' [12. С. 289], *вақтнинг тигизлиги* 'ограниченность времени' [13. С. 151], *квартиранинг гўзаллиги* 'красота квартиры' [14. С. 254], *Қамчининг қашшоқлиги* 'бедность Камчи' [12. С. 227], *Тўтиқизинг қандайлиги* 'какова красота Тутикиз' [24. С. 128], *Мунавварнинг ўжарлиги* 'упрямство Мунаввар' [21. С. 189], *Мунавварнинг бахти* 'счастье Мунаввар' [21. С. 195].

Благодаря наличию признаков субстанциальности и указания на носителя качества у родительного посессивного притяжательная конструкция поддается преобразованию в предложение, ср.: *Баҳрининг соддалиги* 'простота Бахри' [12. С. 242] → *Баҳри содда* 'Бахри простая', *бойнинг муғомбирлиги* 'хитрость бая' [12. С. 27] → *бой муғомбир бўлади* 'бай хитер', *сизнинг бундай бераҳм эканлигингиз* 'ваша такая безжалостность' [9. С. 78] → *сиз бундай бераҳмсиз* 'вы так безжалостны', *унинг бу йўлда ёлғиз эмаслиги* 'его не одиночество на этом пути' [17. С. 209] → *у бу йўлда ёлғиз эмас* 'он не одинок на этом пути'.

Признак указания на носителя качества наблюдается и у именительного падежа существительных, ср.: *ҳаёт оғирлиги* 'трудности жизни' [9. С. 246].

Посессивная синтаксема носителя состояния. Родительный падеж существительных в позиции зависимого компонента притяжательной конструкции может быть наделен признаком указания на носителя состояния в сочетании с другими элементами (со связкой *бўл*, *эканлик* или *-лик*), выражающими абстрактные понятия, ср.: *йўқсилларнинг шод-хуррамлиги* 'радость бедняков' [12. С. 289], *йигитнинг тинчлиги* 'спокойствие парня' [22. С. 115], *қизнинг нотоблиги* 'недомогание девушки' [13. С. 252], *Саиданинг уйқуси* 'сон Саиды' [16. С. 13], *Миралимбойнинг ҳалокати* 'гибель Миралимбаёв' [9. С. 160].

Наличие признака указания на носителя состояния у родительного падежа существительных подтверждается возможностью трансформации притяжательной конструкции в предложение, ср.: *онанинг хурсандчилиги* 'радость матери' [19. С. 84] → *она хурсанд* 'мать рада', *раиснинг саломатлиги* 'здоровье председателя' [22. С. 40] → *раис саломат* 'председатель здоров', *Ўктамхоннинг хомиладор бўлиши* 'беременность

Уктамхан' [9. С. 245] → *Уктамхон хомиладор бўлди* 'Уктамхан стала беременной'.

Данный признак может быть также у именительного падежа существительных, выступающих в позиции зависимого компонента, ср.: *Гулнор ўлими* 'смерть Гюльнар' [13. С. 319].

Посессивная локативная синтаксема. У родительного падежа существительных, обозначающих страны, города, населенные пункты, жилище и т. д., в сочетании с существительными отмечаются синтаксико-семантические признаки посессивности и локативности, ср.: *районнинг ҳозирги раҳбарлари* 'нынешние руководители района' [16. С. 6], *«Бўстон» колхозининг раиси* 'председатель колхоза «Бустан»' [16. С. 4], *дорихонанинг ёшгина мудираси* 'молодая заведующая аптекой' [9. С. 133], *қишлоқнинг баъзи хотинлари* 'некоторые женщины кишлака' [19. С. 147], *шаҳарнинг барча граждaнлари* 'все граждане города' [18. С. 31], *университетларнинг профессорлари* 'профессора университетов' [25. С. 214], *қишлоқ Советининг раиси* 'председатель сельского Совета' [22. С. 138], *корхонанинг хўжайини* 'хозяин предприятия' [18. С. 335].

Функциональные эквиваленты родительного посессивного локативного — личное местоимение 3-го лица и вопросительное наречие *қаер* в родительном падеже, ср.: *колхознинг раҳбар ходимлари* 'руководящие работники колхоза' [16. С. 34], *унинг раҳбар ходимлари* 'его руководящие работники', *қаернинг раҳбар ходимлари* — букв.: 'руководящие работники какого места'.

Признак локативности обнаруживается также у именительного падежа, ср.: *университет профессорлари* 'профессора университетов' ~ 'университетские профессора' [26. С. 55], *фабрика ишчилари* 'рабочие фабрики' ~ 'фабричные рабочие' [17. С. 163], *қишлоқ хотинлари* 'женщины кишлака' ~ 'кишлачные (сельские) женщины' [18. С. 297], *мактаб бошлиғи* 'руководитель школы' ~ 'школьный руководитель' [9. С. 172], *шаҳар ишчилари* 'рабочие города' ~ 'городские рабочие' [9. С. 241], *колхоз раиси* 'председатель колхоза' ~ 'колхозный председатель' [19. С. 61], *институт директори* 'директор института' ~ 'институтский директор' [21. С. 195].

Посессивная темпоральная синтаксема. Данная синтаксема выделяется у родительного падежа существительных, обозначающих время, времена года и т. д., в сочетании с существительными, ср.: *баҳорнинг кечки илиқ ҳавоси* 'вечерний теплый воздух весны' [9. С. 295], *куз кечасининг салқин шамоли* 'прохладный ветер осенней ночи' [13. С. 70], *ёша ҳаётнинг одамлари* 'люди того времени (букв.: жизни)' [17. С. 150], *ёша замоннинг қизғин масалалари* 'жгучие проблемы того времени' [26. С. 32], *баҳорнинг илк бўронлари* 'ранние бури весны' [25. С. 129].

Функциональные эквиваленты родительного посессивного темпорального — личное местоимение 3-го лица и вопросительное наречие *қачон* в родительном падеже, которые используются чрезвычайно редко.

Признак темпоральности сближает родительный падеж существительных с именительным падежом, ср.: *баҳор лолалари* 'тюльпаны весны' ~ 'весенние тюльпаны' [15. С. 191], *баҳор ёмғири* 'весенний дождь' ~ 'дождь весны' [18. С. 85].

Посессивная тотальная синтаксема. Синтаксико-семантический признак тотальности прослеживается у родительного падежа существительных в сочетании с существительными, обозначающими: а) части

тела, ср.: *қизнинг кўзлари* 'глаза девушки' [13. С. 249], *ҳўкизнинг қорни* 'брюхо вола' [27. С. 21], *отнинг бўйни* 'шея лошади' [13. С. 95]; б) части, детали предметов, ср.: *уйнинг деворлари* 'стены домов' [13. С. 100], *олчанинг қалин шохлари* 'толстые ветви вишни' [18. С. 34], *радиоприёмникнинг қулоғи* 'наушники радиоприёмника' [9. С. 22], *вагонларнинг гилдираклари* 'колеса вагонов' [9. С. 291], *шишанинг огзи* 'горлышко бутылки' [9. С. 157], *дарвозанинг бир табақаси* 'створка двери' [13. С. 226].

Функциональные эквиваленты родительного тотального — местоимения в родительном падеже, ср.: *унинг қулоклари* 'его уши' [13. С. 106], *унинг юраги* 'его сердце' [13. С. 224], *ҳеч-кимнинг қўли*—букв.: 'ничиь руки' [9. С. 226].

Для сравнения приведем примеры с именительным падежом: *қовун пўчоғи* 'корка дыни' [9. С. 73], *уй деворлари* 'стены дома' [19. С. 65], *дарвоза занжири* 'цепочка двери' ~ 'дверная цепочка' [12. С. 27], *хона эшиғи* 'дверь комнаты' ~ 'комнатная дверь' [12. С. 245], *завод дарвозаси* 'ворота завода' ~ 'заводские ворота' [9. С. 140], *она бағри* 'душа матери' ~ 'материнская душа' [20. С. 103], *машина бункери* 'бункер машины' [9. С. 132].

Посессивная тотальная темпоральная синтаксема. Признаки тотальности и темпоральности выявляются в содержании родительного падежа существительных в сочетании с существительными, обозначающими отрезки времени, ср.: *1918 йилнинг кўклами* 'весна 1918 года' [12. С. 40], *йилнинг ҳамма фасллари* 'все сезоны года' [22. С. 141], *мартнинг охири* 'конец марта' [13. С. 152].

Данная синтаксема характерна и для именительного падежа, ср.: *қиш охири* 'конец зимы' [18. С. 21], *декабрь бошлари* 'начало декабря' [18. С. 22].

Признак тотальности устанавливается с помощью эксперимента-трансформации, ср.: *йилнинг ҳамма фасллари* 'все сезоны года' → *йилнинг... фасллари* 'сезоны года' → *йил фасллардан иборат* 'год состоит из сезонов'.

Посессивная тотальная локативная синтаксема. Синтаксико-семантические признаки тотальности и локативности выделяются в содержании родительного падежа существительных в сочетании с существительными, обозначающими место, ср.: *мамлакатнинг ҳамма бурчаклари* 'все уголки страны' [18. С. 355], *боғнинг бир чеккаси* 'одна сторона сада' [13. С. 223], *Тошкентнинг осий қисми* 'юго-восточная часть Ташкента' [13. С. 94].

И здесь признак тотальности определяется с помощью эксперимента-трансформации, ср.: *Тошкентнинг осий қисми* 'юго-восточная часть Ташкента' → *Тошкентнинг... қисми* 'часть Ташкента' → *Тошкент қисмдан иборат* 'Ташкент состоит из частей'.

Тотальная партитивная синтаксема. Признаки тотальности и партитивности выявляются в содержании родительного падежа существительных, сочетающихся: а) с существительными, ср.: *отряднинг ўн икки кишиси* 'двенадцать человек из отряда' [18. С. 66], *ишчиларнинг бир гўдаси* 'одна группа из рабочих' [9. С. 257], *ернинг ўн проценти* 'десять процентов земельных участков' [18. С. 299], *китобларнинг бир қисми* 'одна часть книг' [18. С. 257], *печеньенинг ушоғи* 'крошка печенья' [28. С. 25], *пулнинг ўн сўми* 'десять рублей денег' [15. С. 102], *од-*

дий ўзбек аёлларининг оддий вакиллари 'простые делегаты из простых узбекских женщин' [6. С. 152], хорижий газеталарнинг янги келган бир сони 'один из новых номеров зарубежных газет' [7. С. 129]; б) с числительными, ср.: бу саволларнинг биронтаси 'один из этих вопросов' [16. С. 25], полвонларнинг иккитаси 'двое из борцов' [15. С. 108], мулкдорларнинг учдан бири 'треть землевладельцев' [13. С. 236], босмахона ишчиларининг ярми 'половина рабочих типографии' [18. С. 77], ўша кунларнинг бирида 'в один из тех дней' [19. С. 159]; в) с неопределенно-количественными местоимениями, ср.: уларнинг барчаси 'все они' [25. С. 7], хотинларнинг баъзилари 'некоторые из женщин' [13. С. 342].

Функциональные эквиваленты родительного тотального партитивного: а) родительный падеж личных и указательных местоимений во множественном числе, ср.: уларнинг олтмиштаси 'шестьдесят из них' [18. С. 266], уларнинг биттаси 'один из них' [15. С. 91], буларнинг барчаси 'все из этих' [13. С. 290], шуларнинг кўпи 'многие из них' [14. С. 63], уларнинг учтаси 'трое из них' [18. С. 312], уларнинг кўплари 'многие из них' [9. С. 189]; б) исходный падеж существительных или местоимений во множественном числе, ср.: улардан бири 'один из них' [17. С. 105], булардан ҳар бири 'каждый из этих' [17. С. 183], шахар бойларидан биронтаси 'один из городских богачей' [9. С. 31], Мамасодиқ жўраларидан иккиси 'двое из друзей Мамасадиқа' [9. С. 6].

Тотальная элективная синтаксема. Признаки тотальности и элективности отмечаются у родительного падежа существительных в сочетании: а) с качественными прилагательными, ср.: ерларнинг энг яхшиси 'самый хороший из земельных участков' [12. С. 20], шахматчининг камтари 'самый скромный из шахматистов' [9. С. 12], полвонларнинг энг зўри 'самый сильный из борцов' [15. С. 161]; б) с существительными, ср.: усталарнинг устаси 'мастер из мастеров' [14. С. 170], гўзалларнинг гўзали 'самый красивый из красивых', жардларнинг марди 'самый храбрый из храбрых', йигитларнинг султони 'самый властный из парней' [12. С. 37], одамнинг ҳайвони 'самый плохой из людей' [13. С. 14]; в) с вопросительным местоимением қайси 'какой', ср.: тошларнинг қайсиси 'какой из камней' [15. С. 63], халқларнинг қайсиси 'какой из народов' [15. С. 40].

Функциональные эквиваленты родительного тотального элективного: а) родительный падеж личных и указательных местоимений во множественном числе, ср.: уларнинг гўзаллари 'самые красивые из них' [13. С. 218], уларнинг энг кичиги 'самый маленький из них' [18. С. 70]; б) исходный падеж существительных или местоимений, ср.: ерларнинг энг яхшиси → ерлардан энг яхшиси 'самый хороший из земельных участков', отларнинг энг яхшиси → отлардан энг яхшиси 'самая хорошая из лошадей'; в) именительный падеж существительных, ср.: полвонлар полвони 'самый сильный из борцов' [15. С. 164].

Тотальная коллективная синтаксема. Признаки тотальности и коллективности обнаруживаются в содержании родительного падежа, когда в роли опорного компонента притяжательной конструкции выступают собирательно-количественные и обобщающие местоимения, ср.: хизматкорларнинг ҳаммаси 'все работники' [12. С. 112], юмушларнинг ҳаммаси 'все дела' [13. С. 316], отлиқларнинг иккови 'двое всадников' [18. С. 287], болаларнинг ҳаммаси 'все дети' [9. С. 201].

Функциональные эквиваленты родительного тотального коллективного — родительный падеж личных и указательных местоимений,

а также, именительный падеж существительных и местоимений во множественном числе, ср.: *уларнинг учови* 'они трое' [18. С. 50], *бизнинг ҳаммамиз* 'мы все' [17. С. 123], *улар ҳаммаси* 'они все' [9. С. 131], *уларнинг ҳаммаси* 'они все' [19. С. 72].

Объектная синтаксема. Объектная синтаксема характерна для тех существительных в родительном падеже, которые сочетаются с именами действия или причастия, образованными от страдательных форм глаголов, ср.: *жиноятчиларнинг қидирилмаётгани* 'не-разыскивание преступников' [12. С. 249], *суд мажлисининг қолдирилиши* 'откладывание судебного заседания' [9. С. 224], *Корчагиннинг дарҳол ишдан озод қилиниши* 'немедленное освобождение Корчагина от работы' [18. С. 348], *Азимбойнинг қамоққа олиниши* 'заключение Азимбая в тюрьму' [12. С. 391], *тирикчиликнинг яхшиланиши* 'улучшение жизни' [13. С. 215].

Функциональные эквиваленты родительного объектного — местоимения в родительном падеже, ср.: *буйруқнинг такрор этилиши* 'повторение приказа' [18. С. 14], *унинг такрор этилиши* 'повторение его', *ниманинг такрор этилиши* 'повторение чего', *бунинг такрор этилиши* 'повторение этого'.

Наличие признака указания на объект у родительного падежа делает возможным преобразование притяжательной конструкции в предложение или в глагольно-объектное сочетание и позволяет заменить родительный падеж именительным или винительным падежом, ср.: *сирларнинг очилиши* 'раскрытие тайн' [9. С. 224] → *сирларни очмоқ* 'раскрывать тайны', *сирларни очилди* 'раскрывали тайны', *сирлар очилди* 'тайны раскрыты'. Ср.: *дастурхон йиғиштирилди* 'убрали дастурхан (скатерть)' [13. С. 77], *ер сотилиб кетган* 'земельный участок был продан' [13. С. 12], *қўша-қўша қўйлар сўйилди* 'зарезали много баранов' [19. С. 64].

Признак указания на объект выявляется и у именительного падежа существительных, ср.: *уйлар қурилиши* 'строительство домов' [9. С. 66], *меҳмонхона очилиши* 'открытие гостиницы' [9. С. 129].

Идентифицируемая синтаксема. В содержании родительного падежа существительных синтаксико-семантический признак идентифицируемости выявляется в случае, когда в роли опорного компонента конструкции выступают существительные или вопросительные местоимения *ким* 'кто', *нима* 'что' со связкой *эканлик* или с аффиксом *-лик*, ср.: *Ойдиннинг нақадар нозик табиатли қиз эканлиги* 'насколько нежная девственность Айдин' [22. С. 126], *Миралимнинг Ховосда тақачи эканлиги* 'занятие Миралима в Хавасе кузнечным делом' [9. С. 160], *қизнинг етти йилик мактаб ўқувчиси экани* 'девочка-ученица семилетней школы' [18. С. 176], *Меҳрининг ким эканлиги* 'кто такая Меҳри' [16. С. 70].

Функциональные эквиваленты родительного идентифицируемого — личные местоимения в родительном падеже, ср.: *уларнинг ким эканликлари* 'кто они' [19. С. 16], *унинг шоирлиги* 'его занятие поэзией' [9. С. 158], *унинг қандоқ махлуқ экани* 'каков он' [16. С. 104], *менинг кимлигим* 'кто я' [12. С. 128].

И в данном случае допустимо преобразование притяжательной конструкции в предложение, ср.: *Эъзозхоннинг муаллимлиги* 'Эъзозхан

в качестве учителя' [12. С. 472]→*Эъзозхан муаллим* 'Эъзозхон учительница', *Россиянинг зйр давлат эканлиги* 'могущество России как государства' [9. С. 202]→*Россия зйр давлат* 'Россия — могучее государство', *бу ёш кишининг элликбоши экани* 'пребывание этого молодого человека в качестве элликбаши' [13. С. 258]→*бу ёш киши элликбоши* 'этот молодой человек элликбаши'.

Экзистенциальная синтаксема. Синтаксико-семантический признак экзистенциальности выявляется у существительных в родительном падеже, сочетающихся: а) с существительными в местном падеже + аффикс *-лик* или связка *эканлик(бўл-)*, ср.: *Гулнорнинг шуникида экани* 'нахождение Гюльнар у него' [13. С. 240], *Гавҳарнинг Ганжиравонда бўлиши* 'нахождение Гавхар в Ганджираване' [9. С. 65], *эрининг тўйда эканлиги* 'нахождение ее мужа на свадьбе' [9. С. 211], *Ританинг бу ерда экани* 'пребывание Риты здесь' [18. С. 192]; б) со словами *бор, йўқ* + аффикс *-лик*, ср.: *сенинг йўқлигинг* 'твое отсутствие' [20. С. 105], *Ковалевнинг борлиги* 'присутствие Ковалева' [9. С. 79], *жараённинг борлиги* 'наличие процесса' [25. С. 115], *чирманданинг йўқлиги* 'отсутствие бубна' [9. С. 211].

Функциональные эквиваленты родительного экзистенциального — местоимения в родительном падеже, ср.: *сенинг бу ерда эканинг* 'твое нахождение здесь' [18. С. 121], *унинг шу ердалиги* 'его нахождение здесь' [12. С. 499], *уларнинг қаерда экани* 'где их местонахождение' [18. С. 320].

Наличие экзистенциального признака не препятствует преобразованию притяжательной конструкции в предложение, ср.: *сизнинг бу ерда эканлигингиз* 'ваше нахождение здесь' [18. С. 53]→*сиз бу ердасиз* 'вы находитесь здесь', *Гулнорнинг қаердалиги* — букв.: 'нахождение Гюльнар где' [13. С. 211—212]→*Гулнор қаерда?* 'Гюльнар где?'. Ср.: *Ермат ака қаёқда?* 'Ярмат-ака где?' [13. С. 178].

Необходимостная синтаксема. Данная синтаксема типична для родительного падежа в составе притяжательной конструкции, опорным компонентом которой являются модальные слова *керак, зарур, илож, ҳожат* и другие, ср.: *дод-войнинг кераки йўқ* 'не нужно жалоб' [13. С. 227], *шундай дейишнинг ҳожати йўқ* 'нет надобности так говорить' [16. С. 30], *энди ўқинишнинг фойдаси йўқ* 'теперь бесполезно сожалеть' [13. С. 232], *соғ кишига Сукротнинг нима кераги бўлар эди?* 'зачем нужен Сократ здоровому человеку?' [16. С. 37], *баҳслашиб ўтиришнинг нима кераги бор эди?* 'зачем нужно было спорить?' [9. С. 79], *айтмасликнинг иложи йўқ эди* 'нельзя было не сказать' [3. С. 221].

Функциональные эквиваленты родительного несессарумного — местоимения в родительном падеже, ср.: *сизнинг кимга керагингиз бор?* 'кому вы нужны?' [18. С. 274], *буларнинг ҳеч кимга кераги йўқ* 'эти никому не нужны' [18. С. 278].

Благодаря наличию рассматриваемого признака у родительного падежа притяжательная конструкция может быть преобразована в предложение, ср.: *адвокатнинг кераги йўқ* 'нет необходимости в адвокате' [9. С. 141]→*адвокат керак эмас* 'адвокат не нужен', *менга бу хоналарнинг кераги йўқ* 'нет необходимости в этих комнатах для меня' [29. С. 205]→*менга бу хоналар керак эмас* 'мне не нужны эти комнаты', *яширишнинг ҳожати йўқ* 'нет необходимости скрывать' [16. С. 94]→*яшириш керак эмас* 'не надо скрывать'.

Итак, в содержании родительного падежа нам удалось выявить один общий категориальный признак субстанциальности и 15 — некате-

горизонтальных синтаксико-семантических, а именно: посессивный, агентивный, генетический, или происхождения, носителя качества, носителя состояния, локативный, темпоральный, тотальный, или целого, партиципный, или частичный, элективный, коллективный, или собирательный, объектный, идентифицируемый, экзистенциальный, или бытийный, не-обходимостный.

П Р И М Е Ч А Н И Я

- ¹ См.: Мухин А. М. Структура предложений и их модели. Л.: Наука, 1968.
- ² Чариев А. Природа синтаксической связи притяжательной конструкции с родительным падежом в узбекском языке // Сов. тюркология. 1985. № 3.
- ³ Мухин А. М. Функциональный анализ синтаксических элементов. М.; Л.: Наука, 1964.
- ⁴ Он же. Синтаксический анализ и проблема уровней языка. Л.: Наука, 1980.
- ⁵ Иванов С. Н. Родословное древо тюрков Абу-л-Гази-хана: Грамматический очерк: (Имя и глагол. Грамматические категории). Ташкент: Фан, 1969.
- ⁶ Он же. Курс турецкой грамматики. Л.: Изд-во ЛГУ, 1975. Ч. I.
- ⁷ В тюркологической литературе на морфологическую природу имени существительного, выступающего в роли зависимого компонента изафета II, существует две точки зрения. Одни ученые называют существительное «основным» или «именительным» падежом. (Здесь уместно привести замечание М. А. Казем-Бека о том, что «отношение двумя существительными... означающее зависимость, принадлежность одного лица или предмета другому и тому подобное, выражается в грамматике словом изафэ» и «опущение в подобном сочетании аффикса родительного падежа означает замену родительного падежа именительным падежом» [8. С. 374, 376]). Другие, в основном языковеды тюркоязычных республик, определяют его как «неоформленный родительный» падеж. Мы в данной статье придерживаемся первой точки зрения.
- ⁸ Казем-Бек М. А. Общая грамматика турецко-татарского языка. 2-е изд. Казань, 1846.
- ⁹ Содиков Исҳоқ. Фарғона зулмат қўйнида. Тошкент, 1972.
- ¹⁰ Рустамов Алибек. Сўз хусусида сўз. Тошкент, 1987.
- ¹¹ У местоименных вариантов синтаксем могут быть выявлены другие признаки: интеррогативности, негативности, рефлексивности, реципрокативности и др. Нами такая цель не преследуется.
- ¹² Фулом Ҳамид. Машғал. Тошкент, 1970.
- ¹³ Ойбек. Қутлуғ кон. Тошкент, 1957.
- ¹⁴ Раҳим Иброҳим. Тинимсиз шаҳар. Тошкент, 1971.
- ¹⁵ Абдуқодиров Қалмакан. Ҳожимуқон. Тошкент, 1971.
- ¹⁶ Қаҳҳор Абдулла. Синчалак. Тошкент, 1959.
- ¹⁷ Горький Максим. Она. Тошкент, 1950.
- ¹⁸ Островский Николай. Пўлат қандай тобланди. Тошкент, 1953.
- ¹⁹ Турсун Парда. Элга навбат. Тошкент, 1969.
- ²⁰ Аҳмад Саид. Танланган асарлар. Тошкент, 1971. 1 т.
- ²¹ Анорбоев Суннатулла. Мунавварнинг тақдири. Тошкент, 1971.
- ²² Қориев Мақсуд. Жийда гуллаганда. Тошкент, 1971.
- ²³ Шухрат. Танланган асарлар. Тошкент, 1971. 1 т.
- ²⁴ Исмоилий Мирзакалон. Фарғона тонг отгунча. Тошкент, 1967. 2 к.
- ²⁵ Лондон Жек. Мартин Иден. Тошкент, 1968.
- ²⁶ Войнич Этель Лилиан. Сўна. Тошкент, 1956.
- ²⁷ Твен Марк. Гекльберри Финнинг бошидан кечирганлари. Тошкент, 1960.
- ²⁸ Абраҳамс Питер. Чақмоқли йўллар. Тошкент, 1960.
- ²⁹ Драйзер Теодор. Бахти қаро Керри. Тошкент, 1973.

ЯЗЫКОВЫЕ СВЯЗИ

Г.-Р. А.-К. ГУСЕЙНОВ

О ТЮРКИЗМАХ В БАЦБИЙСКОМ ЯЗЫКЕ

В силу изолированного положения бацбийского языка в иноязычном (грузинском) окружении его исследование имеет особенно важное значение для истории нахских языков, их взаимоотношений с соседними языками, в частности тюркскими. Определенным препятствием для последовательного изучения исконного и заимствованного лексического фонда этих языков до последнего времени являлось отсутствие кодификации словарного состава бацбийского языка. Выход в 1984 г. в тбилисском издательстве «Мецниереба» «Цова-тушинско-грузинско-русского словаря» Давида и Нико Кадагидзе существенным образом восполнил этот пробел в нахской лексикографии. Материалы словаря с его латинской транскрипцией и были положены в основу написания настоящей статьи.

Несмотря на то, что исследование тюркского вклада в нахские, точнее, вайнахские (чеченский и ингушский), языки, по существу, только начинается, а тюркизмы в бацбийском языке практически еще не изучались, в лингвистической литературе по нахским языкам можно встретить априорное по своей сущности утверждение о том, будто в бацбийском языке и горных диалектах чеченского языка наблюдается «почти полное отсутствие ... арабизмов, иранизмов и тюркизмов, за исключением заимствований через грузинский язык» [1. С. 207]. Широко распространен также тезис о бесперспективности дифференцированного изучения восточных (ориентальных) заимствований. По мнению исследователей, придерживающихся этого положения, интенсивное заимствование языков уже само по себе исключает возможность различения каких бы то ни было этимонов в составе нахских ориентализмов.

На самом же деле, хотя в средневековых турецком и персидском языках насчитывалось до 80% арабизмов, а в самом арабском языке классического периода специалистами обнаруживается от 350 до 2 000 персизмов [2. С. 104], «тюркоязычная по происхождению лексика, заимствованная в арабский язык, весьма немногочисленна и пестра по своему составу» [2. С. 108].

Отдельными исследователями предпринимались попытки выявления столь необходимых фонетических признаков (но только для вайнахских (чечено-ингушских) тюркизмов), наиболее достоверные из которых при ближайшем рассмотрении сводятся, в сущности, к единичному аналаутному звукосоответствию тюркского q — чечено-ингушского γ при совпадении тюркского и чечено-ингушского q в ауслауте. При этом данное звукосоответствие, как в принципе и прочие, устанавливалось без-

относительно к конкретному языковому источнику. Наиболее популярным при выявлении звуковых корреспонденций и самих тюркизмов являлся материал кумыкского языка.

Предварительная тюркологическая экспертиза лексики выше-названного словаря позволяет сделать вывод, что тюркизмы в бацбийском языке довольно многочисленны и в отношении путей усвоения могут быть подразделены на две группы: тюркизмы, заимствованные через грузинский язык, и тюркизмы, проникшие в бацбийский язык иным путем. Следует отметить, что через грузинский язык могли усваиваться не только исконно тюркские, но в значительном количестве и слова, заимствованные самими тюркскими языками из арабского и персидского, но не наоборот. Очень часто в чеченском и ингушском языках подобным формам бацбийского языка соответствуют тюркизмы, проникшие в них непосредственно из других тюркских языков, напр.: бацб. *utō*, чеч. *itū* 'утюг' при груз. *uto*, азерб., тур. *ütü*, кумык. *itüv*, карачаево-балк. *iliu*, ног. *ijtäv*; бацб. *talγ*, чеч. *tulγije*, инг. *talγije* 'волна' при груз. *talγa*, тур., азерб. *dalγa*, узб. *dolγa*, башк. *tulqyn*, тат. *tulqyn*, кирг., туркм., уйгур. *tolqyn*, якут. *dolqyn*, алт. *tolku*, шор. *tolkug*, ног., каракалп., каз. *tolqyn*, кумык., карачаево-балк. *tolqyn* при монг. *dolgion/dolgin* 'волна' [3. С. 53]; бацб. *avšan*, чеч. *jūša* 'степная полынь' при груз. *avšani*, древнетюрк., среднетюрк. *javšan*, азерб. *jovšan*, кумык. *juvšan*, ног. *juvsan*; бацб. *t'olm*, чеч. *dolma* 'голубцы' при груз. *t'olma*, азерб., кумык., ног. *dolma*; бацб. *polad*, чеч. *bwōlat*, инг. *bolat* 'сталь' при перс. *pūlad*, груз. *poladi*, тур. *pulat*, азерб. *polad*, кум., ног. *bolat* и др.

Тюркизмы, которые бацбийский язык усвоил, минуя грузинский язык, подразделяются на собственно бацбийские и общенахские, известные в других нахских языках.

Этимологическая надежность выявляемых тюркизмов различна. Нами рассматриваются преимущественно формы с максимальной и средней степенью надежности. Среди общенахских тюркизмов обнаруживаются и такие (напр. бацб. *baž*, чеч.-инг. *baža* 'своя'), конкретный источник которых невозможно установить ввиду их единообразной представленности во многих тюркских языках [4. С. 24]. К числу форм с минимальной степенью этимологической надежности относятся лексемы преимущественно общенахского распространения, идентификация которых как тюркских по своему происхождению производится в отдельных случаях в порядке гипотезы, так как требует специального рассмотрения в еще более широком контексте.

Больше всего различаются между собой консонантные системы бацбийского (нахских) и тюркских языков. При этом бацбийский вокализм более близок к архаической системе чеберлойского диалекта чеченского языка, представленной в первом слоге десятью долгими и краткими гласными фонемами *i, ū, ā, wo, jē, i, ū, wō, jē*. Эти фонемы восходят к еще более простой системе вокалов *a, ā i, u*, являющейся общей для всех нахских языков [5. С. 170]. Большую близость к практически единообразному тюркскому вокализму обнаруживают по сравнению с бацбийским языком и чеберлойским диалектом чеченский и ингушский языки, которым известны палатализованные гласные.

Отсутствие же палатализованных (умлаутизированных) гласных в бацбийском языке ведет к их недифференциации (неразличению) в составе тюркизмов последнего, а также в чеберлойском диалекте, точнее, на ранней (безумлаутной) стадии развития чеченского и ингушского языков как диалектов (обще)вайнахского праязыка, наибольшее раз-

личие между которыми приходится на систему гласных. Что касается согласных, то по их составу «нахские языки мало отличаются друг от друга» [6. С. 222], а по отношению к тюркским языкам их система является более сложной и включает в себя большее число оппозиций, в которые входят ее более многочисленные элементы. Поэтому можно предполагать, что при освоении тюркских лексических заимствований в бацбийском (нахских) языке будет наблюдаться преимущественно сверхдифференциация, связанная прежде всего с отсутствием в тюркских языках такого дополнительного фонемообразующего признака согласных нахских (кавказских) языков, как надгортанная экспирация (абруптивность). В этом случае консонантная система нахских языков может быть интерпретирована в принципе как некий инвариант по отношению к тюркским согласным. Таковы в самых общих чертах взаимоотношения бацбийской (нахской) и тюркской звуковых систем, которыми в значительной степени и предопределяются особенности фонетического освоения тюркизмов в нахских (бацбийском) языках.

Обращает на себя внимание тот факт, что и изолированные тюркизмы в бацбийском языке при той или иной степени определенности своих языковых источников и сравнительной малочисленности довольно неоднородны по генетическому составу — принадлежности, например, к таким основным группам тюркских языков, как огузские и кыпчакские. Возникает вопрос об отношении изолированного бацб. *düz* 'степь' при недифференцированном чеч.-инг. *arje* 'место, поле, равнина, степь' к междюрк., огуз., в том числе азерб., *düz* 'степь, равнина, пустыня, поле, низменность' [7. С. 309—310]; но — пратюрк. **tū:s* 'ровный, прямой' [8. С. 198] при кыпчак., кумык., карачаево-балк. *tüz* 'степь'. Источником бацбийского слова является, несомненно, огузская (азербайджанская) форма, так как на уровне звукосоответствия *t~d* озвончения анлаута в бацбийском языке не отмечается, по крайней мере по отношению к другим (чеченскому и ингушскому) нахским языкам, а также, как свидетельствуют материалы, имеющиеся в нашем распоряжении, в связи с освоением в нем тюркских заимствований.

Однако допустить вероятность довольно раннего усвоения данного слова бацбийским языком и его возможной утраты другими нахскими языками весьма затруднительно. Дело в том, что бацбийцы до сих пор пасут свои стада в Ширванской степи Азербайджана (*Şirwan düz*), откуда они могли привнести в свой язык незнакомое им название степи *düz* в виде *düz*.

В бацбийском языке обнаруживается еще одно неизвестное другим нахским языкам слово — *javağ* 'дождить' — с масдарным суффиксом -г (*javā-*), которое восходит не к уйгур., азерб., туркм. *jaγ-taq* 'идти, выпадать (об осадках)' [9. С. 202] с корнем *jaγ-* огузского типа, а к кумык. *jaw-taq* 'падать, идти (об атмосферных осадках)', ног., карачаево-балк. *jaw-du* 'выпал (об осадках)' [9. С. 202] с корнем *jaw-* кыпчакского типа; ср.: пратюрк. **ḡaγ-* 'падать, идти (о дожде, снеге)' [8. С. 196]. Слово могло быть усвоено не ранее рубежа XIII—XIV вв., так как именно к этому времени относится эволюция *-γ→-w/-w°* з кыпчакских языках [7. С. 118]. Понятие «дождь» передается в бацбийском языке словом с другим корнем (*q'ar*).

Для сравнения приведем более древнее (булгарское) название дождя в других нахских языках; так, чеч.-инг. *doγa* (ḡ) 'дождь' — чеберл. *daγu* [5. С. 81] обнаруживает близость к азерб. *jaγuṣ*, туркм. *jaγuṣ*, тув. *čahs*, хакас. *paγmug*, алт. *jaγmug* [*dāγmug*], башк. *jaγmug*, кирг., кара-калп. *žamgug*, кумык. *jaγug*, ног. *jamgug*, тат. *jaγug*, тур. *jaγmug*, туркм.

јаугур, узб. *jomgug*, уйгур. *jamgür* [3. С. 55—56] при отмеченном пратюрк. **џау-* (см. выше). Анлаутное *d-* в вайнахской форме находит в качестве своего вероятного аналога на месте пратюркского начального **џ*-соответствующее болгарское *d-* (по А. М. Щербаку), широко представленное в древних тюркизмах дагестанских (лакского) языков [10. С. 46—60]. Конечное же *-и* анализируемого слова может быть объяснено действием закона открытого слога, присущего чувашскому языку [11. С. 26] как наследнику (древне)болгарского. Подобное допущение снижает, естественно, степень надежности данной этимологии, особенно в условиях, когда восточно-кавказские параллели для данного слова и понятия в известных исследованиях не приведены.

На возможность отражения древних болгарских фонетических черт и в изолированных бацбийских тюркизмах указывает, в частности, бацб. *p'alō* 'пятый день с сегодняшнего', *p'alō* 'на пятый день' при чеч. *s'asta*, инг. *s'ulc'u* 'на пятый день вперед'. Это слово близко к пратюрк. **bā:l* 'пять' с глухим билатеральным пратюркским сонантом *l'* [11. С. 14] при чуваш. *pilē:k < *pā:šā:k*, булг. **biāl* 'пять', считающемся возможным индоевропейским (северно-арийским) заимствованием [12. С. 21—22, 29]; ср.: межтюрк. *bā:š* [4. С. 126] и пратюрк. **pā:š* 'пять' [8. С. 154, 195], что не исключает какого-либо ламбдоидного тюркского **pā:l* 'пять', из которого и могло быть заимствовано анализируемое слово.

С учетом времени существования болгарского языка и языков так называемого болгарского круга усвоение анализируемого слова можно отнести к общенахскому времени, так как распад соответствующей общности, выделение из нее бацбийского языка относится к XIII в., т. е. к послемонгольскому периоду [13. С. 46]. Если бы слово в языке-источнике начиналось с *b-*, то оно было бы передано тем же звуком, а в случае оглушения — своим глухим неабруптивным коррелятом *p*, ибо в нахских языках «во всех исконных словах *p* в начальной позиции оказывается результатом оглушения *b*» [6. С. 240]. Что касается взаимоотношений *b* и *p* в истории нахских языков, то соответствие бацбийского *p'* чечено-ингушскому *b* отмечается только в ауслауте двух лексем, где абруптив считается вторичным, а звук *b* входит в число прямых соответствий между этими языками [5. С. 275, 277, 261].

Заимствование, по всей видимости, произошло в общенахский период, до утверждения в нахском аблауте неабруптивного звука *p*, что, возможно, и привело к освоению данного слова через ближайший *p'*, который в настоящее время употребляется в чеченском и ингушском языках в начале двух-трех исконных слов и почти отсутствует в начальной позиции [6. С. 244—245] (в стличие от бацбийского, в ауслауте корневых морфем не встречается [14. С. 67]). Однако тот факт, что в бацбийском языке фонема несет более значительную функциональную нагрузку, обусловленную влиянием грузинского языка, и отмечается в исконных и заимствованных словах [6. С. 246] при очень незначительной функциональной нагрузке этой фонемы в нахско-дагестанских языках [15. С. 89], не исключает позднейшей абруптивации *p→p'*. Становится возможным объяснение некоторой вероятности перехода *b→p'* в общенахский период при освоении данного слова (источник со звонким анлаутом), тем более что чеченскому и ингушскому *p* во многих заимствованных словах в бацбийском языке соответствует *p'* [6. С. 246].

Дело в том, что не только *p'*, но и другие абруптивы вайнахских языков не используются, по нашим наблюдениям, при передаче в них позднейших русских, а также части более ранних тюркских заимство-

ваний, прежде всего с начальным $b \sim p$. Бацбийское же p' , судя по примерам, приводимым Ю. Д. Дешериевым (*piartia*, *piamidor*), могло отражать и грузинское звучание этих русизмов, так как трудно предполагать какие-либо интенсивные прямые контакты с иными языками для бацбийского, который с древнейших времен находится в грузиноязычном окружении. Что касается тюркизмов вайнахских языков, то речь идет о чеч. роштаq, инг. раштаq 'башмак', к числу возможных источников которых относится не только межтюрк. баштаq с тем же значением [4. С. 93], если допустить оглушение b - при освоении, но прежде всего кумык. диал. (хасавюрт.) раштаq — то же, которому соответствует отмеченное Э. В. Севортьяном [4. С. 94] чуваш. диал. роштаq 'валенки'. Об этом свидетельствует также и фонетический облик (анлаут) чеч. роштиje 'подавленный, грустный', усвоенного, по всей видимости, из кумык. раштап 'подавленный, опечаленный', восходящего к перс. rāšī-tāp 'сожаляющий'.

Конечное $-ó$ ($-ō$) бацбийского слова, возможно, является фонетическим наращением и выполняет либо фонетическую функцию, подобную той, какую осуществляет финитное o как средство сохранения исходных гласных, где $'$ в кавказоведческой транскрипции — глоттальный смычный звук [16. С. 148], либо функцию морфологическую. Последнее подтверждается, в частности, употреблением данных звуков в группе счетных слов временного характера с определенной семантикой, ср.: бацб. *lató* 'послезавтрашний день' (чеч. *latma*, инг. *loatma*), *uló* 'четвертый деньс этого дня', но *ulō* 'на четвертый день' (чеч. *ula*, инг. *ulla*) и др.

Тюркизмы бацбийского языка содержат не только формы с ламбдаизмом, подобные рассмотренной выше, но и с ротацизмом в словах общенахского распространения. Следует отметить, что ротацизм и ламбдаизм присущи тюркизмам осетинского языка [16. С. 50]. К названным формам относится бацб. *durip* 'солёный' при исходном чеберлойском *durip* → чеч. *dūrap* (палатализация) → инг. *dīra* (делабиализация) 'солёный' [5. С. 80, 112], где $-i(a)p$ — окаменелое окончание родительного падежа. Это позволяет восстановить праформу в виде $*dur-$ (ср.: бацб. *dur-d-ar* 'пересолить, посолить', *durmust* 'щавель', *durol* 'солёность'). Наибольшую близость к ней обнаруживают старочуваш. $*tūr$ → чуваш. *tāvaq* при межтюрк. *duz* [7. С. 288], пратюрк. $*tūs$ [8. С. 198] 'соль'. Звонкий анлаутный d - бацбийского слова является отражением языка-источника, ибо в нахских (бацбийском) языках озвончение начального t отсутствует, известно только ауслautное соответствие бацбийского t' чечено-ингушскому d , где абруптив считается вторичным звуком [5. С. 261—262, 277].

О том, что данная ротацированная форма была усвоена из древнего болгарского языка со звонким анлаутом, свидетельствуют чеч. *gū:jrije*, инг. *gujra*/*gijra* ← чеберл. *gujre* 'осень' [17. С. 78] ← $*gujra$ (бацб. *stabō* 'осень'), которые обнаруживают близость к чуваш. *kēr* 'осень' ← межтюрк. *gūjz* 'осень' [7. С. 94—95] при пратюрк. $*kūs$ 'осень' [8. С. 195], причем редуцированное чувашское $ē$ выступает на месте $ū$ других тюркских языков [8. С. 156]. В чечено-ингушской форме сохранился древний корневой дифтонг тюркского слова [7. С. 95], что позволяет предполагать в качестве его источника какое-либо булг. $*gūjg$ 'осень', так как озвончения анлаутного k ($g \leftarrow *k$) в нахских языках не наблюдается.

Большая часть тюркизмов, усвоенных бацбийским языком, вероятно, еще в общенахскую эпоху, была известна также чеченскому и ин-

гушскому языкам. Так, бацб. *don* (ед. ч.), *duj* (мн. ч.) 'лошадь, конь', *donlov* 'всадник' соответствуют чеч. *din* (чеберл. *din*), инг. *di* (ед. ч.), чеч.-инг. (чеберл.) *doj* (мн. ч.) 'конь (боевой)', лошадь для верховой езды' (но чеч.-инг. *gowr* 'конь, лошадь' в бацбийском не отмечено). В формах множественного числа всех приведенных слов *j* является окончанием, что позволяет восстановить с учетом звучания форм единственного числа в бацбийском и множественного числа во всех нахских языках исходное **don* с перебоем в вокализме для форм единственного числа -о в бацбийском и -i- в других вайнахских языках и диалектах. Этот перебой, скорее всего, объясняется обобщением основы родительного падежа, где -*in* — его окаменелый формант, выявляемый в целом ряде слов современных нахских языков [6. С. 428]. Нынешний показатель генетива в слове *din-in* есть не что иное, как развившийся в чеченском языке за последние сто лет фонетический вариант общенахского аффикса -*in*, который в бацбийском языке в полной форме встречается лишь в окаменелом виде в отдельных словах [16. С. 421, 427]. Сужение о в и в бацбийском (мн. ч.) могло произойти под действием последующего *j* [5. С. 147], напр.: бацб. *q'uǰǰi* 'баран-производитель' (ед. ч.), древнетюрк., пратюрк. *qoǰ* 'баран' [8. С. 194] при чеч. *koj* 'баран старше двух лет' (мн. ч.).

Источник лексемы, учитывая ее общенахское распространение, хронологическую отнесенность (выделение в XIII в. бацбийского языка [13. С. 46]), семантику и ареал, отмеченное окончание у Э. В. Севортяна [7. С. 278], — межтюрк. *döpen*, заимствованное из монг. *dön-e(n)/dönö* 'четырёхлетний самец быка, верблюда или слона', точнее, восходящее к нему и имеющее то же звучание кыпчакское слово XIII в. (1245 г. — Хоутсма) в значении «лошадь по четвертому году» при аналогично звучащих, но территориально удаленных в настоящее время кумыкского диалектного (буйнакского) в значении «жеребец пяти лет» и ногайского «жеребец трех лет». Передний *ö* в бацбийском был замещен ближайшим заднерядным *o*, как и в формах множественного числа вайнахских языков и диалектов, что указывает на отсутствие в последних палатализованных гласных ко времени усвоения данного слова.

Анализ следующих слов представляет гораздо меньше затруднений в отношении гласных, чего, однако, нельзя сказать об интерпретации отдельных элементов их консонантного состава. Так, бацб. *tuxi* ← чеберл. *tuxi* [5. С. 120] → чеч. *tüxi* (-a) [5. С. 80], инг. *tux* [17. С. 63] 'соль' при межтюрк. *düz* [7. С. 288], пратюрк. *tüs* [8. С. 198] обнаруживает близость ввиду неотмеченности перехода *s(z)* → *x* в нахских языках (по-разному понимается исходная форма *tuxi*, где *i* — окончание именительного падежа) к башк. *tuz* 'соль' с ауслатным интердентальным звонким *z* [7. С. 288]. Этот звук известен также туркменскому языку и некоторым говорам татарского [8. С. 162], а в синаро-карабулакском говоре башкирского языка он переходит в фарингальный *h* [8. С. 162], причем в ауслате, в том числе заимствований кызылского говора башкирского языка, — в *x* [9. С. 226]. Превращение *s* в *h* происходит и в других языках, причем не только в ауслате, но и в иных позициях.

К башк. диал. *pähel* 'род', берущему начало от араб. *nasl* 'потомство' [18. С. 119], тур. *pañıye:1* 'уст. нахийе, волость'; 2) 'область, район (чего-л.)', обнаруживает близость и бацб., чеч., инг. *paħ* 'народ, люди'. Как и предшествующее слово, заимствование могло быть достаточно древним, если учесть хотя бы степень распространенности этих лексем во всех трех нахских языках, распад соответствующей общности которых, как уже отмечалось, относится к послемонгольскому

периоду, по крайней мере к XIII в. Если говорить о слове со значением «народ, люди», то необходимо иметь в виду, что арабизмы стали проникать в кыпчакские языки Восточной Европы и Западной Азии еще в домонгольское время [19. С. 228].

Не исключено, что рассматриваемый арабизм первоначально проник в тот тюркский (кыпчакский) язык, из которого это слово и было усвоено нахами, тем более что звук *h* постулируется для «кыпчакской части» пратюркского языка на правах диалектного аллофона пратюркского **s* и впервые отмечается в старокыпчакских памятниках с 1245 г. [18. С. 137]. Образование этого аллофона может быть, естественно, отнесено к более раннему времени. Вполне возможно, что аллофоном пратюркского **s* могло быть и *x* в каком-либо кыпчакском языке, по всей вероятности, достаточно древнем для того, чтобы в нем отразилось данное арабское заимствование, так как, по мнению некоторых ученых, «четыре основных объединения древнетюркских племен — собственно тюркское, огузское, киргизское и кыпчакское — сложились практически одновременно, между V—VII вв.» [20. С. 64] (ср. время появления кыпчаков на Северном Кавказе, которое традиционно относится к XI в., а некоторыми учеными — даже к догуннской эпохе (до IV в. н. э.)).

Займствование этих слов возможно, если допустить его из языка, в котором башкирскому *h* соответствовало бы *x*, ибо дистрибуция нахского *x* не ограничена и в тюркизмах он передает аналогичный звук. Если исключить эту возможность ввиду явно тюркского характера бацб. *tuǰi*, то можно допустить собственно нахский ауслаутный переход при освоении данных слов, что, однако, маловероятно и требует специального исследования.

Бацб. *q'ujǰi* 'баран-производитель' соответствует чеч.-инг. *ka* (ед. ч.), *koj* (мн. ч.) 'баран старше двух лет' (бацб. *u↔*o* — сужение под действием последующего *j* (см. выше)), возводимому к восточно-кавказскому нахско-дагестанскому уровню на основе корневого **k* [21. С. 21]. Дагестанские [22. С. 57] и чечено-ингушские [23. С. 35] слова сближаются с названиями овцы в тех тюркских языках, в которых древнетюрк. *qoǰin* → древнетюрк. *qoǰin* (лабиализация), *qoǰ*, *qon*, *qoj* (← **qoǰin*) восходят к пратюрк. **qōǰin* < *qōn'in* [24. С. 193], **qonun* [25. С. 117]. Тюркская форма вместе с алт. **kon'in* и монг. **kon'in* возводится к тунгус.-маньчжур. **kuva-n'i-n*, считающемуся алтайской праформой [24. С. 194—195], хотя, как утверждает А. М. Щербак [8. С. 116—117], монгольские наименования овцы были заимствованы у тюрков еще в предорхонский период.

В чеч.-инг. *ka//koj* произошло, по всей видимости, переосмысление конечного *j* тюркского слова как характерного для нахских языков (см. выше) окончания множественного числа *j*, а затем уже — усечение основы в единственном числе (**ko-*), в котором гласный в дальнейшем редуцировался (*ka*). Корневое *o* восстанавливается также и на основе показаний форм косвенных падежей чеченского и ингушского языков, например эргативного падежа чеч. *kōtʷo*, инг. *koto*. Нарастание -*т-*, наблюдающееся и в основах других косвенных падежей, ввиду его необъясненности на внутриязыковой почве следует, по всей вероятности, увязать с воздействием источника — тюрк. *qoǰin* с конечным -*n*, характерным для древнетюркского (см. выше) и огузских языков [22. С. 88] (ср. старокумык. *qoǰin*, по нашим наблюдениям, употреблявшееся еще совсем недавно в речи представителей старшего поколения — носителей хасавюртовского диалекта). Этот звук был утрачен в позиции абсолют.

ного конца слова в форме именительного падежа единственного числа, что характерно для нахских языков [5. С. 254], а в формах косвенных падежей стал передаваться уже через вставочное, но ближайшее -м-, так как п в этой позиции означало бы для нахских языков назализацию. Палатализованное ѓ, употребляющееся в чеченском языке в основах косвенных падежей (kõmap, kõtapa, kõtwa, kõtə), указывает также на бывшее наличие j, обусловившего палатализацию корневого o уже на собственно чеченской языковой почве.

Элемент -čī бацбийского слова вследствие понятных семантических и иных ограничений на его полное сближение с известным тюркским аффиксом лица -či [26. С. 103] с освоением i через i, хотя некоторая связь с учетом совокупного значения слова в бацбийском языке, вероятно, и имеется ('баран-производитель', т. е. какое-то «лицо» по роду его «занятий, действий»), мог быть также получен в результате возможной утраты конечного -k в межтюркском уменьшительно-ласкательном суффиксе -čik [26. С. 100] языка-источника. Подобная утрата -k в ауслaute известна чувашскому языку, где она происходит непоследовательно, а также говорам узбекского языка [9. С. 199]. Возможность существования аналогичной структуры слова с суффиксом -čik (*qojčik → *qojči → qoç (редукция i [11. С. 22]) подтверждается в значительной степени тем, что элемент -up в огузских названиях рассматривается как морфема с бывшим значением уменьшительности [22. С. 88]).

В связи с тем, что анлаутного звукосоответствия бацбийского q' чечено-ингушскому k в известных исследованиях по фонетике нахских языков не отмечается, естественно предположить различные по своему звуковому оформлению тюркские языки-источники для бацбийской и чечено-ингушской (дагестанских) форм. Если для бацбийского слова спектр возможных тюркских источников практически не ограничен ввиду единообразия данной лексемы во многих тюркских языках, в том числе древнетюркском [22. С. 87, 89; 24. С. 192—193], то чечено-ингушское название с опередненным k (*←q) и суффиксом *up имеет своим источником, видимо, какое-либо тюрк. koju, известное в наше время в турецком и гагаузском языках, но не туркм., азерб. goju [22. С. 88] из-за звонкости анлаута данных слов. Опереднение анлаутного q- в настоящее время наблюдается в турецком и гагаузском языках, а также в диалектах и говорах караймского, татарского и узбекского языков [9. С. 187]. Подобный процесс мог иметь место и в том древнем или средневековом тюркском языке (языках) Северного Кавказа, откуда, вероятно, было усвоено анализируемое чечено-ингушское слово. Такой же q-источник мог, по всей видимости, быть и у бацбийского слова. Ср.: табасар. kullux ← азерб. kollug 'кустарник', чеч., уд., цахур. kol, лезг., рутил., крыз. kul ← азерб. kol 'куст' при азерб. gol, тур. kol 'рука', 'ветвь' ← пратюрк. qol 'рука' [8. С. 194].

В бацбийском языке на возможную системность отражения анлаутного пратюркского q, сохраняющегося в этой позиции в юго-западной (огузской) группе тюркских языков [9. С. 186—187] (посредством абруптивного q', который под влиянием грузинского языка распространен в нем более, чем в чеченском и ингушском языках [6. С. 247—248]), указывает целый ряд иных нахско(бацбийско)-тюркских параллелизмов (схождений) с вышеназванными звуками.

Анализ этих параллелизмов, вопрос об исконности бацбийских (нахских) компонентов требует специального исследования. Мы же ограничимся лишь постановкой вопроса об их адекватности вышеназванному

бацбийско(нахско)-тюркскому звукосоответствию. Речь, в частности, идет о следующих отношениях: 1) бацб. q'ag (ед. ч.), q'agu (мн. ч.) 'дождь' ← чечерл. q'agu 'град' → чеч. q'ogu (-a) 'град' [5. С. 82] и межтюрк., пратюрк. *qāg 'снег' [8. С. 194], ибо конечное -и исходной q'agu (и бацбийской) формы, как и в случае с рассмотренным чеч.-инг. doya (daɣu) 'дождь', может быть объяснено сохранением тенденции к открытому слогу, известной чувашскому языку (см. выше) как преемнику (древне)булгарского; 2) бацб. daɣq'na 'сухость, жесткость', чеч.-инг. deq'a, beq'a, veq'a, jeq'a 'жесткий, твердый, сухой' с корнем q'a 'сохнуть' восточно-кавказского уровня [21. С. 22], сомнительно сближаемым [15. С. 122] на основе восстанавливаемого нах.-даг. *qig 'сухой' с абхазо-адыгскими и картвельскими архетипами, и пратюрк. *q'ig 'сухой', 'сохнуть', *qaq 'сухой, сушеный' [8. С. 194], которые, в свою очередь, на прототюркском уровне [8. С. 138—142], возможно, восходят к двухтембровой моносиллабеме *Q -a, -u с отмеченными значениями; ср.: алт. *k'ūg- 'сохнуть' [27. С. 118].

В случае неадекватности приведенных сопоставлений следует, видимо, предполагать более позднюю абруптивацию анлаутного тюркского q на собственно бацбийской языковой почве, если иметь в виду также бацб. qeɣ ← чеч.-инг. qeɣa 'камень' ← тюрк. qajig 'песок' ← 'песчаник' [28. С. 289] и др. Для сравнения отметим, что сохранение анлаутного q в тюркизмах вайнахских языков отмечается в сравнительно немногочисленных случаях: чеч.-инг. qaba 'макитра' обнаруживает близость к ног. qaba 'горшок, большой глиняный кувшин' (ср.: [28. С. 105—106]) при кумык. хава: 1) 'медный кувшин для воды', 2) 'кружка' и древнетюрк. qova//qovɣa 'ведро, бадья'; чеч. qalqan 'щит' — древнетюрк., кумык., ног. qalqan — то же при азерб. galxan 'щит для отражения удара' и др.

Вместе с тем чеч.-инг. ɣuɣ 'песок' находится в неясных отношениях с кум. хит 'песок' по причине межтюрк., карачаево-балк., ног. ɣuɣ — то же, что заставляет предполагать, при допущении кумыкского источника данного слова, характерную для этого языка спирализацию его анлаута [29. С. 49] в современном звучании данной кумыкской лексемы, как и в слове хава (см. выше). Подобное допущение обусловлено тем, что в анлауте подавляющего большинства кумыкско-чеченских лексических сходжений [30. С. 147—155], за исключением отмеченных выше чеч.-инг. qaba, чеч. qalqan и некоторых других, а также, по нашим наблюдениям, в ингушском языке пратюркскому q соответствует в этой позиции звонкий чечено-ингушский спира́нт ɣ, кроме отдельных форм с q'-анлаутом, требующих дополнительной документации.

Так как звук ɣ в тюркских языках в начале слова не встречается [9. С. 200], а озвончение q либо спирализация g истории и современному состоянию нахских языков неизвестны, следует предполагать в вышеназванных случаях действие тюркского языка-источника с озвонченным q. Этот звук отмечается в целом ряде тюркских языков, но прежде всего — в территориально отдаленных в настоящее время от ареала нахских языков буйнакском и кайтакском диалектах кумыкского языка [9. С. 186]. Возможно, вайнахские тюркизмы с названным анлаутом отражают при этом определенную особенность (стадию) развития фонетического строя кумыкского языка, ибо специфическим тюркизмам аккинского диалекта, с XVI—XVII вв. и до сих пор непосредственно контактирующего с территориально смежным с ним и чеченским языком хасавюртовским диалектом кумыкского языка, присущ,

по нашим наблюдениям, γ-анлаут. Данный вопрос нуждается в специальном исследовании и по той причине, что бацб. γог 'стужа, мороз', инг., акк. woга, чеч. γига 'мерзлота' ← чеберл. γаг [17. С. 67] ← кыпчак.-булг.-ног. qīgaw, ср.: куман. qīgow, кумык., ног., карачаево-балк. qīgaw, ног. qīgaw 'иней, заморозки' и др. ← древнетюрк. qīgaγu 'иней, изморозь', так как в неполовецких кыпчакских языках i(→ī) редуцируется [8. С. 152] и становится близким к ā.

В ауслаутной же позиции, где звук q в большинстве тюркских языков остается без изменений [9. С. 192—193], имеющийся в нашем распоряжении лексический материал не дает возможности выявить четкую закономерность в освоении данного звука, ибо речь идет об отношениях единичного бацб. bulaq 'колодец' и межтюрк. bulaq 'родник', 'источник', 'ключ'. Это связано также и с тем, что не только сам звук q, но и его репрезентаты g, k, γ и x, встречающиеся в составе данной лексемы в других тюркских языках [4. С. 257], отмечаются в бацбийском и других нахских языках во всех позициях, а в ауслауте — практически без ограничений [6. С. 238, 239, 240, 242—243, 245]. Не имеет дистрибутивных ограничений и фонема q', которая обнаруживается в соответствующих позициях во всех нахских языках. Причем эта фонема за счет влияния заимствований из грузинского языка более широко распространена в бацбийском языке, нежели в чеченском и ингушском [6. С. 247—248].

Другой специфический тюркизм бацбийского языка с ауслаутным q' — ulaq' 'лошадь' — с довольно обширным кругом возможных тюркских источников [31. С. 588—589] не может считаться достаточно показательным (ср. аналогичный тюркизм лакского языка ulaq 'гужевой транспорт' [32. С. 66]) из-за груз. ulaq'i — то же, через которое и было произведено, по всей вероятности, данное усвоение.

В то же время ауслаутное тюркское q сохраняется в абсолютном большинстве известных кумыкско-чеченских лексических параллелей [30. С. 147—155], в том числе в аккинском bulq 'колодец', восходящем к кумык. bulaq 'родник, источник, ключ' [33. С. 36], а также, по нашим наблюдениям, в ингушском языке, за исключением, может быть, чеч.-инг. γиγq (← чеберл. γиγиγq) 'дышло', 'шест', 'жердь', непосредственный кумыкский источник которого (qигих 'шест', 'жердь') допустим только при постулировании спирализации конечного -q (ср.: карачаево-балк. qигиγq, ног. qигуγq с теми же значениями). Все рассмотренные звуки включаются в числе прочих и в общенахскую систему согласных [5. С. 279].

В связи с вышеизложенным в бацб. bulaq' 'колодец' можно предположить освоение с помощью -q' особенностей артикуляции ауслаутного звука в лексеме языка-источника, каким могло быть азерб. bulaq 'родник', 'источник', 'ключ' с озвонченным (полузвонким) q. Ввиду неизвестности этого обозначения данной реалии также чеченскому и ингушскому языкам, в которых соответствующее понятие передается другим тюркизмом (чеч. γи, инг. γиw 'колодец'), заимствование могло произойти в достаточно поздний период из азербайджанского языка, как и бацб. duz 'степь', а также лак. bulaγ 'источник (оборудованный), небольшой бассейн', лезг. bulax 'родник, ключ' [34. С. 79].

Специфические mediae lenes (неполные звонкие) азербайджанского языка, в нашем случае смычный q с глухой экскурсией и звонкой рекурсией, т. е. смешанной артикуляцией, передаются в ауслауте данного слова ближайшим специфическим артикуляционным коррелятом — абруптивом (смычно-гортанным) q', глухим звуком, при произнесении

которого одновременно со смычкой во рту образуется вторая смычка в гортани между связками.

Таковы некоторые итоги изучения тюркизмов в бацбийском и других нахских языках, исчерпывающее исследование которых актуально не только для нахского (кавказского), но и для всего тюркского языкознания.

ЛИТЕРАТУРА

1. Алироев И. Ю. Нахские языки и культура. Грозный, 1978.
2. Белкин В. М. Арабская лексикология. М., 1975.
3. Исаков Ф. Г. Опыт сравнительного словаря современных тюркских языков// Исследования по сравнительной грамматике тюркских языков. М., 1962.
4. Севортян Э. В. Этимологический словарь тюркских языков: (Общетюркские и межтюркские основы на букву «Б»). М.: Наука, 1978.
5. Иманшвили Д. С. Сравнительно-исторический анализ фонетики нахских языков. Тбилиси, 1977.
6. Дешериев Ю. Д. Сравнительно-историческая грамматика нахских языков и проблемы происхождения и исторического развития горских кавказских народов. Грозный, 1963.
7. Севортян Э. В. Этимологический словарь тюркских языков: (Общетюркские и межтюркские основы на буквы «В», «Г», «Д»). М.: Наука, 1980.
8. Щербак А. М. Сравнительная фонетика тюркских языков. Л.: Наука, 1970.
9. Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков: Фонетика. М.: Наука, 1984.
10. Джидалаев Н. С. К вопросу о языке древних тюрков Восточного Кавказа//Сов. тюркология. 1971. № 5.
11. Серебренников Б. А., Гаджиева Н. З. Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков. М.: Наука, 1986.
12. Бенцинг И. Языки гуннов, дунайских и волжских болгар//Зарубежная тюркология. М.: Наука, 1986. Вып. 1.
13. Гусейнов Г.-Р. А.-К., Мугумова А. Л. К статистическому и историко-хронологическому анализу лексических сходжений и расхождений в отраслевом словарном составе нахских и вайнахских языков и диалектов//Вопросы отраслевой лексики. Грозный, 1983.
14. Чрелашвили К. Т. Система согласных в нахских языках: (парадигматический и дистрибутивный анализ): Автореф. дис. ... д-ра филол. наук. Тбилиси, 1975.
15. Климов Г. А. Введение в кавказское языкознание. М.: Наука, 1986.
16. Байчоров С. Я. Гунно-протобулгарско-северокавказские языковые контакты// Вопросы языковых контактов: (северокавказский ареал). Черкесск, 1982.
17. Куркиев А. С. Основные вопросы лексикологии ингушского языка. Грозный, 1979.
18. Гарипов Т. Н. Кыпчакские языки Урало-Поволжья: Опыт синхронической и диахронической характеристики. М.: Наука, 1979.
19. Баскаков Н. А. Введение в изучение тюркских языков. М., 1962.
20. Кляшторный С. Г. Древнетюркские цивилизации: диахронические связи и синхронические аспекты//Сов. тюркология. 1987. № 3.
21. Бокарев Е. А. Сравнительно-историческая фонетика восточно-кавказских языков. М.: Наука, 1981.
22. Мусаев К. М. Лексика тюркских языков в сравнительном освещении: (западно-кыпчакский ареал). М.: Наука, 1975.
23. Гусейнов Г.-Р. А.-К. О древнейших тюркизмах чеченского и ингушского языков//Структурно-типологические особенности русского и кавказских языков. Грозный, 1977.
24. Новикова К. А. Названия животных в тунгусо-маньчжурских языках//Алтайские этимологии. Л.: Наука, 1984.
25. Щербак А. М. Названия домашних и диких животных в тюркских языках//Историческое развитие лексики тюркских языков. М., 1961.
26. Щербак А. М. Очерки по сравнительной морфологии тюркских языков: (Имя). Л.: Наука, 1977.

27. Цинциус В. И. Этимологии алтайских лексем с анлаутным глухим придыхательным и смычным губно-губным «к» и заднеязычным «к»//Алтайские этимологии. Л.: Наука, 1984.
28. Егоров В. Г. Этимологический словарь чувашского языка. Чебоксары, 1964.
29. Гаджиева Н. З. Тюркоязычные ареалы Кавказа. М.: Наука, 1979.
30. Гусейнов Г.-Р. А.-К. Тюркизмы в чеченском языке: (Проблемы, суждения, материалы)//Тюрко-дагестанские языковые взаимоотношения. Махачкала, 1985.
31. Севортян Э. В. Этимологический словарь тюркских языков: (Общетюркские и межатюркские основы на гласные). М.: Наука, 1974.
32. Хайдаков С. М. Очерки по лексике лакского языка. М., 1961.
33. Арсаханов И. А. Чеченская диалектология. Грозный, 1979.
34. Джидалаев Н. С. Тюркизмы в дагестанских языках: Опыт историко-этимологического анализа. М.: Наука, 1990.
-

ОНОМАСТИКА

Ф. Г. ГАРИПОВА

ТОПОНИМИЧЕСКИЕ НАЗВАНИЯ СРЕДНЕГО ПОВОЛЖЬЯ,
ВОСХОДЯЩИЕ К БУЛГАРСКОМУ ПЕРИОДУ (II)

В X—XIV вв. в Поволжье и Прикамье, на северо-востоке Европы, существовало развитое в экономическом и политическом отношении государство с преимущественно тюркоязычным населением, известное как Волжская или Волжско-Камская Булгария. Оно сыграло значительную роль в истории народов Поволжья и Приуралья, а ее население положило начало формированию тюркоязычных народов края, и прежде всего — татарского народа [1. С. 3]. Булгары, жившие в этом государстве, естественно, оставили после себя булгарский пласт в топонимии Среднего Поволжья.

БИЛЭР//БҮЛЭР — древний город волжских булгар, в настоящее время городище близ Билярска на обоих берегах р. Билярки Алексеевского р-на Татарстана. Жители окрестных сел называют с. Билярск *Билэр//Бүлэр* 'Биляр//Буляр'. Деревня Билярск на Ногайской дороге зафиксирована во времена Казанского ханства [2. С. 284]. Река Билярка — левый приток р. Малый Черемшан — упоминается в форме Бюлар, Билярка у С. М. Шпилевского [3. С. 57, 350], как Билярка у Перетяковича [4. С. 169], Корсакова [5. С. 212], Ашмарина [6. С. 19]. Билэр//Бүлэр был столицей Волжской Булгарии и назывался Биляр и Булямар (по восточным источникам, данным нумизматики [7. № 271]). Вокруг городища в радиусе 50 км выявлено более 400 городов и селищ, т. е. примерно четвертая часть всех известных к настоящему времени памятников Волжской Булгарии [7. С. 34], что наглядно подтверждает «наиболее плотную заселенность этих земель по сравнению с другими районами» [8. С. 226]. Большой вклад в изучение Билярского и окрестных городищ внес С. М. Шпилевский [3. С. 57—64, 349—356].

В средневековых источниках данное название фигурирует часто. По Абу Хамиду, «... имя Биляр вместо Булгара было известно уже в начале XII века» [9. С. 88], в русских летописях — это Великий город: «6692 князь же Всеволод ... поиде к Великому городу и перешел Черемисан в один день, наряди полки» [10]. В «Монгольской хронике 1240 г.» среди названий встречается и Билар (Болар): «...Субетай-Багатуря отправил в поход на север, повелевая дойти до одиннадцати стран и народов, как-то Канлин, Кибчаут, Бачжигит, Оросут, Мачжарат, Асут, Сасут, Серкесут, Кешимир, Болар, Рарал (Лалат), перейти через многоводные реки Идил и Аях (Яик. — Ф. Г.), а также дойти и до самого города Кивамен-Кирмен» [11. С. 189]. Среди найденных кладов, относящихся к XIII в., встречаются анонимные монеты, чеканенные в г. Биляре. На лицевой стороне таких монет выбито «Сиккэтүн Билэр», т. е. «монета, чеканенная в Биляре» [12. С. 27]. В эпитафии XIV в. с Болгарского городища Г. В. Юсупов прочитал лакаб Мон Буляр, который, по

его предположению, является двойным этнонимом (племенным названием) [13. С. 224], ср. волжско-булгарское личное имя Булартай [14. С. 106]. В булгаро-татарской эпиграфии XVI—XVIII вв. зафиксирован этноним Буляр [13. С. 223]. Билэр (Билар) известен и из фольклора татарского народа [15. С. 98; 16].

В Арском р-не на правобережье Камы имеется с. Татарское Кадряково. По рассказам старожилов, раньше его называли Бидэр иле. На кладбище этой деревни найдены надгробные камни, датируемые I половиной XVI в. [14. С. 26; 17. № 204]. Вполне возможно, что часть жителей Биляра по известным историческим причинам вынуждена была переселиться в более спокойные места правобережья Камы, в частности в то место, где сейчас и расположено с. Татарское Кадряково Арского р-на. Кстати, недалеко от этой деревни находятся развалины города Иске Казан 'Древний Булгар'. Позднее биляры были вынуждены уйти с насиженных мест и обосновали с. Оры (Ура) в Балтасинском р-не. Комоним Оры считается булгарским реликтом, сохранившимся в названии данного села на правобережье Камы [18. С. 64—66]. Деревня Ура существовала во времена Казанского ханства [2. С. 288]. То же можно сказать и о деревнях Түбән Оры и Югары Оры Арского р-на, которые имеют в своем составе компонент *оры*. В д. Түбән Оры обнаружены надгробные камни, относящиеся к XVI—XVIII вв. [14. С. 25; 17. № 25—27; 19. № 155]. Жители с. Оры Балтасинского р-на на вопрос: «Кем основано ваше село?» отвечали такой поговоркой (об этом сообщил ст. науч. сотр. ИЯЛИ АН Татарстана М. И. Ахметзянов):

I вариант: Қазиләннән килеп, казык каккан,
Бидәрдән килеп, биләгән.

Приехав из Казылей, забил колья
(т. е. оградил, основал),
Приехав из Бидяр, завладел.

II вариант: Қазиләннән килеп, казык каккан,
Бизәрдән килеп, биләгән.

III вариант: Қазиләннән килеп, казык каккан,
Биләрдән килеп, биләгән.

Интересно то, что эта поговорка содержит все три формы слова: Бидэр — Бизэр — Билэр. Такие примеры в топонимии не единичны. Параллельное употребление звуков *д* и *з* выявляется также в названиях Кадиле — Казиле, Таудар — Таузар — Таулар, Ютады — Ютазы (Ютазы) и др. Это наводит на мысль, что для языка булгар применение звука *д* (как коррелята), по-видимому, было закономерностью [20. С. 23].

В Октябрьском р-не на левобережье Камы есть русско-чувашское село с названием Биляр-Озеро. На основании списков населенных мест С. М. Шпилевский сообщает еще о четырех селениях с компонентом *биляр*, «которые указывают на принадлежность свою к Булгарскому царству». Село Биляр-Озеро (Преображенское — совр. с. Биляр-Озеро. — Ф. Г.) при оз. Биляр, д. Новое Биляр-Озеро (Абдрахманово, Гайтанкина — совр. с. Гайтанкино) при оз. Биляр, д. Степное Биляр-Озеро (Абдрахманово — совр. Степное Озеро) при оз. Русском, вероятно, так названном уже русскими, в противоположность прежнему его названию Биляр или в отличие от соседнего оз. Биляр, Новое Биляр-

Озеро (Абдрахманово, по речке Аксумса — совр. Аксумла) при оз. Степном (эта деревня исчезла). Названия этих четырех селений указывают, по мнению ученого, на необходимость более тщательных поисков в этой местности памятников древнего Булгарского царства. С. М. Шпилевский обращает внимание на название д. Караульная Гора (Клявлино — расположена к востоку от местности с Билярскими селениями). Судя по названию деревни, здесь была булгарская и татарская сторожка [3. С. 365]. По соседству с названными деревнями со словом *биляр* зафиксированы селища раннебулгарского периода, например: Кривозерское и три Русскоменчинские [7. № 53, 89—91].

В Муслумовском р-не названия марийского села Мари Бүләр и татарской деревни Татар Бүләр, возможно, также имеют отношение к названию древнего города волжских булгар. Основываясь на сообщении Р. Игнатьева, С. М. Шпилевский писал о существовании в Мензелинском уезде булгарских валов для защиты от набегов инородческих племен [3. С. 381]. В восточных районах Татарии Е. П. Казаковым выявлено 6 могильников булгарского периода, на которых изучено более 380 захоронений и свыше 20 поселений и местонахождений [21. С. 7]. К сожалению, «Археологическая карта Татарской ССР» по Восточному Закамью еще не вышла из печати. Хочется надеяться, что количество изученных памятников булгарского периода возрастет. Имеются генеалогии, указывающие на то, что жители восточных районов Татарстана, а также представители тептярского сословия связывают свое происхождение с булгарским городом домонгольского периода Биляром и с булгарами: «Тарих 930 нчы елда һижрийә илән Бүләр хан заманы, Бикбау авылында төб мәселман һәм типтәр нәселе Туйыш...» 'В 930-м году по хиджре, во время Буляр-хана, в селе Бикбау, истинный мусульманин из типтярского рода Туйыш...' [22. С. 61]. Историк и поэт XVIII в. Таджеддин Ялчигулов свое происхождение связывает с булгарским городом Буляром [23. С. 160—166; 24. С. 155—156]. Как дань уважения вышестоящему городу одна из улиц Ленинского р-на города Казани носит название Билярская [25. С. 33].

Слово *биляр* встречается и на других территориях, где раньше жили и сейчас живут тюркоязычные народы. Например, название с. Буляр (Булярово) в Приуралье, в частности в Илишевском р-не Башкортостана, связано с названием древнего города волжских булгар. Об освоении булгарами западных районов современного Башкортостана свидетельствуют эпиграфические памятники [14. С. 111—138], найденные на этой территории, а также данные, опубликованные учеными-историками [26. С. 32]. Присутствие буляр (биляр) в Волжской Булгарии доказывает и название одной из этнографических групп башкир — буляр. «В старинном родословии „Предки булярского юрта” родоначальником племени указан Булярхан — потомок какого-то Динис Бикбарча, который был „из народа буляр”. Жил он на берегу р. Буляр, что „в стороне Степного Зая и Шешмы”. Несомненно, это племя (или род) из Волжской Булгарии позднее вошло в состав башкирского народа» [27. С. 115]. Память о том, что земли между Волгой, Белой и Яиком были булгарскими, сохранялась очень долго, даже после падения Казанского ханства. Европейский ученый и путешественник Адам Олеарий, путешествуя в Персию через Восточную Европу в 1630 г., составил карту, на которой между Волгой, Камой, Белой и Самарой до Яика поместил земли бывшего Булгарского царства [7. С. 35—36]. Зафиксировано озеро под названием Биляр-Озеро в Оренбургской губернии. Длина его около пяти верст, ширина не более ста саженей [28. С. 418]. На карте бывшего Елабужского уезда Вятской губернии

1891 г. в Можгинском уезде указано с. Биляр, расположенное на р. Биляр. В удмуртских преданиях упоминается о повинностях, которые несли крестьяне-удмурты в отношении болгарских князей. «Сама раковины не поносишь, а ему отдай», — пелось в старинной удмуртской песне [29. С. 47]. По мнению С. Я. Черных, представляет интерес выяснение происхождения древнемарийского этнического названия билемарий, которое получило отражение в топонимике, в названиях ряда одноименных деревень. Оно включает два компонента: *бия* + *марий*. Первый из них напоминает этноним тюркского племени *буляр* > *булгар*, где согласный *р* выпал по причине того, что имеется в следующем слове *марий*, а *буляр* стал в разговорной речи *бия(р)*. Современные марийцы произносят это слово как *пыламарий*. Так как в марийском языке звук *б* в начале слова не встречается и переходит в *п*, а *э* — в *а*, слово *биямарий* приняло форму *пиламарий* (так употреблялось в XVIII в.) > *пыламарий*, но его древней моделью было *пуламарий* из *буля(р)марий*. Несомненно, данное выражение в древности имело конкретное значение: «марийцы, которые пришли со стороны, с земли буляр-булгар», «марийцы, которые были в контакте с булярами-булгарами», а в отношении некоторой их части — «марийцы буляро-булгарского происхождения», т. е. чем-то отличающиеся от остального коренного населения. Отсюда и их прозвище *буля(р)марий* > *бүля(р)марий* > *пүля(р)марий* > *пиламарий* > *пыламарий*, которое нашло отражение в одинаковых названиях пяти марийских деревень, входивших, судя по переписной книге Уржумского уезда (1722 г.), в разные волости: Буйскую — д. Малая Биямори, Бияморскую — деревни Большая Биямори и Малая Биямори, Ошлан Биямори и Сухой Биямори [30. С. 55—56].

Следует также отметить название населенного пункта Новые Беляры в Одесской области Коминтерновского р-на Украины [25. С. 92]. В один ряд с ним, возможно, входит и название р. Буломарка (у Машакова: Буломарка, у Фундуклея — Буламарка), которое зафиксировано в Коростенском р-не Житомирской области [31. С. 75] и восходит к отмеченному в источниках и на монетах *Булямар* [7. С. 100] (+ суффикс *-ка*). Причины появления одинаковых названий географических объектов в Приуралье, на Нижней Волге, в бассейне р. Оки, в Пермской области, на Северном Кавказе и Подонье, а также в южной части Украины обосновываются археологическими и историческими исследованиями [32. С. 64; 33. С. 90—107]. У Д. А. Хвольсона есть сведения о булгарах, живущих среди венгров: «Они — *bilers*, т. е. выселенцы из Биляра или Болгарии, болгаре-мусульмане. Около 970 г. (во времена мадьярского царя Таксони, умер в 972 г.) в Венгрию пришла толпа мусульманских приволжских болгар под начальством некоего Хесена. Они основали на берегу Дуная г. Пешт» [9. С. 109]. Согласно Д. А. Хвольсону, они переселились туда из Болгарии. В Венгрии их называли билерами или исмаилитами, т. е. мусульманами. Следы существования их доходят до XIV в. [9. С. 109].

БОЛГАР. Остатки столицы Волжско-Камской Болгарии X—XI, II половины XIII—XIV вв. под названием Булгар (по арабо-персидским и татарским источникам, данным нумизматики и эпиграфики) и Болгары Великие (по русским летописям) сохранились в с. Булгары Куйбышевского р-на Татарстана и к югу от него на левом берегу Волги [7. № 740; 19. № 296; 34. № 172; 35]. Зафиксированы, кроме того, три Булгарских селища болгарского раннего и болгарского позднего периодов, а также местонахождение общеполгарского периода [7. № 741, 747—749; 34. № 173, 180—183]. Городище описано и обследовано мно-

гими учеными. Сообщения средневековых авторов о Булгаре детально проанализированы С. М. Шпилевским [3. С. 1—47, 193—290].

Название Булгары по всей территории Татарстана встречается довольно часто. Так, например, к этому этнониму восходят названия рек Булгар — приток р. Иныш (басс. р. Вятки, Лениногорский р-н) и прав. приток р. Урсалы (басс. Степного Зая), а также населенных пунктов в Чистопольском, Верхнеуслонском, Нижнекамском, Альметьевском и других р-нах. В 20—30-х годах нашего столетия многие деревни разукрупнились, в результате чего появились небольшие поселки, села, деревни с упомянутым названием в честь славных предков. В 1924 г., например, образовался пос. Янга Булгар 'Новые Булгары' Верхнеуслонского р-на ('Красная Татария'. 1927. 22 июня). Во времена Казанского ханства в Свияжском уезде в бассейне р. Улема имелась д. Болгар Кривой: «... до черные деревни Киры до Болгара до Кривого да до татарских же деревень меж речки шехьяна и меж Клеверского» [36. С. 110]. В Апастовском р-не Татарстана есть татарские деревни Олы Болгаер и Кече Болгаер, около которых отмечено селище болгарско-золотоордынского периода [37. № 534, 535, 536]. Необходимо отметить, что в исследовании Е. Н. Чернышева Болгар Кривой и Болгояры даны как параллельные названия [2. С. 290].

Проживание булгар не только на левом берегу Волги, где были их основные земли, но и на правом, к тому же еще до X в., достаточно хорошо доказано археологическими исследованиями Большеатарханского и Тетюшского могильников, датируемых IX в. Памятники X в. обнаружены в бассейне всего среднего течения р. Свияги вплоть до пределов верхнего течения ее левого притока Булы на западе (Тигашевское городище), а также по правому берегу самой Волги, включая на юге район Самарской луки — Муромский городок и другие памятники региона [7. С. 37—46; 38. С. 9]. Булгар как этноним, название города и страны зафиксирован в письменных источниках средневековья [9. С. 22, 84; 39. С. 30; 40. С. 37; 41. С. 29; 42. С. 26; 43; 44; 45. С. 66, 425], а также в эпиграфических памятниках XIII—XIV в. По мнению Г. В. Юсупова, во многих случаях этнонимы булгар и сувар в эпитафиях I стиля следуют после собственного имени или другого этнонима, а на памятниках II стиля, наоборот, предшествуют собственному имени [13. С. 223]. Первые датированные монеты, чеканенные в г. Булгары на Волге, относятся к 903—908 гг. Чеканка монет означала дальнейший рост в этом государстве феодальных отношений [12. С. 20—21]. Булгар упоминается в дастанах, легендах, преданиях и песнях татарского народа [46; 16; 47]. Большое внимание Булгару отводится в произведениях татарских ученых и поэтов [48—54]. Как дань уважения г. Булгару на Волге, Булгарскому государству, жителям этого государства в Кировском р-не г. Казани одна из улиц носит название Болгарская. Кроме нее есть улица Болгар. Четная ее сторона относится к Приволжскому р-ну, нечетная — к Бауманскому [25. С. 33]. У татар есть обычай наречения ребенка именем Болгар, в честь предков — волжских булгар. Производные имена: Болгари, Болгарай, Болгарый, Болгарбай, фамилии от них: Болгарый, Болгариев, Болгаров, Болгарин, Болгарский, Болгарская: «В дер. Мансурово, в 14 верстах от Лайшева, был найден надгробный камень сыну Мансура Болгарского, что говорит о древности этого селения с Болгарских времен» [2. С. 274]. У ногайцев встречается фамилия Булгаров, у русских — Болгарский. У дунайских булгар: Българа, Българена, Българина, България — женские имена, имеются и фамилии: Българин-

нов, Българински, Българиев, Българов, Българянинов [55. С. 59; 56. С. 49]. По данным К. Насыйри, некоторые роды (нәсел) в с. Мулла иле (Зеленодольский р-н) происходят от болгар [51. С. 147]. В Молвино и сейчас есть Болгари нацеле — Булгарский род (Шаһзаде Болгари, Галиәскәр Болгари, Гали Болгари и т. д.) [55. С. 59].

Названия с этнонимом *булгар* встречаются на соседних и на отдаленных территориях. Например, в Чекмагушевском и Феодоровском р-нах Башкортостана существуют деревни с названием Булгары. Топонимисты связывают это наименование с этнонимом *болгар*. По мнению П. И. Рычкова, в Башкирии «издревле болгаре жительствоваали» (там им обнаружены болгарские городища) [57. С. 23—24]. Рядом исследователей ранние болгарские археологические памятники зафиксированы в Башкортостане — Уфимский и Левашовский могильники у Стерлитамака, относимые к салтовской культуре, связанной с булгарами [58. С. 61; 59. № 4; 60. С. 156; 61. С. 148]. На этой же территории Г. В. Юсуповым выявлены болгарские эпиграфические памятники [14; 22]. «Столь же многочисленны аналоги и материалов из Большетарханского могильника с комплексами Стерлитамакского могильника, датируемого также по монетным находкам VIII—IX вв.» [60. С. 166]. «Не позже рубежа XIII—XIV веков, очевидно, начинается освоение булгарами восточных районов — бассейна р. Ика и нижнего течения р. Белой. Практически здесь шел процесс болгаризации и мусульманизации тюркоязычных племен этого района. Свидетельством этого процесса является кладбище с надгробиями и мавзолеями начала XIV века в долине р. Чишмы в Башкирии, ряд селищ с болгарской керамикой в долине р. Ика (Мензелинское, Бикбуловское) и Белой (Турачинское, Сяньябское и др.), а также мусульманизация населения этих районов, что прослеживается по таким могильникам XIII—XIV веков, как Такталачукский и Кушелевский, расположенным в низовьях р. Белой» [62; 63; 21]. Болгарское царство упоминается в башкирском эпосе «Зухра и Алдар» [64. С. 178]. Погребальный обряд Большетарханского могильника близок к таковому Кайбельского могильника на Средней Волге, Зливкинского, Покровского, части Салтовского на Харьковщине, левобережного Цимлянского на Дону, болгарская принадлежность которых убедительно доказана Н. Я. Мерпертом. Раннеболгарским памятником в Дунайской Болгарии является могильник у г. Нови-Пазар, погребальный обряд которого также близок к таковому Большетарханского могильника [65. С. 66]. Булгарским раньше называлось Каспийское море. После разгрома в 965 г. Киевским князем Святославом Хазарского каганата большая часть его территории осталась у волжских булгар, владения которых простирались по р. Волге и дальше на юг до Каспийского моря [66. С. 13—14; 67. С. 31; 39. С. 85—86].

После нападения Святослава на Булгар часть булгар (сувары) переселилась на Нижний Итиль [68. С. 20]. М. Кашгари, говоря о городе Саксин, называет его городом сувар [45. С. 4]. В тяжелые дни испытаний саксинцы всегда были с булгарами. Так, в русской летописи сообщается: «6737. То же лета Саксинцы и Половцы взбегоша из низу к болгарам перед татары; в сторожеве Болгарьский прибегаша, бьени от татар близ реки, ей же имя Як» [69. С. 192]. Ал-Гарнати в XII в. сообщает о том, что «...в середине города (Саксина. — Ф. Г.) живет эмир жителей Булгара, у них есть большая соборная мечеть, в которой совершается пятничное моление, и вокруг нее живут болгарцы» [36. С. 27]. Булгарские языческие некрополи встречаются и в Ульяновском Заволжье (Кайбельский, Кокрятский, Старо-Майнинский и другие могильники), составляя вместе с более северными памятниками и Хря-

шевским погребением в Куйбышевской области довольно компактную группу [70. С. 49]. Районы Ульяновской области в прошлом как по левобережью, так и по правобережью Волги входили в зону активного расселения раннебулгарского населения [70. С. 55]. По мнению Е. К. Максимовой, найденный в с. Усть-Курдюм в окрестностях Саратова кружковидный сосуд близок к салтово-маяцкой керамике. Такие кружки обнаружены в Саркеле — Белой Веже, в Дмитровском и других памятниках Подонья и Приазовья. Известны они и из керамики Большетарханского могильника. По этнической принадлежности усть-курдюмские погребения должны быть отнесены к числу салтово-маяцких памятников и восходить к их болгарскому компоненту. Погребальный обряд усть-курдюмских захоронений в деталях совпадает с таковым большетарханских погребений. Хронологически усть-курдюмские погребения, оставленные булгарским населением, относятся к концу VIII—началу X в. н. э. [71. С. 110]. И в других источниках булгарскими называются земли в Симбирской, Самарской и частично в Саратовской губерниях [72. С. 115—116].

В «Списке населенных мест Пермской губернии» название Болгары приведено для нескольких мест Оханского и Пермского уездов. В бывшем Красноуфимском уезде на Урале указана г. Болгары. В Мари-Турекском р-не Республики Марий Эл имеется деревня под названием Болгары. В бассейне р. Оки протекает р. Болгорка, Болгорской, а в бассейне р. Мокши находится оз. Булгарево [73. С. 61, 240]. Раньше здесь, видимо, были и города. Судя по историческим источникам, на северо-западе граница доходила до устья р. Оки, так как «в северо-западе дальние торговые точки булгар были расположены в устье р. Оки», а позднее «...князь великий Юрий послал воевод своих с войски и велел на устье р. Оки построить новый город, где издавна был град Болгарский и от русских разорен» [74. С. 8, 31; 29. С. 31]. Большой знаток болгарской культуры, А. П. Смирнов писал: «...город Булгар сыграл большую роль в политической жизни края и был центром культуры не только для всего Поволжья, но и для более западных областей» [75. С. 31]. После монгольского нашествия 1236 г. часть населения Булгарского государства переселилась в западные земли: «...бежавшие от монгольского разорения в русские земли булгары с радующим были встречены как рядовыми жителями, так и феодалами. Так, князь Юрий Всеволодович повелел их (булгар) развести по городам около Волги и в другие» [3. С. 161; 76]. В казахском дастане «Куламергенде» упоминаются г. Булгар и его хан [77. С. 68]. Любопытная параллель имеется в системе р. Алдан. Река Булгар зафиксирована в бассейне р. Амгунь, р. Булгари — лев. приток р. Джаран [78. С. 128]. Фамилии Булгар, Булгаров, Белгар и Белгаров носят кабардинцы и черкесы [79. С. 133, 136]. Булгъар (Булгар) — кабардинское неофициальное название населенных пунктов Малгобек (Малый), Сухотское, Раздольное, Виноградное (Северная Осетия), Екатериноградская, Приближная, Пролетарка и других (Кабардино-Балкария) и их гагаузского населения. Религия гагаузов — православная, язык — тюркский. На Кавказ гагаузы (их здесь называют туканами) прибыли в начале нашего столетия из Бессарабии [79. С. 52]. Среди этнонимов, которыми адыги называют другие народы, есть и этноним булгар. Этой же цели служит и фамилия Балкаров [80. С. 47], например: Майя Булгарова — гопонимист из Карачаево-Черкесии. Этноним булгар известен адыгам в двух весьма отдаленных друг от друга хронологических рамках: древние булгары на Северном Кавказе появились двумя переселенческими волнами — не позже IV в. (с Нижнего Поволжья) и во второй половине VII в. [81. С. 371—372],

Булгарскэ тыку 'Кут Болгра' — переправа через р. Лабу, севернее хутора Хапачева. В Азербайджане — р. Болгарчай (этноним *болгар* + *чай* 'река'); по Украине протекает река под названием Болгар—лев. приток Мужи, прав. приток р. Северского Донца, прав. приток р. Дона. Название населенного пункта Болгар [31. С. 62—63] связывают с этническим наименованием тюркского племени болгар [82. С. 110]. (Здесь уместно напомнить о том, что ближе всего Большетарханская керамика стоит к лепным сосудам именно этих болгарских поселений Подонья [83. С. 41]). *Булгар маалеси* 'Болгарская махалья' — часть гагаузского села Карбаля Тараклийского р-на Молдовы. Среди гагаузского населения встречаются фамилии Булгар, Болгар и Булгаров [84. С. 33, 123—124].

Согласно источникам, самые тесные отношения с булгарами имели бурджаны, чья история хорошо прослежена в работе Р. Г. Кузеева [62. С. 145—154]: «Зафиксированные источниками тесные связи бурджан с болгарами в соседстве с болгарами в Причерноморье, а также данные этнографии подсказывают заключение: истоки этнических взаимосвязей болгар и бурджан восходят к доевропейскому этапу их истории. В момент миграции в Восточную Европу бурджаны в этническом отношении принадлежали к печенежскому миру, но их более древние этноисторические связи с ушедшими на запад болгарами, вероятно, не были утрачены» [62. С. 149]. Это позволяет предполагать, что бурджаны, видимо, или были ближайшими соседями болгар, или же это слово было самоназванием волжских болгар. Средневековые источники, а также Салам-ат-Таржимани, известный географ IX в., совершивший путешествие в 842—843 гг. в северные страны — до хазар, называет волжских болгар бурджанами, или внутренними булгарами, а дунайских болгар — *burgioni* [40. С. 140; 85. С. 19; 83]. Часть бурджан, возможно, в составе болгар, переселилась в места современного проживания дунайских болгар, а часть бурджан-бурзян (бөржән) влилась в состав башкир [62. С. 147—154; 86. С. 71—75, 121—123] и пермских татар. Большой район в Приуралье, в частности Башкортостане, носит название Бөржән (Бурзян). В д. Кучтанти Бардинского р-на Пермской области одна из улиц названа Мөржән жыен (по сообщению ст. науч. сотр. ИЯЛИ АН Татарстана Р. Ягафарова). С учетом чередования звуков *м—б*, Мөржән вполне может быть вариантом Бөржән.

НОКРАТ входит в состав определенного количества названий, например: Нократ елгасы (р. Нохратка) — прав. приток р. Салманки (басс. р. Актай). В форме Нохрат гидроним упоминается в Шпилевского, Корсакова, Артемьева и др. На берегу этой речки расположена татарская деревня Иске Нократ и пос. Яна Нократ. Деревня Нохрат(ы) зафиксирована в Корсакова [5. С. 202]. В километре к северо-востоку от д. Старые Нохраты Альшеевского р-на Татарстана на правом берегу Нохратки расположено Старонохратское городище раннебулгарского периода; здесь же обнаружены Старонохратские селища раннебулгарского периода (их два), вещи и клад раннебулгарского периода [7. № 868—871; 19. № 96; 34. № 470—473]. Городище привлекло внимание и С. М. Шпилевского [3. С. 328]. По мнению исследователя, именно местность нынешнего Биляра именовалась Серебряной: «Я нашел доказательство, что именно местность Бюлара или нынешнего Билярска носила название „Серебряной“, по крайней мере, так называлась речка, которая впадает в Билярку, среди ныне сохранившихся валов древнего г. Бюлара, как это видно на старом плане Билярска, где эта речка и обозначена названием „Серебрянка»» [3. С. 138]. Местное татарское

население упомянутую речку называет Кәмеш йылга. Из исторических источников известно, что часть болгар называли *кәмеш болгарлар* 'серебряные болгары'. «В отличие от болгар, живших на Волге, камские болгары назывались Серебряными или Нукратскими (нукрат — серебро), кроме этих болгар, были еще Болгары-Тимтюзы, вероятно, соседи Серебряных, затем болгары Черемшанские и Болгары Хвалисские или Нижние, жившие при Каспийском море» [87. С. 90, 91]. По сообщению Максиди, «...подле хазар и аллан на западе 4 племени турка: баджна, баджгурд, баджнак, наукарда» [85. С. 159].

На правобережье Камы в двух деревнях: Иске Йорт Пестречинского р-на (здесь найдено Искиюртское местонахождение) [17. № 424] и Наласа Арского р-на (где зафиксированы кладбище и надгробные камни I половины XVI в.) [17. № 199—200] записан Нократ чишмәләре (род Нохратка). В Балтасинском р-не в д. Шода имеется заброшенное кладбище Нократ зираты (кладбище Нократ). Жители окрестных татарских деревень с почтением относятся к этому кладбищу, считая, что там похоронены их дальние предки. Реку Вятку раньше называли Нократ иделе. У татар имеется имя Нократ [56. С. 146]. В «Писцовой книге Казанского уезда» зафиксирована фамилия Нохратов: «В той же деревне Нижней новокрещен Яков Нохратов» [88. С. 75].

Не позже рубежа XIII—XIV вв., задолго до распада Золотой Орды, отмечается выход болгар на удаленные от Булгарии земли. Так, 1323 годом датируется болгарский надгробный камень с. Гордино (Гурьякала) на р. Чепце (Северная Удмуртия). Имеющиеся здесь болгарские городище и ряд селищ свидетельствуют об образовании устойчивой болгаро-тюркской (мусульманской) колонии. В это же время, возможно, начинается освоение булгарами Бартымско-Сылвинского р-на Прикамья, где известны селища с болгарской керамикой и где позднее оформляется группа гайнинских татар; в это же время, вероятно, начинается процесс освоения ими бассейнов рек Ика, Чишмы и Белой [63. С. 87].

По мнению историков, археологов, языковедов, нухратских татар, живущих в бассейне рек Чепцы, Бартыма, в верховьях Суры, следует связывать с нухратскими булгарами [89]. В «Истории Татарской АССР» об этом говорится так: «Значительные группы тюркоязычного населения обитали и на землях финно-угорских народов — на реках Чепца, Бартыма, в верховьях Суры. На этих же землях в XI—XII вв. возникают городки — торговые фактории и феодальные замки, рассчитанные на удержание в зависимости от Булгарии окружающих народов» [90. С. 52]. «В результате монгольского нашествия часть болгарского населения, очевидно, проникает в прежние места своих предков — на Вятку и р. Чепец, где затем образуются нохратские или чепецкие татары» [63. С. 91]. Переселение нухратских племен на север после нашествия монголов вполне могло оставить след в названии р. Нухрат [38. С. 15]. Н. Б. Бурганова, тщательно исследовав языковые особенности каринских и глазовских (нухратских) татар, приходит к следующему выводу: «В этом говоре, относящемся к среднему диалекту татарского языка, есть черты, свойственные говорам Заказанья и Нагорной стороны, касимовскому говору и татарскому литературному языку. Встречаются фонетические, лексические, морфологические, синтаксические свойства, присущие только этому говору. Эти специфические свойства, видимо, являются остатками общебулгарского языка» [91. С. 19—56]. Нохраты оставили след и в Приуралье, в частности в топонимии Башкортостана. Так, например, в Янаульском р-не имеется д. Но-

крат, название которой происходит от болгарского этнонима Нократ [92. С. 114]. В Пермском уезде Пермской губернии зафиксирован выселок Нохратов на р. Болотной [93. С. 70].

П Р И М Е Ч А Н И Я

- ¹ Исследования Великого города. М., 1976.
- ² Чернышев Е. И. Селения Казанского ханства: (по писцовым книгам) // Вопросы этногенеза тюркоязычных народов Среднего Поволжья. Казань, 1971.
- ³ Шпилевский С. М. Древние города и другие болгаро-татарские памятники в Казанской губернии. Казань, 1877.
- ⁴ Перетяткович Г. И. Поволжье в XV и XVI веках: Очерки из истории края и его колонизации. М., 1877.
- ⁵ Сборник материалов по истории Казанского края в XVIII веке, изданный под редакцией Д. А. Корсакова // Изв. О-ва археологии, истории и этнографии при Импер. Казан. ун-те. Казань, 1908. Т. 18, вып. 4—6.
- ⁶ Ашмарин Н. И. Болгары и чуваш. Казань, 1902.
- ⁷ Фахрутдинов Р. Г. Археологические памятники Волжско-Камской Булгарии и ее территория. Казань, 1975.
- ⁸ Он же. Новые археологические памятники Волжской Булгарии в Закамской Татариин // Сов. археология. 1969. № 1.
- ⁹ Хвольсон Д. А. Известия о хазарах, бургасах, болгарях, мадьярах, славянах и русских Абу-Али Ахмеда Бен Омар ибн Даста, неизвестного доселе арабского писателя начала X века. Спб., 1869.
- ¹⁰ Полное собрание русских летописей. Спб., 1846. Т. 1.
- ¹¹ Козин С. А. Сокровенное сказание: Монгольская хроника 1240 г. Юань-Чжао Би Ши. Монгольский обыденный изборник. М.; Л., 1941. Т. 1.
- ¹² Мөхәммәдиев Ә. Борынгы хазар һәм болгар-татар ачкалары. Казан, 1986.
- ¹³ Юсупов Г. В. Булгаро-татарская эпиграфика и топонимика как источник к вопросу об этногенезе казанских татар // Вопросы этногенеза тюркоязычных народов Среднего Поволжья. Казань, 1971.
- ¹⁴ Он же. Введение в болгаро-татарскую эпиграфику. М.; Л., 1960.
- ¹⁵ Яхин А. Г., Бакиров М. Х. Фольклор жанрларын система итеп тикшерү тәҗрибәсе. Казан: КДУ нәшрияты, 1979.
- ¹⁶ Татар халык ыжаты: (Риваятьләр һәм легендалар). Казан, 1987.
- ¹⁷ Археологическая карта Татарской АССР: Предкамье. М., 1981.
- ¹⁸ Саттаров Г. Ф. Антропотопонимия Татарской АССР: Автореф. дис. ... д-ра филол. наук. Казань, 1975.
- ¹⁹ Казаков Е. П., Старостин П. Н., Халиков А. Х. Археологические памятники Татарской АССР. Казань, 1987.
- ²⁰ Закиев М. З. Об истоках языка основных компонентов казанских татар: (К этногенезу тюркоязычных народов Поволжья и Приуралья) // Вопросы татарского языка. Казань, 1978.
- ²¹ Казаков Е. П. Памятники болгарского времени в восточных районах Татарии. М., 1978.
- ²² Ахметзянов М. И. К этнолингвистическим процессам в бассейне р. Ик: (по материалам шежере) // К формированию языка татар Поволжья и Приуралья. Казань, 1985.
- ²³ Усманов М. А. Татарские исторические источники XVII—XVIII вв. Казань: Изд-во КГУ, 1972.
- ²⁴ Фасеев Ф. С. «Тарих намә-и булгар» Таджеддина Ялчигулова // Историко-лингвистический анализ старописьменных памятников. Казань, 1983.
- ²⁵ Краткий справочник почтовой индексации. М.: Связь, 1978.
- ²⁶ Очерки по истории Башкирской АССР. Уфа, 1955. Т. 1, ч. 1.
- ²⁷ Мухаметшин Д. Г., Хакимзянов Ф. С. Эпиграфические памятники города Булгара. Казань, 1987.
- ²⁸ Географический словарь Российского государства, сочиненный в настоящем оного виде Л. М. Максимовичем и А. М. Щекатовым. М., 1801. Ч. 1: (А—Г).
- ²⁹ Смирнов А. П. Волжские болгары // Тр./Гос. Ист. музей. М., 1951. Вып. 19.
- ³⁰ Черных С. Я. Марийские антропонимы, связанные с этнонимами: (этноантропонимы) // Вопросы марийской ономастики. Йошкар-Ола, 1980. Вып. 2.
- ³¹ Словник гідронімів України. Київ, 1979.
- ³² Степи Евразии в эпоху средневековья. М., 1981.
- ³³ Гарипова Ф. Г. Некоторые параллели в топонимии Среднего Поволжья // Нормативность и вариативность в татарском языке. Казань, 1987.

- ³⁴ Археологическая карта Татарской АССР. Казань, 1986. Ч. 1: Западное Закамье.
- ³⁵ Здесь создан Булгарский государственный историко-архитектурный заповедник.
- ³⁶ Список с писцевой и межевой книги г. Свияжска и уезда, письма и межевания Н. В. Борисова и Д. А. Кикина: (1565—1567 гг.). Казань, 1909.
- ³⁷ Археологическая карта Татарской АССР: Предволжье. Казань, 1985.
- ³⁸ *Фахрутдинов Р. Г.* Очерки по истории Волжской Булгарии. М., 1984.
- ³⁹ *Большаков О. Г., Монгайт А. Л.* Путешествие Абу Хамида ал-Гарнати в Восточную и Центральную Европу: (1131—1153 гг.). М., 1971.
- ⁴⁰ *Заходер Б. Н.* Каспийский свод сведений о Восточной Европе. М., 1967. Т. 2.
- ⁴¹ *Патканов К.* Из нового списка географии, приписываемой Моисею Хоренскому // Журн. М-ва народ. просвещ. 1883. Март.
- ⁴² *Зәкиев М. З.* Татар халкы теленен барлыкка килүе. Казан, 1977.
- ⁴³ *Байчоров С. Я.* О протобулгарских географических названиях в верховьях Кубани // Вопросы взаимовлияния и взаимообогащения языков: Северокавказский ареал. Черкесск, 1978.
- ⁴⁴ *Мизиев И. М.* Шаги к истокам этнической истории Центрального Кавказа. Нальчик, 1986.
- ⁴⁵ *Кошгарий Махмуд.* Туркий сўзлар девони: (Девону луғотит турк). Тошкент, 1960. Т. 1.
- ⁴⁶ Идегәй: Татар халык дастаны. Казан, 1988.
- ⁴⁷ Татар халык ыжаты: (Тарихи һәм лирик жырлар). Казан, 1988.
- ⁴⁸ *Мәржани Ш.* Мөстәфәдел-әхбар фи әхвали Казан вә Болгар: (Казан һәм Болгар хәлләре турында җайдаланылган хәбәрләр). Казан, 1989.
- ⁴⁹ *Гобәйдуллин Г.* Тарихи сәхифәләр ачылганда: (Сайланма хезмәтләр). Казан, 1989.
- ⁵⁰ Татар әдәбияты тарихы. Казан, 1984. 1 т.
- ⁵¹ *Насыри К.* Сайланма әсәрләр. Казан, 1956. 2 б.
- ⁵² Габдерәхим Утыз Имәни әл-Болгар: Шигырьләр, поэмалар. Казан, 1986.
- ⁵³ *Тукай Г.* Әсәрләр. Казан, 1975. 1 т.: Шигырьләр, поэмалар (1904—1908).
- ⁵⁴ *Әхмәтжанов М.* Татар әдәбияты тарихына яңа исемнәр // Мәгърифәт һәм азатлык өчен көрәш: (XX — йөз башы татар әдәбияты тарихыннан). Казан, 1987.
- ⁵⁵ *Саттаров Г. Ф.* Этнонимы в топонимии и антропонимии Татарии // Исследования по татарскому языку. Казань: Изд-во КГУ, 1977.
- ⁵⁶ Он же. Татар исемнәре сүзлеге. Казан, 1981.
- ⁵⁷ *Рычков П. И.* Опыт Казанской истории древних и средних времен. Спб., 1767.
- ⁵⁸ *Смирнов А. П., Мерперт Н. Я.* Археологическая экспедиция на строительстве Куйбышевской гидроэлектростанции в 1952 г. // Вестн. АН СССР. 1953. № 1.
- ⁵⁹ Он же. Археологические исследования Куйбышевской экспедиции // Там же. 1954. № 4.
- ⁶⁰ *Ахмеров Р. Б.* Могильник близ Стерлитамака // Сов. археология. 1955. Т. 22.
- ⁶¹ *Ляпушкин И. И.* Памятники салтово-маяцкой культуры // Материалы и исследования по археологии СССР. М., 1957. Вып. 62.
- ⁶² *Кузеев Р. Г.* Происхождение башкирского народа: Этнический состав, история расселения. М.: Наука, 1974.
- ⁶³ *Халиков А. Х.* Происхождение татар Поволжья и Приуралья. Казань, 1978.
- ⁶⁴ Башкорт халык ыжады: Эпос. Өфө, 1973. 2-нсе китап.
- ⁶⁵ *Генинг В. Ф., Халиков А. Х.* Ранние булгары на Волге. М., 1964.
- ⁶⁶ *Сбоев В. И.* Исследования об инородцах Казанской губернии. Казань, 1856.
- ⁶⁷ *Бартольд В.* Очерк истории Семиречья. М., 1963. Т. 2, ч. 1.
- ⁶⁸ *Таһиржанов Г.* Тарихтан-әдәбиятка. Казан, 1979.
- ⁶⁹ Полное собрание русских летописей. М., 1962. Т. 1: Лаврентьевская летопись и Суздальская летопись по Академическому списку.
- ⁷⁰ *Буров Г. М.* Раннебулгарские памятники Ульяновского Поволжья // Из истории ранних булгар. Казань, 1981.
- ⁷¹ *Максимова Е. К.* Находка раннебулгарских погребений близ Саратова // Из истории ранних булгар. Казань, 1981.
- ⁷² Россия: Полное географическое описание отечества: (Среднее и Нижнее Поволжье)/Под ред. В. П. Семенова. Спб., 1901. Т. 6.
- ⁷³ *Смолицкая Г. П.* Гидронимия бассейна Оки: Список рек и озер. М., 1976.
- ⁷⁴ *Герасимов П.* Материалы по истории мордвы // Сборник выписок из печатных источников. М.; Л., 1931.
- ⁷⁵ *Смирнов А. П.* Раскопки городища «Великие Болгары» в 1957 г. Казань, 1959.
- ⁷⁶ *Халиков А. Х.* Волжская Булгария и Русь: (этапы политических и культурно-экономических связей в X—XIII вв.) // Волжская Булгария и Русь: (к 1000-летию русско-булгарского договора). Казань, 1986.
- ⁷⁷ *Бердибаев Р.* Қазақ эпосы: Жанрлық және стадиялық мәселелер. Алматы, 1982.
- ⁷⁸ *Розен М. Ф., Малолетко А. М.* Географические термины Западной Сибири. Томск, 1986.

- ⁷⁹ Коков Дж. Н. Из адыгской (черкесской) ономастики. Нальчик, 1983.
- ⁸⁰ Он же. Адыгские этнонимы. Нальчик, 1979.
- ⁸¹ Федоров Я. А., Федоров Г. С. Ранние булгары на Северном Кавказе // Тр./Караева. Черкес. науч.-исслед. ин-т. Сер. ист. Ставрополь, 1970. Вып. 6.
- ⁸² Стрижак А. С. Гидронимия среднеднепровского левобережья: Автореф. дис... канд. филол. наук. Киев, 1965.
- ⁸³ Плетнева С. А. Средневековые поселения на Белой Калитве // Крат. сообщ. Ин-та археологии АН СССР. 1962. Вып. 90.
- ⁸⁴ Дрон И. В., Курогло С. С. Современная гагаузская топонимия и антропонимия. Кишинев, 1989.
- ⁸⁵ Гаркави А. Я. Сказания мусульманских писателей о славянах и русских: (с конца VII века до X века). Спб., 1870.
- ⁸⁶ Башкирское шежере/Сост., пер. текстов, введ. и коммент. Р. Г. Кузеев. Уфа: Башгосиздат, 1960.
- ⁸⁷ Григорьев В. В. Россия и Азия. Спб., 1876.
- ⁸⁸ Писцовая книга Казанского уезда 1602—1603 годов: Публикация текста. Казань: Изд-во КГУ, 1978.
- ⁸⁹ Али Рахим. Булгаро-татарские эпитафические памятники в Вятском крае // Материалы по охране, ремонту и реставрации памятников ТССР. Казань, 1930. Вып. 4.
- ⁹⁰ История Татарской АССР. Казань, 1968.
- ⁹¹ Бурганова Н. Б. Говор каринских и глазовских татар // Материалы по татарской диалектологии. Казань, 1962. Вып. 2.
- ⁹² Словарь топонимов Башкирской АССР. Уфа, 1980.
- ⁹³ Список населенных мест Пермской губернии: Пермский уезд. Пермь, 1908.
-

И. В. ДРОН

ТЮРКСКАЯ ГИДРОНИМИЯ МОЛДОВЫ — КАК ИСТОЧНИК ПО ИЗУЧЕНИЮ ТЮРКСКО-МОЛДАВСКИХ ИСТОРИЧЕСКИХ ВЗАИМОСВЯЗЕЙ

Гидронимия Молдовы сформировалась при непосредственном участии народов и этнических общностей, относящихся к разным языковым группам, в частности тюрков.

В прошлом Карпатская зона являлась местом соприкосновения народов Восточной Европы с тюркскими племенами и народами. Первое письменное (языковое) свидетельство столкновения романоязычного населения на Балканах с аварами-тюрками относится к 579 г. [1. С. 7] (источники сообщают и о более ранних контактах романоязычного населения с гуннами в Карпатском регионе и на Паннонской равнине во времена Аттилы [2. С. 229, 237, 252, 274, 389]). Позднее по землям Днестровско-Прутского междуречья (ДПМ) прошли орды аспаруховых болгар, которые, однако, задержались здесь ненадолго в 678 г.

Гунны, авары и древние болгары в ДПМ не оставили о себе никаких топонимических и гидронимических свидетельств.

По мнению А. Н. Курата [3. С. 103], печенеги в степях Северного Причерноморья господствовали где-то с 860 г. по середину XI в., т. е. до прихода половцев. Комплексное исследование различных вариантов эпического сказания «Огуз-наме» позволило Мехмет Али Экрему сделать вывод, что ближайшие предки румын и молдаван были известны тюркам в IX в. под собирательным названием *ulak*, а их страна *Ulak il* «не хотела» подчиняться Огуз-хану [4. С. 292, 294; 5].

По свидетельству Константина Багрянородного, «...сидит печенежский народ по нижним частям Днепра, Днестра и других протекающих там рек... Должно знать, что по сию сторону Днестра в стороне, обращенной к Булгарии, у переправ через эту реку имеются опустевшие города: первый город, называемый у печенегов Белым... второй город — Тунгаты... В самых зданиях этих древних городов встречаются некоторые признаки церквей и кресты, высеченные в туфовых камнях. Вследствие сего существует у некоторых предание, что некогда там жили Ромеи... Должно знать, что печенеги именуются Кангар, но не все, а только народ трех округов...» [6. С. 5—11, 15, 17] (ср.: *Гангара* — топоним на территории древнего Азербайджана, восходящий, по мнению некоторых исследователей, к тюркскому этнониму *кангар*) [7. С. 249].

Как видно, при Константине Багрянородном печенеги прочно осели в Нижнем Поднестровье и Подунавье и жили там по соседству с местным христианским населением, в том числе со славянским и

восточно-романским; под понятием «печенеги» того времени необязательно понимать одни лишь племена огузов.

В 1064 г., как сообщают письменные источники, множество торков (узов) было рассосредоточено на левом берегу Дуная [8. С. 9]. Вслед за печенегами и торками в Карпато-Днестровском регионе осели половцы, которые также являлись конгломерацией тюркских и нетюркских этнических элементов, но при явном политическом и административном господстве половцев-куман.

Оседлое куманское население на территории «Восточной Романии» (условное название земель и территорий, населенных восточными романами) достоверно известно из различного рода источников по истории. Так, в грамоте римского папы Григория IX за 1234 г. упоминается куманская епископия, которая была известна еще в 1227 г. В пределах епископии вместе с куманами проживали и волохи-христиане (*волохи* — средневековое наименование восточных романцев: румын, молдаван), т. е. куманская епископия с центром на р. Милков существовала задолго до 1242 г. — года, когда на земли Карпато-Днестровья напали орды Батыя, возвращавшиеся после разгрома Киева через Польшу, Чехию и Венгрию (обогнув Карпаты с юга) [9. С. 81; 10. С. 19]. Эта же епископия, но под названием Милковской, как писал в одном из писем римский папа Иоанн XII, была известна в 1332 г., хотя «...земли, имущество и права епископии и церкви были поглощены сильными людьми тех мест...» [11. С. 65, 82].

Другая куманская епископия, католической конфессии, обладавшая прочной церковной организацией, была основана в 1228 г. на северных границах Молдавского феодального государства и Венгрии (в нее входили секеи, волохи и куманы). Просуществовала она до 1241 г., т. е. до татаро-монгольского нашествия [12. С. 246—250; 13].

О рубежах придунайской Кумании XIII в. говорится в письме папы Иннокентия IV венгерскому королю Беле IV, датированном 1247 г. Кумания занимала Нижнедунайские степи до р. Олт [15. С. 250].

Нелишне напомнить, что и к югу от Нижнего Дуная — в Добрудже — в первой половине XIV в. существовал и развивался куманский национальный центр [16. С. 54], на юго-восточной периферии которого позднее сформировалась гагаузская этническая общность. Во всех остальных землях и областях Карпато-Днестровского региона печенеги, торки (узы), куманы (половцы) были в основном ассимилированы местным восточно-романским (влахами/валахами/волохами), славянским (главным образом русинами) и венгерским населением [17].

После 1242 г. южные территории Карпато-Днестровья вошли в состав владений самого западного улуса Золотой Орды. С середины 60-х годов здесь обосновался крупный монгольский феодал — темник Ногай. Захват днестровско-карпатских земель с издавна проживавшим на них оседлым христианским населением произошел, видимо, только в правление хана Узбека (1313—1339) или с приходом к власти Джанибека (1339—1357). Вытеснение Золотой Орды из этих краев началось в 60—70-х годах того же XIV в. [20. С. 204].

В начале XVI в. юг ДПМ вновь заселяют турки, а именно ногайцы, за которыми в литературе и летописях закрепились следующие наименования: «буджакские ногайцы», «буджакцы», «ногайцы Буджака». Однако особой, так называемой «буджакской» народности не существовало. Просто ногайцы заволжских и едисанских родоплеменных подразделений выделялись некоторыми особенностями образа жизни и управления [21. С. 107]. Переселившись с востока, т. е. с территорий,

расположенных восточнее р. Днестр, они оседло и полуоседло прожили в Буджаке до 1806—1807 гг. [22].

Перечисленные тюркские народы и этнические общности оставили глубокий след в культуре восточных романцев (румын и молдаван), и в том числе в гидронимии современной Молдовы.

Тюркская гидронимия Молдовы, как и вся гидронимия Карпато-Днестровского региона в целом, до сих пор остается неизученной. Разрозненные сведения лингвистического или исторического характера о тюркских гидронимах республики носили, скорее, фрагментарный и эпизодический характер [26—30].

В данной статье нами исследуются гидронимы Молдовы (к которым мы относим названия рек длиной более 10 км) [31], совокупность которых способствует выявлению и объяснению тюркско-молдавских исторических взаимосвязей.

В основе топо- и гидронимических исследований чаще всего лежит этимологический анализ, являющийся самым трудным видом лингвистической работы. Как справедливо утверждают Т. М. Гарипов и И. Г. Добродомов, «...как раз в области ономастических исследований крайне трудно настаивать на единственной „абсолютной“ этимологии, в то время как одновременное сосуществование нескольких „относительных“ этимологий пока допустимо — ср. неадекватно толкуемые с позиций разных языков этнонимы и топонимы *рус(ские)*, *славяне*, *Москва* и др.» [34. С. 102].

Алкалия (67 км) — берет начало на территории современного р-на Штефан Водэ Молдовы, впадает в лагунное оз. Бурнас. Образование данного гидронима связывается нами с тюркским генонимом *alqa* (*alqali*), который в прошлом, несомненно, бытовал у ногайцев Буджака (ср.: *alqa* — наименование одного из огузских родов [35. С. 37]). Геноним *алкалы* восходит к апеллятиву *алкалы* 'род, имеющий тамгу в виде серьги' (ср. и другой ногайский геноним *ыргаклы* 'род, имеющий тамгу в виде крючка').

В тюркской этнонимии широко представлены генонимы, образованные при помощи аффикса *-лы* (ср. известные ногайские генонимы, бытовавшие в прошлом в Буджаке: *абаклы*, *ашамайлы*, *байдынулы-бесалма*, *ители*, *казайаклы*, *кайшылы*, *костамгалы*, *оракулы*, *тараклы*, *шоьмишли* и другие, позднее отраженные в топонимии юга Молдовы). Окончание *-лия* в гидрониме *Алкалия* образовалось таким же образом (сперва в молдавских говорах), как и в следующих примерах: *ашамайлы* > Шамалия; *ители/итули* > Етулия; *казайаклы* > Казаклия; *костамгалы* > Коштангалия; *тараклы* > Тараклия (*Алкалия* < *Алкалы* < *al-qali*). О переходе тюркского *-лы* в *-лия* в топо- и гидронимах (первоначально в восточно-романских говорах) румынско-молдавского языка свидетельствует и степень концентрации топо- и гидронимов на юге Пруто-Днестровья и в румынской Добрудже, а также угасание частоты встречаемости географических названий с таким окончанием по мере удаления (в географическом отношении) от центра упомянутых регионов [36].

Дэлия [39] (31 км) — левый приток р. Прут (впервые документально упомянут в славяно-молдавских грамотах 1490 г.). А. И. Еремия [37. С. 24] относит данное название к разряду кумано-печенежских, но без указания конкретного этимона. На наш взгляд, молдавское название *Делия* (вариант *Деля*) берет начало от древней формы на *ител(ители/тели)* — одного из названий крупнейших кыпчакских племен и со-

юзов у авторов XIII в., встречающегося и позже как родоплеменное название у казахов, каракалпаков и других народов [40. С. 151—154; 41. С. 150]. Пастбища, водопой, маршруты кочевков исторически закреплялись за определенными родами и другими этническими единицами, и часто этническое наименование становилось географическим [42. С. 36, 48]. Переход $t > d$, вероятно, произошел в распространенных в то далекое время в ДПМ тюркских наречиях (предположительно в XII—XIII вв., то же самое наблюдалось и в османском языке в XI—XIII вв.) [43. С. 109; 44]. Н. З. Гаджиева справедливо отмечала, что «...эпохе чистых огузских и кыпчакских языков предшествовало состояние со смешанными чертами. Кыпчакские и огузские языки образовались не в результате распада какого-то единого языка, а вследствие тех или иных по преобладанию черт в определенных географических условиях. Отстаивание черт предвляли многочисленные сложные процессы миграционного разноса смешанных черт и распределение их по огромной территории от Енисея до Босфора» [47. С. 50]. Начальный узкий гласный *и* в безударной позиции мог выпасть также в тюркских наречиях ДПМ; ср.: карачаево-балк. *ишле* > *шле* 'работай', а также ногайские антропонимы конца XV—начала XVI в. в различных фонетических вариантах: Смаиль Суфуй и Измаиль Суфуй, Исенъ Бахты и Сень Бахтый [48. С. 136; 49. С. 92, 95]. Позже заимствованное название реки среди молдавоязычного населения могло адаптироваться и закрепиться по типу и подобию топонимических и гидронимических названий, оканчивающихся на *-лия*.

Икел (6) (98 км) — правый приток р. Днестр (впервые документально упомянут в 1495 г.). Молдавский исследователь Н. Д. Раевский относит гидроним Икел к тюркским образованиям [50]. Термин *ик* включен в словарь Э. М. Мурзаева [51. С. 231] с семантикой в тюркских языках «течение; сторона; направление». Реки и водные потоки с названием *Ик* или с начальным *ик* известны на Урале, в Западной Сибири, Поволжье. С учетом примеров, приведенных Э. М. Мурзаевым, ареалов гидронимов *Ик* или гидронимов с начальным *ик* в составе названия, а также термина *ык* в современном ногайском языке в значении «подветренная сторона» считаем, что *Икел* на территории Молдовы образован в среде наречий куманоязычного населения.

Касым (34 км; в [39] передан в форме Косым, что является, на наш взгляд, ошибкой картографов и переписчиков прошлого) — левый приток р. Когильник (Кундук). Во время полевых поездок в населенные пункты Буджака, в частности в села Садаклия и Карабетовка Бессарабского р-на Молдовы, нами у молдавоязычного населения (в данном регионе проживают только молдаване) записано название *Касым*, другие его формы там неизвестны. Гидрониму, несомненно, дал начало один из ногайских эпонимов — Касым. Первоначально Касым мог быть каким-либо родоначальником и владельцем пастбищ и земель в долине реки.

Кахыл (39 км) — впервые документально упомянут в славяно-молдавских грамотах 1502 г. Ранее нами предположительно отнесен к гидронимам тюркского (огузского) генонимического происхождения золотоордынского времени (гагауз. Каул; рус. Кагул; ср.: огузский эпоним *Темюр Кагул/Темюрдю Кагул* [52. С. 56]). В кочевом хозяйстве тюрков пастбищные угодья, зимовки, летовки скота и другие территории традиционно закреплялись за родами и их подразделениями. С течением времени названия родов и племен становились названиями

этих угодий, зимовок, летовок, речек и т. п. Следует отметить, что старшему поколению молдаван юга Молдовы (по полевым записям автора) известно предание, согласно которому название Кахул (ср. совр. гагауз. Каул — с выпадением интервокального *h*) восходит к тюркскому апеллятиву, не зафиксированному в диалектологических словарях, — *кахул* 'трясина; топь; болото' (у В. В. Радлова [53] *коул* — это золото). Возможно, дальнейшие изыскания позволят конкретизировать тюркский этимон гидронима Кахул (Кагул).

Кайнар (113 км) — левый приток р. Реут, правый приток р. Днестр (впервые упоминается в 1570 г.). Гидронимы типа *Кайнар* широко распространены на территориях, заселенных в прошлом или в настоящее время тюрками, и восходят к тюрк. *кайна́р* 'источник' [51. С. 241—242]. На территории Молдовы компонент *кайна́р* входит в названия многочисленных населенных пунктов, речек, местностей (молд. *кэина́р/кэйна́рь*). Ср.: *Кэинарь* (18 км) — правый приток рек Ботна и Днестр; *Кэинарь* — название местности в окрестностях с. Бадикул-Молдовенеск Кагульского р-на Молдовы. Термин *кайна́р* известен как из кыпчакских, так и из огузских языков, а потому название р. Кайнар относим к образованиям, возникшим в период совместного проживания молдаван со смешанными этногруппами печенегов и куман в Карпато-Днестровском регионе.

Катлабу́га (Катлабух) — впадает в оз. Катлабух (в некоторых источниках река проходит под названием Большой Котлабуг [54. С. 91]). Гидроним ранее отнесен нами к тюркским названиям топонимического происхождения золотоордынского времени [52. С. 56] как восходящий к тюркским антропонимам *Ку:лу-/Катла-+буга*. В произведениях турецких писателей XVI в. по отношению к территории юга Молдовы упоминается название *Kutlu Bağakatlı Suiu* [55. С. 317], которое, возможно, является одним из аллонимов (неэллиптированных) рассматриваемого гидронима или обработкой в турецком (из говоров ногайцев Буджака) в духе народной этимологии.

Когы́льник (Когильник, 243 км) — по территории Молдовы протекают две реки с таким названием, причем одна севернее г. Кишинева — левый приток р. Реут, правый приток р. Днестр (48 км), а другая — р. Когильник (или Кундук) длиной 243 км — западнее и южнее Кишинева, впадает в лагунное оз. Сасык (Кундук).

Исходя из того, что исторически известные нам ногайцы Буджака не заселяли в ДПМ территории севернее современных границ Хынчештского и Новоаненского р-онов Молдовы, и сопоставляя *Когильник* с другим гидронимом — *Кагальник* (река, впадающая южнее Дона в Азовское море), образование и закрепление названий *Когильник* на территории ДПМ относим к XII—началу XIV в. Появление этих названий следует связывать с «дикими половцами» или с оттеснением последних во время татаро-монгольского нашествия из центральных степей Северного Причерноморья в степи и лесостепи ДПМ и Нижнедунайской низменности.

В. А. Никоновым [56] гидроним *Кагальник* в Ростовской области связывается с тюркским *kaganlık* 'каганат' или с ног. *ковго́блен* 'трава; молодая травка' + *-лык*. Названия *Когильник/Кагальник* обусловлены в конечном итоге «...признаками, характеризующими флору или фауну местности, как это чаще всего и происходит в отношении избирательности для тюркских названий рек...». Н. А. Баскаков [57. С. 113], этимологизируя древний гидроним *Каяла*, считает возможным его проис-

хождение из огузо-половецкого *qoγa-lu* 'изобилующая кугой, порослями осоки или особого вида камыша — куги'. Подтверждением достоверности такого предположения служат данные гагаузского языка и молдавского фольклора. Так, в гагаузском говоре с. Кириет-Лунга аппеллятивом *когаллык* обозначают места, поросшие ковылем. Из молдавского фольклора известно, что берега р. Когильник (Кундук) в прошлом были покрыты ковылем [58. С. 102].

Ку́ла (66 км) — правый приток рек Реут и Днестр (впервые упоминается в славяно-молдавских грамотах 1436 г.). Названия с гидро- и топонимическим компонентом *кул-/кол-* — довольно распространенные в тюркской топонимии и гидронимии. Ср.: в [35] *qol* 'долина; ответвление; рукав' и в [51] для различных тюркских и нетюркских языков *сол*; *кол*; *куль* — фонетические варианты с близкой гидронимической семантикой. В говорах молдавского языка бытует слово *кулэ* 'долина' [59. С. 25], несомненно заимствованное из тюркских говоров. Свое название р. Кула на территории Молдовы, на наш взгляд, получила в период проживания здесь кыпчаков-половцев, а возможно, и во времена Золотой Орды [60].

Кунду́к (аллоним р. Когильник, впадающей в оз. Кундук) ранее отнесен нами к «буджакско-ногайским гидронимическим образованиям» [52. С. 57]. Это название в ДПМ известно лишь небольшой части населения тех районов, которые примыкают к оз. Сасык (Кундук). В Тараклийском р-не Молдовы (окрестности с. Чалык) Кундуком названы долина и ручей, который является правым притоком р. Ялпуг [61. С. 60]. Думается, что название *Кундук* на территории Молдовы и юга ДПМ восходит к ногайскому генониму *кундук*, а первоначально так назывался род или родоплеменное подразделение ногайцев, владеющих территорией и пастбищными угодьями в регионе (ср.: *кундук* — тюркское родовое имя, встречающееся еще в исследованиях Н. А. Аристова [62. С. 384]).

Кучурга́н (123 км) — левый приток р. Днестр. В этом названии выделяется элемент *-ган*, продуктивный в образовании причастий в кыпчакских и карлукских языках, которые выступают как в атрибутивной, так и в предикативной функции [63. С. 64]. Ряд исследователей считает, что форма *Кучурган* в украинских говорах как наречие развилась из тюрк. *Курчаган* после заселения украинцами в Южной Украине бывших поселений и мест кочевий ногайцев и других тюркских народов. При этом в первой части названия Курчаган (>совр. Кучурган) они усматривают топоним *куру* 'сухой; высохший' [38. С. 169, 171, 176]; ср. отмеченный нами гагаузский микротопоним *Курдерэ* < *Куру дерэ* [61. С. 60]. Мы образование гидронима Кучурган < *Курчаган* связываем с пребыванием ногайцев-едисанцев на территориях восточнее Нижнего Поднепровья до начала XIX в.

Турунчу́к (58 км) — левый рукав Днестра. Гидроним восходит к турецкому аппеллятиву *tuγupsu*(с) 'оранжевый; оранжевого цвета', ср.: гагауз. *турунжу* 'оранжевый'; совр. ног. *торы* 'гнедой' (о масти лошади); караим. *турунч*. 'апельсин'. В низовьях Днестра совместно с молдаванами длительное время жили ногайцы (буджакские), а по левому берегу реки кочевали ногайцы-едисанцы, диалекты которых на территории Османской империи, несомненно, испытали определенное влияние турецкого языка (кстати, в Бендерской крепости на Днестре вплоть до начала XIX в. находился турецкий военный гарнизон). Турецкое *tuγupsu* является заимствованием из персидских говоров. Считаем, что название Турунчук образовалось и закрепилось в ногайских

говорах Нижнего Поднестровья, в которых, без сомнения, бывовал апеллятив турецкого происхождения (по отношению к ногайскому) *турунчук*.

Первоначальное название могло отражать цветоморфологическую характеристику воды или берегов рукава Днестра. Косвенным подтверждением этого служат молдавские говоры, в которых бытуют апеллятивы *турунжиу/торонжиу* 'глина темно-желтого цвета; вино темного цвета; темно-желтый; оранжевый; красно-оранжевый; желто-красноватый (цвета мутного красного вина)'; *торонжел* 'кочан кукурузы с зернами бело-желтого или (чаще) желто-красноватого цвета' [64. Т. 4. С. 241, 261]. Слово *турунжиу* 'оранжевый' имеется в современных румынских и арумынских говорах.

Конечное *к* в названии Турунчук, на наш взгляд, свидетельствует о сохранении архаичных фонетических черт в говорах ногайцев (буджакских и едисанских) Северо-Западного Причерноморья вплоть до начала XIX в. — времени выселения их из ДПМ царским правительством. Ср. параллели в различных тюркских языках: древнетюрк. *saŋıŋ* 'желтый; бледный'; *saŋıŋ* 'желтый' (у Махмуда Кашгарского); хакас. *saryŋ suŋ* 'снеговая вода или вода над весенним льдом'; тув. *saryŋ suŋ* 'весенняя талая вода (всякого рода ручьи и т. п.)'; саг. *saryŋ cazy* 'желтая степь'; *Saryŋ Kan* — имя богатыря и *saryŋ attyŋ* 'имеющий чалого коня' — эпитет богатыря в качинском фольклоре [65. С. 197]; тур. устар. *сар-и* (q) 'ворота' [63. С. 85], в отличие от совр. *кап* и др. (подробнее о феномене аффикса *-к* в тюркских языках см.: [66. С. 5, 10]).

Хаджидёр (Хажидер, 93 км) — впадает в оз. Хаджидер, соединенное с лагунным оз. Алибей. Название — несомненно ногайского происхождения < *хаджи* *дере*: *хаджи* < араб. при посредстве тур. *hacı* 'хаджи' (почетное прозвище людей, совершивших *хадж* — паломничество в Мекку; *хаджи* пользуются особым уважением среди мусульман (в своих родных местах)); *дере* 'овраг; узкая долина' в крым.-тат.; 'речка; долина; ущелье' — в большинстве остальных тюркских языков. В ногайские говоры Буджака *дере*, скорее всего, проникло из турецкого языка [38. С. 170]. До 1769 г. на месте современного г. Овидиополь, расположенного на левом берегу Днестровского лимана, существовало небольшое «турецкое» укрепление под названием Хаджидере [52]. В топонимии Молдовы тюркский компонент *хаджи* (ногайского происхождения) представлен довольно широко, ср.: Хаджикёй, Хаджилар, Хаджимус (села в Кагульском, Штефан Водэ и Каушанском р-нах) и Хаджи-Абдул — село, переименованное в 1960 г. в Суворово (Вулканештский р-н), в которых в настоящее время проживают молдаване.

Чага (120 км) — левый приток р. Когильник (Кундук). Название нами отнесено к ногайским геногидронимам < ног. генонима *чага* [52]. В шорском бытует *чага* 'граница', однако Чага в ДПМ никогда не являлась пограничной рекой. Наше утверждение подкрепляется названием другого гидронима — *Киргиз-Китай* (р. Киргиз-Китай — правый приток р. Киргиз, впадающей в оз. Китай) — также ногайского генонимического происхождения. Потамонимические компоненты *киргиз* (усеченная форма мн. ч. в молдавских говорах от ед. ч. *киргиз*) и *китай* — ногайского генонимического происхождения: < ногайских генонимов *кыргыз* и *кытай* [67. С. 684].

Чугур/Чухур (90 км) — левый приток р. Прут (в славяно-молдавских грамотах в начале XV в. встречается под аллонимами Чухру, Чюхру, в XVII в. — Чюхур, Чухур). По нашему мнению, гидроним образовался в печенежских говорах Карпато-Днестровья до 60-х годов

XIV в. Такое предположение основывается на факте сохранения *x* в гидрониме Чухур и в азербайджанском апеллятиве *чухур* 'глубокая впадина; ложбина'. Топоним Чукур-Минжир (на юге Молдовы) без *x* — ногайского происхождения, а апеллятив *чукур/шукыр(шунъкыр)* характерен для большинства кыпчакских и современных турецкого и гагаузского языков.

Чулук (Большой Чулук, 58 км) — правый приток рек Реут и Днестр. Гидрокомпонент участвует в образовании названий еще двух рек: Средний Чулук (44 км) — правый приток р. Большой Чулук; Малый Чулук — правый приток р. Средний Чулук. *Чулук* как один из притоков р. Реут упоминается в документах лишь с 1518 г. А. И. Еремией предпринята неудачная попытка толкования гидронима Чулук путем сопоставления этого названия с созвучными тюркскими словами *чул(чол/чал)* 'камень; скала' + *-лык*; *чулук* — название птицы бекас; *чулук* — название ногайского племени [37. С. 92].

Гидроним Чулук не может восходить к ногайскому генониму *чулук*, так как ногайцы никогда не жили в центральных и северных районах ДПМ.

Название р. Чулук, на наш взгляд, происходит от гидронимического термина *чулук* 'речка; ложбина; ручей; источник', который бытовал в говорах куманоязычного населения ДПМ как до, так, возможно, и во времена Золотой Орды. Унаследованный тюркский термин *чулук* в значении «русло; сухое русло» встречается в молдавских летописях XVII в. [68. С. 108], ср. параллельные корни в сибирских тюркских языках: саг., шор., чулым., хакас. *чул* 'река; речка' и саг., шор. *чулат* 'ручей' (~ древнетюрк. *йул/йуул* 'источник; ручей').

Ягорлык (73 км) — левый приток р. Днестр (река разделяла оседлые поселения и кочевья едисанских и буджакско-белгородских ногайцев). *Ягорлык* относится к названиям, отражающим физико-географические особенности берегов реки, т. е. восходит к понятию «река со множеством изгибов» [37. С. 26].

Н. А. Баскаков толкует название р. Егорлык (бассейн Дона) как <igär 'седло' + аффикс наличия -lik> igarlik 'седлообразная' [57. С. 111]. Мы же считаем, что оно возникло у ногайцев, проживавших в районах Среднего и Нижнего Поднестровья. Несомненна связь гидронимов типа *Ягорлык*—*Егорлык* с древнетюрк. *egri* 'кривой; изогнутый' (ср.: тур. *eğri/igri* 'кривой; изогнутый; изгиб'; *egrilik/igrilik* 'кривизна; изгиб; изогнутость'). Возможно, фонетически гидронимы *Ягорлык*—*Егорлык* (<Egrilik/Ägrilik) оформились в южно-восточно-славянских наречиях (древнерусского или староукраинского языков).

Ялпуг (142 км) — впадает в оз. Ялпуг. Впервые упоминается в славяно-молдавской грамоте, датируемой февралем 1445 г. в виде аллонима *Илп*. Нами данный гидроним отнесен к тюркским гидронимам, возникшим еще до появления турок на территории Молдовы (конец XV в.) и до заселения юга ДПМ ногайцами Буджака в начале XVI в. [52. С. 55—56].

На основании начального фонетического соответствия названия реки (молд.: Ялпуг, Ялпух, Илпу (*g/x*); гагауз. Иалпу, Иалпы) и апеллятивов (древнетюрк. *jalbı* 'плоский'; тур. *yalpık* 'плоский; мелкий'; совр. ног. *ялпак* 'плоский; широкий'; гагауз. *йалпы* 'плоская, ровная низина; долина'; караим. *йалпак* 'плоский') заключаем, что данный гидроним образован тюркоязычным населением юга ДПМ задолго до XV в. и именно носителями *й*-диалекта.

В заключение мы можем сделать следующие выводы:

1. На территории Молдовы и Днестровско-Прутского междуречья многие гидронимы имеют тюркское происхождение, и появление их есть результат совместного проживания молдаван с тюрками вплоть до XIX в.;

2. Рассмотренные гидронимы в зависимости от этноязыкового происхождения условно классифицируются нами на «печенежско-торчские» (Делия, Чугур/Чухур), куманские (Икел), древнетюркские — до вытеснения золотоордынцев из ДПМ (Кагул, Кайнар, Катлабуга, Когильник, Кула, Чулук, Ялпуг), ногайские (Алкалия, Касым, Кундук, Турунчук, Хаджидер, Чага, Киргиз-Китай, Киргиз, Ягорлык, Кучурган). Это первая попытка разбить молдавские гидронимы тюркского происхождения на хронологические и языковые пласты. Более конкретное отнесение того или иного гидронима к печенежским («печенежско-торчским») или куманским на данном этапе исследований преждевременно;

3. Тюркские гидронимы известны по всей Молдове и югу ДПМ, однако их частотность возрастает в направлении с севера на юг и наиболее высока в Буджаке, где преобладают ногайские названия;

4. Тюркские гидронимы на территории Молдовы (в том числе и в молдавских говорах) претерпели незначительные фонетические изменения: Алкалия < Алкалы, Делия < Дели, Хаджидер < Хаджидере, Киргиз < Кыргыз, Киргиз-Китай < Кыргыз Кытай. Данный феномен обусловлен прежде всего продолжительностью совместного проживания молдаван и их непосредственных предков с тюрками [69], отсутствием значительных различий между артикуляционными базами восточно-романских и тюркских (чаще всего юго-западных) языков, а также совпадением, на наш взгляд, некоторых способов образования и акустических свойств звуков речи (восточно-романских и тюркских, особенно юго-западных языков). Большинство тюркских гидронимов заимствовано и адаптировано молдаванами уже при сложившейся фонетической системе молдавского языка, которая не претерпела сколько-нибудь разительных изменений в XVI—XIX вв. [73];

5. Турецкое влияние на формирование тюркской гидронимии Молдовы и юга ДПМ прослеживается прежде всего в заимствовании ногайцами ряда гидронимических элементов, гидроформантов и апеллятивов из говоров турецкого языка: *деря/дере*, *турунжу/турунчу(к)*, *хаджи*;

6. Считаем, с учетом исторической действительности и сложившейся демографической ситуации на протяжении столетий в Пруто-Днестровском междуречье, что гидронимы Алкалия, Делия, Икел, Касым, Кагул, Кайнар, Катлабуга, Когильник, Кула, Кундук, Турунчук, Хаджидер, Чага, Чугур/Чухур, Чулук, Ялпуг заимствованы молдаванами непосредственно из разговорной речи соответствующих тюркских народов и этнических групп, тогда как гидронимы Кучурган и Ягорлык могли быть переняты ими из староукраинских говоров, распространенных на левом Среднем и Нижнем Поднестровье;

7. Среди рассмотренных гидронимов значительная часть восходит к тюркским топонимам (Алкалия, Делия, Кундук, Чага, Киргиз-Китай, Киргиз, Китай) и тюркским народным географическим терминам (Кайнар, Когильник, Кула, Чулук, Ялпуг, Турунчук, Ягорлык, Кучурган, Чугур/Чухур, Икел);

8. Заимствованные тюркские апеллятивы, известные в гидронимии Молдовы и юга ДПМ и бытующие в молдавских говорах с близкой или

со смещенной семантикой: *кулэ* 'долина', *чулук* 'русло; сухое русло', а также *турунжиу* 'оранжевый' как сопутствующий термин гидронимии наряду с другими гидронимическими терминами, заимствованными молдаванами из тюркских говоров: *гердап* 'скалистое место с водопадами', *эвол* 'озеро; болото', *еругэ* 'водосточный канал', *лиман* 'лиман', *хавуз* 'водоем; бассейн', *четал* 'место слияния (бифуркации) двух рек (рек, оврагов)', *чишмя* 'источник; родник', *яр* 'большой овраг' и другие [59. С. 23—30; 79. С. 114—119; 80. С. 144—155; 81; 82], свидетельствуют об интенсивных языковых и культурных взаимосвязях между тюрками и восточными романцами (т. е. молдаванами). Тюрки оказали значительное влияние на формирование культурного наследия молдаван, в частности на гидронимическую систему.

П Р И М Е Ч А Н И Я

¹ Călinescu G. Istoria literaturii române de la origini pînă în prezent. București, 1985.

² Oniciu D. Scrieri istorice. București, 1968. Vol. 1.

³ Kurat A. N. Peçeneklere dair araştırmalar // Türkiye İslam Ansiklopedisi. İstanbul, 1935. V.

⁴ O mențiune inedită despre românii din secolul al IX-lea în Oğuzname — cea mai veche cronică turcă de Mehmet Ali Ekrem // Studii și cercetări de istorie veche și arheologie. București, 1980. Tomul 31, № 2.

⁵ Судя по наличию гласного *a* в названии *ulak*, данный этноним тюрками заимствован, скорее всего, при посредстве мадьяр (ср.: венг. *olah* 'румын; молдаванин' при старорус. *волох* 'молдаванин'). Сами себя молдаване и румыны никогда не называли *влах/валах/волох*.

⁶ Из сочинения Константина Багрянородного «Об управлении государством» // Изв. Гос. академии истории материальной культуры. М.; Л.: ОГИЗ, 1934. Вып. 91.

⁷ Азербайжан ономастикасы проблемлэринэ хаср олунмуш II елми-нэээри конفرансын материаллары (15—16 апрел 1988). Баку, 1988.

⁸ Князький И. О. Письменные источники о кочевниках в Днестровско-Карпатских землях XI—XII вв. // Проблемы источниковедения истории Молдавии периода феодализма и капитализма. Кишинев, 1983.

⁹ Istoria lumii în date. București, 1969.

¹⁰ Copoiu N. Contribuții la studiul unității poporului român în secolele XIII—XVI // Anale de istorie. 1985. № 6.

¹¹ Мохов Н. А. Черки истории формирования молдавского народа. Кишинев, 1978.

¹² Князький И. О. О половецких епископиях в Карпато-Дунайских землях // Социально-экономическая и политическая история Юго-Восточной Европы до середины XIX в. Кишинев, 1980.

¹³ Половцы-христиане в прошлом были известны не только в Карпато-Дунайском регионе, но и в Крыму [14. С. 115].

¹⁴ Васильев Д. Д., Тенишев Э. Р. 29-я сессия Постоянной международной алтаистической конференции // Сов. тюркология. 1987. № 3.

¹⁵ Hurmuzaki-Densușianu. Documente privitoare la istoria românilor. București, 1887. Vol. 1, pars. 1.

¹⁶ Добруджа: География, история, этнография, стопанско и държавно-политическо значение. София, 1918.

¹⁷ Быстрой ассимиляции тюрков (печенегов, торков, куман и других) в Карпато-Дунайском регионе и переходу последних от язычества к христианской религии способствовал и тот факт, что романизированное население региона перешло к христианству еще в IV в. н. э. [18. С. 16; 19. С. 228], при этом церковь временами играла консолидирующую роль.

¹⁸ Краткая история Румынии с древнейших времен до наших дней. М., 1987.

¹⁹ Giurescu C. C. Istoria românilor/Ed. a patra revăzută și adăugată. București, 1942.

²⁰ Полевой Л. Л. Раннефеодальная Молдавия. Кишинев, 1985.

²¹ Кочкаев Б.-А. Б. Ногайско-русские отношения в XV—XVIII вв. Алма-Ата, 1988.

²² О заселении ногайцами Буджака и о топонимии, связанной с этим процессом, подробнее см.: [23—25].

²³ Дрон И. В. Комрат — этнотопоним ногайского происхождения // Сов. тюркология. 1981. № 1.

²⁴ Он же. Названия гагаузовских сел Молдавской ССР // Там же. 1982. № 4.

²⁵ Он же. Гагаузские этнонимы и этногидронимы ногайского происхождения // Там же. 1985. № 3.

- ²⁶ Бевзенко А. Т. Назви річок між гирлами Дністра і Дунаю // Питання сучасної ономастики. Київ, 1976 (территория Молдавии А. Т. Бевзенко не охвачена, однако он справедливо отмечает, что гидронимия отражает пестрый этнический состав территории между устьями Днестра и Дуная).
- ²⁷ Гідроніми Нижнього Подністров'я Київ—Одеса // Вища школа. 1981 (в работе исследуется свыше 500 названий водных объектов, в том числе тюркских, но только касающихся бассейна Нижнего Днестра).
- ²⁸ Еремия А. И. Дикционар топонимик // Календар — 1973. Кишинэу, 1972 (этимологизмуется гидроним Чухур <тюрк. *чокыр* 'овраг', который сравнивается с азерб. *чухур* 'впадина, яма; ложбина').
- ²⁹ Трубачев О. Н. Названия рек Правобережной Украины. М., 1968 (рассматриваются вкратце некоторые названия рек и речек бассейна Днестра, в том числе тюркские: Кула, Ягорлык).
- ³⁰ *Ghibănescu Gh. Slobozia Băltilor. Iași, 1933* (приводится краткая этимология и тюркских названий рек: Кула, Кэинар, Чулук).
- ³¹ Подробнее о понятиях *гидроним* и *микrogидроним* см.: [32; 33. С. 138].
- ³² Подольская Н. В. Словарь русской ономастической терминологии. М., 1988.
- ³³ Агеева Р. А. Гидронимика // Ономастика: Проблемы и методы. М., 1978 (автор ограничился анализом происхождения тюркских названий рек, протекающих по территории Молдовы и юга Пруто-Днестровья, длиной более 30 км).
- ³⁴ Гарипов Т. М., Добродомов И. Г. Исследования зарубежных ученых по тюркской филологии // Сов. тюркология. 1987. № 2.
- ³⁵ Древнетюркский словарь. Л., 1969.
- ³⁶ А. И. Еремия считает, что аффикс *-лия* в молдавском восходит к тюрк. *-лы/-ли* и образовался он «...благодаря адаптации к структурным типам, оканчивающимся на *-а/-я*, специфическим молдавским топонимам» [37. С. 54]. Топонимы и гидронимы с окончанием на *-лия* распространены на огромной территории, включая земли Македонии, Болгарии, Румынии, Молдовы, Украины. В результате анализа (см. еще и [38. С. 123, 124, 175]) мы пришли к заключению, что топонимы и гидронимы, оканчивающиеся на *-лия*, распространены в основном там, где проживает в настоящем или проживало в прошлом восточно-романское население (румыны, молдаване, арумыны), т. е. на юге современной Молдовы и в ДПМ.
- ³⁷ Еремия А. И. Тайнеле нумелор географиче. Кишинэу, 1986.
- ³⁸ Гідронімія України в її міжмовних і міждіалектних зв'язках. Київ, 1981.
- ³⁹ Дикционар енциклопедик молдовенеск. Кишинэу, 1989.
- ⁴⁰ Петров К. И. Тюркские средневековые этнопонимы от числительного *семь*: (к происхождению топонима Джети-суу — *Семиречье*) // Ономастика Средней Азии. Фрунзе, 1980. Вып. 2.
- ⁴¹ Лезина И. Н. К вопросу о стратификации тюркских генотопонимов Крыма // Ономастика. Типология. Стратиграфия. М., 1988.
- ⁴² Мурзаев Э. М. Тюркская этнопонимия // Этническая топонимика. М., 1987.
- ⁴³ Дёрфер Г. О. О языке гуннов // Зарубежная тюркология. М., 1986. Вып. 1.
- ⁴⁴ Половцы-куманы в этногенетическом плане являлись в Карпато-Дунайском регионе конгломерацией тюркских и нетюркских этнических элементов, однако при явном политическом и административном господстве куман. Интересен тот факт, что ареал половецких статуй XI—XII вв. ограничен с запада р. Ингульцом; западнее ни один половецкой могильник пока не найден [45. С. 275]. Из нескольких десятков известных кочевнических погребений X—XIV вв. в ДПМ подавляющее большинство исследователями определяются как «печенежско-торчские» [46. С. 194].
- ⁴⁵ Плетнева С. А. Половецкая земля // Древнерусские княжества X—XIII вв. М., 1975.
- ⁴⁶ Добролюбский А. О. Об археологическом изучении средневековья в Молдавии // Археологические исследования средневековых памятников в Днестровско-Прутском междуречье. Кишинев, 1985.
- ⁴⁷ Гаджиева Н. З. Проблема языкового типа на материале тюркских языков // Сов. тюркология. 1987. № 5.
- ⁴⁸ Она же. Тюркоязычные ареалы Кавказа. М., 1979.
- ⁴⁹ Посольская книга по связям России с Ногайской Ордой: 1489—1508 гг. М., 1984.
- ⁵⁰ Раевский Н. Д. Топониме де орижине ираникэ ши турчикэ // Лимба ши литература молдовеняскэ. 1964. № 1.
- ⁵¹ Мурзаев Э. М. Словарь народных географических терминов. М., 1984.
- ⁵² Дрон И. В. Гидронимы гагаузов Молдавской ССР // Сов. тюркология. 1987. № 2.
- ⁵³ Радлов В. В. Опыт словаря тюркских наречий. Спб., 1899. Т. 2.
- ⁵⁴ Словник гідронімів України. Київ, 1979.
- ⁵⁵ *Giboglu M. Crestomatie turcă: Izvoare narative privind istoria Europei Orientale și Centrale (1263—1683). București, 1978.*
- ⁵⁶ Никонов В. А. Краткий топонимический словарь. М., 1966.
- ⁵⁷ Баскаков Н. А. Тюркская лексика в «Слове о полку Игореве». М., 1985.

- ⁵⁸ Alexandri V. Poezii populare ale românilor. București, 1982.
- ⁵⁹ Еремия А. Кестionar топонимик. Кишинэу, 1967.
- ⁶⁰ Разнобой *о-у* в юго-западных тюркских языках не составляет исключения (см.: [48. С. 19—21]).
- ⁶¹ Дрон И. В., Курогло С. С. Современная гагаузская топонимия и антропонимия. Кишинев, 1989.
- ⁶² Аристов Н. А. Заметки об этническом составе тюркских племен и народностей и сведения об их численности // Живая старина. Спб., 1896.
- ⁶³ Баскаков Н. А. Алтайская семья языков и ее изучение. М., 1981.
- ⁶⁴ Дикционар диалектал. Кишинэу. 1985. Волумеле 1—2; 1986. Волумеле 3—5.
- ⁶⁵ Молчанова О. Т. Желтые цвета в алтайском ономастиконе // Turcologica. 1986: К восьмидесятилетию акад. А. Н. Кононова. Л., 1986.
- ⁶⁶ Серебренников Б. А. О происхождении некоторых аффиксов в тюркских языках // Сов. тюркология. 1982. № 4.
- ⁶⁷ Istoria Țării și a Țării URSS: Odesa oblasť. Kiev, 1969.
- ⁶⁸ Костин М. Летописецул Цэры Молдовей де ла Аарон-водэ ынкоаче. Кишинэу, 1972.
- ⁶⁹ До печенегов на территории ДПМ обитали тиверцы, с ними и «воевал» Олег: тиверцы были известны и как *толковины* [70]. Н. А. Баскаков считает, что тиверцы были не славянами, а тюрками и само слово *тиверцы* — это название огузского рода ковуев или берендеев, входящего в состав огузского племени *tirgeş* — тиргешей [71. С. 19; 72. С. 16]. Возможно, *тиверцы-тюрки* (в то же время мы не исключаем автохтонное происхождение данного племени, ср. дакийское наименование *tevriski*/*tauriski*), позже в какой-то степени ассимилированные восточными романцами и русинами (славянами), внесли определенный вклад в этногенез локальных групп восточных романцев, и прежде всего — молдаван. Проблема «тиверцы-тюрки» или «тиверцы-славяне» до конца не разрешена.
- ⁷⁰ Сообщения «Повести временных лет» под 885 и 911 гг.
- ⁷¹ Баскаков Н. А. Тюркизмы-этнонимы в «Слове о полку Игореве» // Сов. тюркология. 1982. № 4.
- ⁷² Он же. О тюркских лексических заимствованиях в русском языке // Там же. 1985. № 1.
- ⁷³ Подробнее см.: [74. С. 169—179; 75. С. 26, 163, 226; 76; 77. С. 27]. На наш взгляд, именно совпадение отдельных способов образования и акустических свойств звуков речи восточно-романских и тюркских языков (главным образом юго-западных) и отсутствие заметных отличий в артикуляционных базах этих языков позволило ученому-энциклопедисту Дм. Кантемиру создать нотную буквенную систему турецкой музыки и один из своих трактатов посвятить теории турецкой музыки [78. С. 9—12]. Это наше мнение поддерживает и известный молдавский фонетист Г. М. Гожин.
- ⁷⁴ Корлятяну Н. Г. и др. Молдавский литературный язык досоветского периода // Закономерности развития литературных языков народов СССР в советскую эпоху. М., 1973.
- ⁷⁵ Диалектология молдовеняскэ. Кишинэу, 1976.
- ⁷⁶ Лимба молдовеняскэ литерарэ контемпоранэ. Кишинэу, 1970. 2: Фонетика. Морфология.
- ⁷⁷ Limba română în secolele al XIII-lea — al XVI-lea de acad. Al. Rosetti. București, 1956.
- ⁷⁸ Кантемир Димитрие. Креаций музикале. Кишинэу, 1980.
- ⁷⁹ Семенова Т. Ф. Тюркские *jağ—aguk—jağuga—ârok* на Карпатской территории // Этногенез народов Балкан и Северного Причерноморья. М., 1984.
- ⁸⁰ Она же. Основные вопросы изучения тюркизов, общих для языков Карпатского ареала // Из истории языка и культуры стран Центральной и Юго-Восточной Европы. М., 1985.
- ⁸¹ Дрон И. В. Арумынские народные географические термины турецкого происхождения // Сов. тюркология. 1990. № 4.
- ⁸² На территории Молдовы встречаются и реки с названиями типа *Бык, Сырма, Салция*, которые обнаруживают лишь внешнее фонетическое сходство с известными (см.: *сырма/сырма; сал(а)* [51]) тюркскими терминами, не восходящими к тюркским гидронимическим терминам.

МАТЕРИАЛЫ И СООБЩЕНИЯ

С. С. КУНАНБАЕВА

ТЕМПОРАЛЬНАЯ СТРУКТУРА ОПИСАНИЙ В КАЗАХСКОМ
ХУДОЖЕСТВЕННОМ ТЕКСТЕ

В данной статье приводятся результаты анализа темпоральных отношений в казахском художественном тексте, в его описательных фрагментах. В общей лингвистике текста «художественное время» рассматривается как интегративная, смыслозавершенная и целостная категория, формирующая темпоральную семантику текста посредством комплекса разноуровневых языковых средств [1. С. 86—104]. Полагаем, что основной единицей «художественного времени» является *темпоральная ситуация*, которая определяется нами как сложное смыслозавершенное, иерархически структурированное речевое образование, отражающее целостное содержание ситуации во временных координатах. Одной из основ типизации темпоральных ситуаций предполагается избрание композиционно-речевых форм (повествование, описание, рассуждение) [2. С. 26—27; 3; 4], представляющих собой предметно-логическое и семантическое содержание текста, т. е. выступающих одновременно в роли коммуникативных и композиционно организующих типов речи.

Композиционно-речевая организация темпоральных ситуаций (ТС) дополняется системой семантических характеристик «художественного времени» [5. С. 42—47], которые обуславливают выделение комплексов темпоральных сем, определяющих минимальную единицу «художественного времени» — темпоральную ситуацию. Комбинации этих сем в различных композиционно-речевых формах образуют смысловые структуры ТС (динамичность—статичность, прогрессивная направленность — регрессивная направленность, темпоральная одноплановость — разноплановость, конкретная локализованность — обобщенная локализованность, временная упорядоченность (предшествование, следование, одновременность), одномерность, выраженность границ ситуации и др.).

В ТС темпоральные маркеры (языковые средства с темпоральной семантикой) выполняют следующие функции: 1) структурно-текстовые: *конституирующие* (интегрирующие, текстодвижущие) и *делimitативные* (собственно-делimitативные, разграничивающие, определяющие временную направленность, переключающие); 2) содержательно-текстовые: *темпорально-номинативные* (дейктические, конкретно-локализующие, обобщенно-локализующие, соотносительные, релятивные) и *квантифицирующие темпоральность* (собственно квантифицирующие и интенсифицирующие мгновенность, предельность, одновременность и др.).

В описательных темпоральных ситуациях выделяются следующие три типа: 1) статические однофокусные; 2) статические многофокусные; 3) динамические описательные.

Описание как композиционно-речевая форма характеризуется преимущественно пространственно-сопоставляющим типом логико-речевой связи его составляющих, статичностью по отношению к художественному времени, временной синхронностью описываемых объектов, номинативным содержанием [6. С. 136—140; 7. С. 172—182], причем каждый описательный фрагмент текста имеет свои темпоральные параметры, выражающиеся эксплицитно или имплицитно, что позволяет выделить тип описательных темпоральных ситуаций. Компоненты текстовой категории времени в описательных ситуациях наделены иными, нежели в повествовательных темпоральных ситуациях, функциями. (Принципы, методика и результаты анализа повествовательных темпоральных ситуаций представлены в другой нашей работе [8. С. 26—30]). Временной параметр, вводимый в описание и выражаемый комплексом лексических и грамматических темпоральных маркеров, выполняет фиксирующую статическое состояние объектов роль, а не темпорально-номинативную функцию отражения динамики, соотносительности и релятивности, характерных для временных показателей в повествовании. Функция временных маркеров в описании заключается в фиксации статического состояния человека в определенный период его жизни или природы в описываемое время года. Это функция конкретного или обобщенного фиксирования времени описания.

Границы темпоральных описательных ситуаций выявляются с целью определить период, в течение которого фиксируется и описывается состояние природы, людей, местности, либо уточнить, когда наступает изменение этого состояния. Следовательно, временные зачины, вводящие ТС, выполняют конкретно-фиксирующую функцию отражения статического состояния объектов и не могут выражать динамического развития действий, локализуемых во временном периоде. Если верхняя граница таких ситуаций еще и выражается эксплицитно (*тағыда қыс түсіп, сақылдаған аяз келді, мамыр айының тамылжыған тамаша шағында* и др.), то нижняя граница описательных ТС отмечается в основном имплицитно — сменой темы или переключением с описания природы на изображение эмоционального состояния людей и их действий. При этом используются средства, которые сигнализируют об этих переключениях (*дал осындай қардың сән-салтанатқа бөлінген шағында; ал, қазір оған бәрі өзгеріп кеткен сияқты* и др.). Присутствие темпоральных маркеров, вводящих на фоне повествования фиксированные во времени описательные фрагменты, которые отображают картины и изменения состояния природы и т. д. с переключением на эмоции, состояние, поступки персонажей и с обязательным его переходом на дальнейшее повествование, используется повествующим с целью углубить характеристику персонажа, раскрыть его характер через эмоциональное состояние и восприятие окружающей природы, изобразить его внутренний мир и происходящие в нем изменения, которые обусловлены внешним воздействием.

Классифицируя описательные ТС, мы опираемся на количественную сторону описываемых объектов: концентрацию описания на одном из них (однофокусное описание) или на нескольких (многофокусное описание). Вычленение этого признака как ведущего обуславливается ощутимой зависимостью стилистических функций темпоральных маркеров от однофокусности или многофокусности описания: качественно-

характерологическая функция временных форм глагола и других временных маркеров проявляется чаще всего в портретных однофокусных описаниях или в характеристиках отдельных персонажей, а изобразительная функция временных форм и комплекса темпоральных индикаторов, участвующих в описательной ТС, реализуется преимущественно в многофокусных описаниях явлений или состояний природы, обстановки, ситуации, положения предметов или людей и т. д. Отмеченная направленность изобразительной функции темпоральных маркеров на многофокусные описания картин природы, а качественно-характерологической — на однофокусные портретные зарисовки не является абсолютной.

Итак: 1) с учетом выполняемых описательными статическими ТС стилистических функций различаем среди них *качественно-характерологический* и *изобразительный* подтипы, 2) с точки зрения количества описываемых объектов — *однофокусные* и *многофокусные описательные ТС*, 3) исходя из временной перспективы, определяемой в основном лексическими темпоральными индикаторами в сочетании с временной формой глагола, считаем правомерным отличать постоянные характеристики (вневременные) от характеристик *временных (одно-разовые признаки)*. Фиксируемый момент описания почти всегда выражается эксплицитно, выполняя прежде всего 1) функцию переключения на другую композиционно-речевую форму; 2) темпорально-номинативную, конкретно или обобщенно фиксирующую описание во времени и определяющую темпоральные параметры описательной ТС.

Нами приводятся процедура и результаты анализа двух вариантов качественно-характерологических статических однофокусных темпоральных ситуаций: 1) качественно характеризующих объекты через их *постоянные признаки* (внешность человека, его типичное поведение, образ жизни и т. д.); 2) характеризующих объекты через их *разовые, преходящие характеристики и признаки*, обусловленные определенными причинами в фиксируемый момент описания.

Следующие примеры относятся к варианту качественно-характерологических ситуаций, отражающих постоянные признаки объектов описания:

1. Үй йесін Абай жаңа анықтап көрді. Бұйралау, ұзын, сары сақалы бар, қызыл жүзді, көк көзді, кесек мұрынды, сұлу адам екен. Ол жігіттерден жөн сұрады. Барыс-келіс жайы еді. Үні қатқыл, даусы зор екен (М. Әуезов. Абай жолы).

2. Қонақтар келген күннің кешіне қарай, осы үйге ұзынырақ, көйлегінен басқа киімдерінің бәрі қалаша, басына қызыл жібек ормал тартқан, иығында ұзын екі бұрымды шашы бар, орта бойлылау, толықшылау, дөнелек беттілеу, өні қызыл шырайлы бір жасырақ қыз гайда болған еді. Байжан оны осы үйдің қызына жорыған еді (С. Муканов. Сырдарья).

Зачин, вводящий в повествовательную структуру текста первую описательную ТС, является комплексным темпорально-смысловым зачином, вводящим объект описания (*үй иесі*) и время, фиксирующее его восприятие другим субъектом (*жаңа анықтап көрді*). Предложение, оформляющее зачин, имеет повествовательную композиционно-речевую форму и только переключает его на описательную форму речи. Поэтому глагольная форма с перфектной семантикой в зачине выражается повествовательным претеритом в форме прошедшего нейтрального. Дальнейшее же качественно-описательное и характерологическое отражение внешности нового объекта носит четко выраженный номинативный характер. Постоянные черты внешности описываются посредст-

вом именных сказуемых с относительными прилагательными и атрибутивными сочетаниями, используемыми в качестве их именной части, глаголами-связками (*бар*) или модальными словами (*екен*), выступающими глагольной частью именных сказуемых в общем плане настоящего, что подчеркивает вневременной и постоянный характер этих черт внешности человека. Общий план прошлого в таких ТС определяется временной формой либо *зачина* (во второй ситуации), либо резюмирующей *концовки*, повествовательных по форме и выражающих план прошлого через прошедшее нейтральное (*бар еді*) или плюсквамперфект (*болған еді, жорыған еді*). Прошедший план и время, фиксирующее описание внешности вводимого персонажа, может отмечаться в комплексном темпорально-смысловом зачине и обстоятельственной временной конструкцией, которая содержит перфектную форму причастий с семантикой результативного действия в прошлом (*қонақтар келген күннің кешіне қарай*).

Для описательных однофокусных ТС, которые качественно характеризуют *постоянные признаки*, в казахском языке можно выделить следующие закономерности: 1) общий план прошлого определяется вводным повествовательным темпорально-смысловым зачином, резюмирующей *концовкой* в форме прошедшего нейтрального, плюсквамперфекта или обстоятельственной временной конструкцией с результативной семантикой; 2) описательная часть с качественной характеристикой постоянных признаков выражается различными формами *настоящего изобразительного* с глаголами-связками и модальными словами в качестве их глагольной части; настоящее изобразительное используется для передачи постоянных характеристик человека и имеет номинативный характер; 3) в описательных ТС, качественно характеризующих постоянные признаки, возможны случаи комбинирования форм *настоящего изобразительного* и прошедших времен — плюсквамперфекта (*болған еді*) или прошедшего нейтрального (*сұрады*); 4) настоящее изобразительное может сочетаться и с развернутыми определительными и обстоятельственными конструкциями со значением прошедшего времени, в которых план прошлого выражается комплексом лексических и синтаксических средств (*жасы сол кезде отызға кіріп қалған жігіт екен*); 5) глагольные временные формы в описательных ТС, качественно характеризующих постоянные признаки, выполняют структурно-текстовую функцию обеспечения связности текста (т. е. интегрирующую). Трансформации описаний в план настоящего при общем плане повествования в прошлом свидетельствуют о несущественности временного плана для вневременных и постоянных характеристик человека. Следовательно, ведущей для временных форм глагола в этом типе ТС является качественно-характерологическая функция, а не релятивная. Лексические же и синтаксические средства с темпоральной семантикой в зачинах и концовках выполняют в анализируемом типе ТС темпорально-номинативные и релятивные функции.

Описательные ТС, качественно характеризующие *разовые, временные* признаки, обязательно имеют выраженный временной параметр, фиксирующий весь период, отправной период или пункт во времени, вызвавший изменение в поведении или образе жизни персонажей. Описываемый вариант ТС вводится темпорально-смысловыми зачинами, обобщенно отражающими *состояние* персонажа и *время*, фиксирующее это состояние:

1. Әмір де бар салдан басқаша. Бұның сұнғақ бойына, аппақ сұр жүзіне, ерекше жарасқан атлас, батсайы, тоты ренді киімі бар. Қысқа ғана қою қара мұртының арасында жіпсіген тер көрінеді. Нұр-

лы жүзі, үлкен көзі, ұялы аясымен Үмітей жүзіне табына қарап қапты. Жан біткенге бұрылмай қадалып қалған. Әнін бір үмітейдің өзіне бағыстайды. Қыз аппақ тісін аша түскен. Қуана күлген күлкілі еріндері қын-қызыл қалпында, сәл діріл қанады. Қасы мен көзін Әмірдің жүзіне қиғаштай бұрып, олда жүз аудармай балқып келеді (М. Әуезов. Абай жолы).

2. Еламан өкіріп жылап жібере жаздап, ащы өксік қысқан кеудесі көтеріліп-басылып тұр. Бетінде бір тамшы қан жоқ. Тынысы тарылып, танауы қусырылып кеткен. Қимылсыз көзіне жас толып, шарасы кеңейіп барады (Ә. Нұрпейісов. Қанмен пер).

За обобщающим повествовательным темпорально-смысловым зачином, переключающим изложение на описательную речевую форму, следует обычно описательная часть, которая конкретизирует и распространяет этот смысл; разовые характеристики, в отличие от варианта с постоянными признаками, передаются уже не только именными сказуемыми, подчеркивающими статичность и постоянность признаков и характеристик, но и формами акциональных глаголов, выражающих действия и поступки людей. Временные формы глаголов в описательной части выполняющие семантические функции: 1) *релятивную* — функцию отнесения действий в план прошлого, выражаемого перфектом, имперфектом в прошедшем, аналитическими формами прошедшего нейтрального с процессной семантикой (*тұрып қалды, қарап қапты, ойланып отырды*); 2) *изобразительную* — выражение пребывания в состоянии настоящим изобразительным в имперфекте (*көтеріліп-басылып тұр; басын төмен салып, сазарып отыр*), настоящим нейтральным с процессной семантикой (*әнін бағыстайды, балқып келеді, еріндері... діріл қағады*), настоящим нейтральным с семантикой целостных действий, отражающих действия или поступки субъекта, обусловленные определенными причинами, для выражения которых используются акциональные и статальные глаголы в простой или аналитических формах (*анда-санда басын көтереді; құрмет көрсетіп, әзіл қағады*); 3) *качественно-характерологическую* — функцию описания результативного состояния и пребывания в этом состоянии, выражаемую конструкциями с неличными формами глагола с результативной семантикой или перфектной формой личных глаголов (*жұртын таныған, төнірегін барлаған Ораз-Мухамед; қадалып қалған; күдер үзген; танауы қусырылып кеткен* и др.).

В одном ряду с ТС, характеризующими разовые, временные признаки, нами рассматривается и тип описательных ТС с качественной характеристикой изменений в поведении, образе жизни людей, которые становятся их *приобретенными, постоянными признаками*. Признак постоянности приобретенного качества выражается прошедшим обычным; обязательным является также выраженность временной точки отсчета, определяющего время наступивших изменений.

3. Міне, содан бері он төрт жыл өтті. Сол он төрт жыл ішінде Осман-Қожа пақыр ханды бір рет алдап, не тілегін теріс орындап көрген жоқ. Хан басына туарқауыпті ол өзгеден бұрын сезетін, хан көңілі қалар істі де ол алдан ала болжайтын. Ханабыройын төгер жамандықты сезсе, оны ханның құлағына тезірек жеткізетін. Жәбірайыл періштедей бұрыс жолдан әрдайым сақтап қалатын (І. Есенберлин. Көшпенділер).

Таким образом, описательные однофокусные ТС, качественно характеризующие преходящие или приобретенные признаки, которые затем стали постоянными в описаниях субъектов, обладают семантиче-

скими зависимостями, которые обуславливают их деление на описанные выше подтипы.

На примере анализа смысловых структур некоторых типов описательных темпоральных ситуаций в казахском художественном тексте мы продемонстрировали, как функции и значения темпоральных маркеров, их типологические зависимости определяют и дифференцируют семантические профили темпоральных ситуаций, которые отражают существующие в тексте разнообразные темпоральные отношения.

Л И Т Е Р А Т У Р А

1. Тураева З. Я. Лингвистика текста. М.: Просвещение, 1986.
2. Гальперин И. Р. Членимость текста // Науч. тр./МГПИИЯ им. М. Тореца. М., 1978. Вып. 125.
3. Москальская О. И. Грамматика текста. М.: Просвещение, 1981.
4. Солганик Г. Я. Синтаксическая стилистика: (сложное синтаксическое целое). М.: Высш. шк., 1973.
5. Тураева З. Я. Категория времени: Время грамматическое и время художественное. М.: Высш. шк., 1979.
6. Кухаренко В. А. Интерпретация текста. М.: Просвещение, 1988.
7. Долинин К. А. Интерпретация текста. М.: Просвещение, 1985.
8. Кунанбаева С. С. Принципы построения типологии темпоральных ситуаций на материале казахских художественных текстов // Изв. АН КазССР. Сер. филол. 1990. № 3(67).

НАУЧНАЯ И КУЛЬТУРНАЯ ЖИЗНЬ

ВТОРАЯ РЕСПУБЛИКАНСКАЯ УЙГУРОВЕДЧЕСКАЯ
КОНФЕРЕНЦИЯ

3—5 июня 1991 г. в г. Алма-Ате прошла Вторая республиканская уйгуроведческая конференция, организованная при содействии президиума Академии наук Казахстана Институтом уйгуроведения АН республики. В работе конференции приняли участие ученые Алма-Аты, Москвы, Санкт-Петербурга, Ташкента, Бишкека, Оша, Пржевальска, а также КНР, Германии, США и представители уйгурских культурных центров. Ими обсуждались проблемы языкознания, литературоведения и искусствоведения, истории и этнографии, экономики и культуры. На двух пленарных заседаниях и на заседаниях четырех секций было прочитано более 90 докладов, в обсуждении которых приняло участие более 100 ученых.

Конференция открылась вступительным словом вице-президента АН Казахстана Ж. М. Абдильдина. Говоря об успехах современного уйгуроведения, Ж. М. Абдильдин отметил, что с конца 40-х годов в стенах Академии наук Казахстана подготовлено немало ученых-уйгуроведов, чьи труды получили признание международной общественности. Качественно новым этапом в развитии уйгуроведения явилось созданное в 1986 г. в системе казахской АН Института уйгуроведения, который, пройдя период организационного становления, вышел на уровень решения фундаментальных проблем.

На первом пленарном заседании было прочитано пять докладов.

В докладе директора Института уйгуроведения, чл.-корр. АН Казахстана Г. С. Садвакасова «Уйгуроведение в системе общественных наук АН Казахстана: современное состояние, проблемы, перспективы» всесторонне охарактеризована роль нового института в вопросах координации и расширения научных исследований в области уйгуроведения. О достижениях казахских уйгуроведов свидетельствует появление таких фундаментальных трудов, как «История уйгурской литературы» (в 3 кн.), «Строй уйгурского языка»,

«Краткая история уйгуров», «Фонетика уйгурского языка», а также ряда коллективных монографий и сборников по вопросам лингвистики, культуры, экономики и др. Институт способствовал проведению международных симпозиумов и семинаров, научных конференций.

Совместный доклад акад. АН Казахстана А. Т. Кайдарова, чл.-корр. АН Казахстана Г. С. Садвакасова и канд. филол. наук Г. И. Семятовой «Основные тенденции развития современного уйгурского литературного языка» был посвящен литературной норме в языке, представленном региональными вариантами. На развитие литературного языка, как известно, оказывают влияние контакты с соседними языками, а также дву- и многоязычие его носителей. По-разному происходит обогащение литературного языка на базе диалектов.

Состояние и перспективы развития уйгурского литературоведения и искусствоведения на современном этапе были рассмотрены в докладе канд. филол. наук М. А. Абдрахманова и С. Моллаудова и канд. искусствоведения А. С. Шкловской (Алма-Ата). Докладчики, отметив возросший уровень исследований в данной области, обратили внимание на то, что ученые, осваивая малоисследованные пласты богатейшего литературного наследия, все интенсивнее применяют в своей работе современные методы научного анализа. Острой проблемой является изучение литературы Восточного Туркестана и ее соотношения с литературой уйгуров Казахстана. Большие задачи стоят перед исследователями уйгурского фольклора и народной музыкальной культуры.

«Основные проблемы изучения истории и этнографии уйгуров» — тема совместного доклада канд. ист. наук Г. М. Исхакова, С. Г. Кляшторного и Л. А. Чவர்ь (Алма-Ата—Санкт-Петербург), в котором отражены достижения уйгуроведения и определены задачи на будущее по изучению этнической и политической истории уйгуров, источниковедения, современной

политической обстановки и этнокультурных связей.

Современные проблемы социально-экономической жизни уйгуров проанализированы в докладе д-ра экон. наук К. Ш. Абдуллаевой и канд. экон. наук Э. К. Курбанова (Алма-Ата).

На трех заседаниях секции «Языкознание» заслушано 20 докладов и сообщений.

Серия докладов была посвящена проблемам исторической фонетики и исторической морфологии уйгурского языка. Доклад д-ра филол. наук А. М. Шербака (Санкт-Петербург) «Проблемы генезиса уйгурского письма» в основном касался трех вопросов: постепенная модификация курсивного согдийского алфавита и этапы его приспособления к уйгурскому языку; древнейший эпиграфический памятник — Улан-комская надпись как образчик использования ранней модификации алфавита и место адаптации согдийского письма — территория Монголии, где обнаружены древнейшие уйгурские памятники на согдийской основе. Автор затронут также вопрос о соотношении орхонской и уйгурской письменных традиций.

Доклад д-ра филол. наук Т. Талипова (Алма-Ата) «К вопросу генезиса винительного падежа в тюркских языках» посвящен формальному (фонетическому) развитию и семантическим изменениям форманта винительного падежа, возводимого автором к праформе *-ыг/-гы. Эти изменения связываются им с гетерогенным характером падежной парадигмы вообще и с особым «неустойчивым» фонетическим статусом фонемы *г* в тюркских языках — в частности.

В докладе д-ра филол. наук Д. М. Насирова (Санкт-Петербург) «К динамике грамматических категорий в истории уйгурского языка» проанализированы содержательные и формальные компоненты категорий настоящего и будущего времени, начиная с ранних памятников древнеуйгурского языка. Отмечено, что в диахронических исследованиях по морфологии уйгурского языка древнеуйгурский язык, представленный в письменных памятниках из Восточного Туркестана, может рассматриваться в качестве одного из «срезов» уйгурского языка, поскольку и позднее в данном регионе сохранялось четко верифицируемое единое этнолингвистическое пространство, опирающееся на преемственность племенных и языковых структур.

Канд. филол. наук М. И. Трофимов (Ош) в докладе «К вопросу о классификации фонетических процессов в области уйгурского вокализма» попытался связать воедино антропофонические и психолингвистические процессы с фонетическими явлениями и тем самым определить причины изменения фонем как в литературном языке, так и в диалектах.

Актуальным, требующим неотложного

решения проблемам письменно-орфографической и орфоэпической норм посвятили свои доклады «Актуальные вопросы орфографии современного уйгурского языка» и «Некоторые вопросы литературного произношения» канд. филол. наук Ш. В. Кибиров и М. Юнусова (Алма-Ата). В докладах указывалась необходимость учитывать тенденции в развитии терминологии, орфографическо-орфоэпических норм языка синьцзянских уйгуров при решении аналогичных проблем в языке уйгуров нашей страны.

История развития аффикса -жа в камасинских гидронимах рассматривалась в совместном докладе Т. Талипова и М. Юнусовой (Алма-Ата).

Активное введение в научный оборот большого числа древнеуйгурских текстов значительно расширило базу лингвистических исследований по истории языка. Аналитический обзор изданий письменных памятников и исследований в области их языка за рубежом был представлен в докладе К. Ш. Сарыбаева (Алма-Ата).

Большой интерес вызвал доклад Г. Рахматуллаевой (Алма-Ата) о деятельности в области уйгуроведения шведского ученого Г. Ярринга.

Синтаксическая проблематика получила отражение в докладе канд. филол. наук С. Н. Абдуллаева (Пржевальск) «Семантика простых предложений с именным сказуемым в современном уйгурском языке». 28 структурно-семантических моделей простых предложений проанализированы на основе методики, применяемой в Новосибирской лингвистической школе.

Большой интерес вызвали доклады по лексикологии и терминологии современного уйгурского языка, например доклад Г. Ш. Назаровой (Алма-Ата) «Названия лекарственных растений и вопросы их номинации в уйгурском языке», в котором показаны принципы использования различных частей речи — существительных, прилагательных, числительных — при создании растительной терминологии и определены их наиболее частотные модели.

Лексика цветообозначения в «Кутадгу Билиг» рассмотрена в докладе Р. У. Арзиева (Алма-Ата). Истории возникновения понятий *бор*, *борлук* 'виноград', 'виноградник' посвятил свой доклад канд. филол. наук Ш. Баратов (Алма-Ата), отражению общетюркского лексического наследства в современном уйгурском языке на примере названий животных, насекомых и пресмыкающихся — канд. филол. наук Д. Х. Базарова и К. А. Шарипова (Ташкент). Детальную классификацию глагольных фразеологизмов на базе понятий, связанных с явлениями природы, соматическими названиями и духовной сферой человека, представила в своем докладе «Структурный анализ глагольных фразеологизмов в современном уйгурском языке» Р. Авакова (Алма-Ата). Много

новых интересных фактов, полученных в результате личных наблюдений, проанализировано в докладе канд. филол. наук Г. И. Семятовой (Алма-Ата) «Современное развитие уйгурской терминологии СУАР КНР». Показаны источники формирования терминов, раскрыта роль заимствований, перечислены наиболее продуктивные морфологические показатели.

В ряде докладов рассмотрены такие актуальные и одновременно спорные вопросы, как сложная диалектная структура уйгурского языка, проблемы соотношения литературных языков казахских и зарубежных уйгуров, вопросы дву- и многоязычия, неоднозначные языковые ситуации в конкретных регионах. Канд. филол. наук И. А. Исмаилов (Ташкент), посвятив свой доклад уйгурскому литературному языку, наманганскому и ошскому говорам узбекского языка, на большом и довольно ярком иллюстративном материале показал связь между указанными языковыми стратами. О сложной языковой ситуации в уйгурском районе Алма-Атинской области, являющейся результатом сложных взаимосвязей между используемыми здесь языками — уйгурским, казахским и русским, говорилось в докладе С. С. Даутовой (Алма-Ата). Столь же сложные связи возникают в процессе школьного обучения: ученики-уйгуры под влиянием социальных условий вынуждены использовать в школе два и более языков. Об этом сообщила Д. Ж. Касымова (Алма-Ата) в докладе «Влияние социальных условий на использование учениками-уйгурами двух и более языков». Доклады по социолингвистике отражают новое направление в работе Института уйгуроведения. В ряде из них широко использовались статистические данные, полученные в ходе анкетирования и полевых исследований.

В рекомендациях по секции «Языкознание» высказано пожелание расширения исследований по исторической грамматике уйгурского языка, а также публикаций и анализа древнеуйгурских текстов. В целях унификации и развития терминотворчества предложено создать при Институте уйгуроведения АН Казахстана терминологический центр. Остро поставлен вопрос о подготовке квалифицированных лингвистических кадров.

На заседании секции «Литературоведение и искусствоведение» было прочитано 23 доклада, в обсуждении которых участвовало около 50 чел.

По проблемам советской литературы с докладами выступили Р. Юсупов (Алма-Ата) — «Исторические личности в уйгурских советских романах», А. Хамраев (Алма-Ата) — «Проблемы уйгурской прозы 80-х годов», канд. филол. наук Х. К. Хамраев (Алма-Ата) — «Тема Восточного Туркестана в творчестве уйгурских советских прозаиков», канд. филол. наук М. Рахмаева (Ташкент) — «Проблемы

узбекского перевода романа З. Самади „Майминхан“, канд. пед. наук Б. Алахунова (Алма-Ата) — «Об издании произведений У. Мухаммади».

Литературе Восточного Туркестана посвятили свои доклады М. Заиди (Ташкент) — «О литературном наследии Абдухалика Уйгура», канд. филол. наук П. Сабитова (Алма-Ата) — «Рассказы Зунуна Кадыри», канд. филол. наук С. Розбакиев (Ташкент) — «Творчество Турди Самсака и его исторический роман „Возвратившийся с того света“, Г. Авутова (Алма-Ата) — «Особенности творчества Л. Муталлипа».

Проблемы изучения уйгурской классической литературы нашли отражение в докладах чл.-корр. АН Кыргызстана А. И. Нарынбаева (Бишкек) — «Этические взгляды Ахмада Югнаки», канд. филол. наук С. Моллаудова — «Поэма „Джахан-наме“ Мирзы Хайдара (16 в.)», канд. филол. наук Д. Рузиевой — «Некоторые суждения относительно термина „чагатайская литература“, канд. филол. наук А. А. Баудунова (Бишкек) — «Мировоззрение Имира Хусейна Сабури», Д. Райханова (Алма-Ата) — «О восточнотуркестанских рукописях Алишера Навои», К. Барата (Гарвардский ун-т, США) — «Новые материалы о жизненном и творческом пути Алишера Навои».

Фольклористическая тематика была представлена в докладах Е. Д. Мучкиной (Алма-Ата) — «К вопросу об уйгурско-монгольских фольклорных связях», Г. Молотовой (Алма-Ата) — «Исторические песни о Томур Халпате» и Х. М. Хамраева (Алма-Ата) — «Идейные и художественные особенности дастана „Гуламдам“».

Музыкальные проблемы рассмотрены в докладах кандидатов искусствоведения Т. М. Алибакиевой (Алма-Ата) — «Формообразующее значение ритмики уйгурского мукама», А. Хашимова (Ташкент) — «Роль илийских мукамов в системе уйгурского мукама», С. Кибировой (Алма-Ата) — «Дал у уйгуров — атрибут шаманского ритуала».

Проблемы архитектуры и другие вопросы искусствоведения обсуждались канд. archit. Б. Глаздиновым — «Проблемы уйгурской архитектуры», канд. искусствоведения А. Кадыровым (Алма-Ата) — «Казахско-уйгурские театральные связи» и М. Метакхуновым — «Формирование уйгурского изобразительного искусства».

Все прочитанные доклады отличались оригинальностью подхода к исследуемому материалу, новыми идеями и использованием современной методики и методологии, учитывающих сдвиги в современных идейно-этических взглядах на основе измененных подходов к истории народа и его культуры.

Много говорилось об исторической преемственности, о фольклорных связях, о месте и роли классической литературы,

об актуальных задачах литературоведов и в не меньшей мере — писателей.

На заседании секции «История и этнография» было заслушано 19 докладов. Наиболее остро обсуждались темы, связанные с освободительным движением уйгуров Синьцзяна, с прочтением и дешифровкой памятников письменности, а также с историческим и современным расселением уйгуров. Наибольший интерес вызвали доклады ведущих ученых-уйгуроведов: д-ра ист. наук Б. П. Гуревича (Москва) — «Советский Союз на рубежах Центральной Азии: вопросы истории и перспективы», д-ра ист. наук В. С. Кузнецова (Москва) — «Ислам в общественно-политической жизни СУАР», д-ра ист. наук А. Х. Ходжаева (Ташкент) — «Статус Восточного Туркестана в традиционном представлении цинских императоров», С. Г. Кляшторного (Санкт-Петербург) — «Древнейший этап этногенеза уйгуров», канд. ист. наук А. М. Решетова (Санкт-Петербург) — «Основные направления развития уйгурского этноса в XX в.» и др. Больших успехов в разных областях уйгуроведения добились молодые специалисты. С докладами выступили канд. ист. наук А. К. Камалов (Алма-Ата) — «К интерпретации сведений древнеуйгурской Терхинской надписи о племени байарку», Д. В. Дубровская (Москва) — «Современная китайская историография о роли Цзо Цзунтана в истории уйгуров», канд. ист. наук А. П. Колганов (Ташкент) — «Китайские известия по

исторической географии Восточного Туркестана начала XV в.» и др.

На секции «Современные проблемы социально-экономического и культурного развития уйгуров» было представлено 13 докладов.

На заключительном пленарном заседании заслушаны отчеты руководителей секций и принята резолюция, в которой отмечены основные направления развития отечественной, и прежде всего казахской, уйгуристики на ближайшие годы.

Вторая республиканская уйгуроведческая конференция явилась ярким научным и общественным событием, ознаменовав собой новый этап в развитии уйгуроведения. Среди ближайших задач в области уйгуроведения были названы дальнейшее совершенствование форм научной координации и расширение источниковедческой базы исследований, более тесное контактирование с зарубежными востоковедными центрами, занимающимися уйгуроведческой проблематикой. В целях усиления координации ученых высказано предложение о создании Ассоциации уйгуроведов, для чего Институту уйгуроведения АН Казахстана предложено в контакте с другими центрами проявить инициативу в данном направлении.

Предполагается издание материалов Второй республиканской уйгуроведческой конференции.

*Г. М. Исхаков, Д. М. Насилов,
Г. И. Семятова, Х. К. Хамраев*

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

ОЧЕРКИ ИСТОРИИ БАШКИРСКОГО ЛИТЕРАТУРНОГО ЯЗЫКА

ОТВ. РЕД. Э. Ф. ИШБЕРДИН. М.: НАУКА, 1989. 256 с.

В коллективной монографии, написанной Э. Ф. Ишбердиным, Р. Х. Халиковой, И. Г. Галяутдиновым и З. Г. Ураксиным, рассматриваются проблемы возникновения и развития литературного языка у башкир и других тюркских народов Поволжья с древнейших времен до настоящего времени.

У башкирского народа в донациональную эпоху в качестве литературного выступал язык тюрки, возникший на базе огузо-уйгурской и чагатайской письменных традиций и распространенный среди многих тюркских народов, а его местная разновидность — тюрки Урало-Поволжья — среди башкирского и татарского народов. «Тюрки Урало-Поволжья, хотя и не являлся поливалентным, т. е. не обслуживал все нужды и все социальные слои башкирского общества, не был чужим для башкирского народа: в нем получили отражение основной словарный фонд башкирского народно-разговорного языка и важнейшие особенности его грамматического строя» (с. 7).

Вся история башкирского литературного языка делится на два этапа: 1) донациональный (с XIII до конца XIX в.) и 2) национальный (с конца XIX в. до наших дней).

Хотя современные литературные языки тюркских народов не восходят прямо и непосредственно к древнетюркским памятникам рунического, уйгурского и арабского письма, однако во всех них прослеживается какое-то количество общих элементов, поскольку все эти языки берут начало от единого тюркского праязыка.

Язык башкирского народа испытал на себе влияние со стороны Волжской Булгарии, где в XI—XIV вв. существовали, вероятно, две булгарские письменные традиции. Одна из них — гуниско-булгарская — могла быть средством общения собственно волжских булгар, прибывших с кубано-азовских территорий, а вторая — мусульманско-булгарская — зафиксирована огузо-кыпчакской чеканкой.

В постбулгарское время у тюркских народов Урала и Поволжья функционировал свой литературный язык — тюрки Урало-Поволжья, представлявший собой вариант общетюркского книжно-письменного койне и оказавший определенное воздействие на народно-разговорную речь.

Для косвенной характеристики языка тюрки Урало-Поволжья XIII—XIV вв. привлекаются кыпчакско-огузские литературные тексты мамлюкского Египта и Средней Азии. Язык их отмечен наличием большого числа арабо-персидских заимствований, усиливающихся в произведениях на поволжско-уральском тюрки в XVI—XVIII вв. Одновременно начинается длительный процесс обогащения письменного языка, преимущественно деловых документов, за счет русских заимствований.

В первой половине XIX в. литературный язык башкир оказывается органически связанным с предшествующим периодом. Одновременно в нем намечаются определенные тенденции к сближению с народной речью, хотя еще долгое время господствует традиционный литературный язык тюрки Урало-Поволжья, который по-прежнему был общим для башкир и татар. Сближению книжного языка с народным положила начало деятельность просветителей, которые опирались на язык фольклора. Значительную роль в повороте интереса к народному языку башкир сыграли преподаватели Неплюевского военного училища (кадетского корпуса) М. Иванов, С. Куляшев, М. Бекчурин, а также известный просветитель народов Поволжья Н. И. Ильминский.

Сочетание традиционных норм поволжско-уральского тюрки с живыми элементами татарского, башкирского и казахского языков сохраняется в творчестве писателей-просветителей М. Акмуллы и М. Уметбаева, которые не смогли отказаться от традиционной архаики в поэзии, публицистике и переводах. Параллельно с ними развивались ориентированные преимущественно на поволжско-уральский

тюркский историко-литературные жанры шежере и таварихов.

«В демократизации и развитии литературного языка Башкирии в начале XX в. исключительно важную роль сыграли башкирские поэты и писатели (т. е. прозаики. — И. Д. и Т. Г.) М. Гафури, С. Якшыгулов, А. Тагиров, Д. Юлтый, Ш. Бабич и другие, писавшие свои произведения на татарском литературном языке» (с. 131).

В начале XX в. на основе синтеза письменного-литературного языка тюркский, языка татарской периодической печати и изданий, употреблявшегося (употреблявшихся? — И. Д. и Т. Г.) в условиях Башкирии, башкирской народно-разговорной речи и языка фольклора начался новый этап в развитии литературного языка башкирского народа. Это было началом функционирования современного башкирского национального литературного языка» (с. 148—149).

«С первых лет советской власти, и особенно после образования Башкирской автономной республики в 1919 г., в Башкирии велась большая подготовительная работа по созданию башкирского литературного языка, основанного на общенародной разговорной речи. Это было предприятием сложным, трудным и ответственным, связанным с преодолением вековых традиций, с выработкой на совершенно новой основе алфавита, орфографии, лексических и грамматических норм, которое требовало годы напряженной работы» (с. 150).

«Современный башкирский литературный язык имеет три главных источника: 1) тюркский Урало-Поволжья, 2) язык поэтических фольклорных произведений, 3) общенародный башкирский разговорный язык с его территориальными диалектами и говорами» (с. 151); дополнительный источник — это влияние русского литературного языка.

Новый этап развития башкирского литературного языка на народной основе,

начавшийся с победой Октябрьской революции, ознаменовался синтезом всех указанных источников.

«В 30-40-е годы совершенствовалась кодификация современного литературного языка; в этот период формируются его основные функциональные стили; происходят значительные качественные изменения в словарном составе — не усвоенные разговорным языком арабизмы и фарсизмы заменяются собственными словами или заимствованиями из русского языка, в корне обновляется башкирская терминология по различным отраслям знаний; появляется обширная художественная и специальная литература; расширяется сфера применения литературного языка» (с. 241).

За годы своего функционирования современный башкирский литературный язык использовал три алфавита: до 1928 г. применялся арабский, до 1939 г., пока не утвердился алфавит на русской основе, — латинский, попытки введения которого делались еще в XIX в.

«Современный литературный язык имеет строго регламентированную фонетику и грамматику, богатый лексический фонд, которые предоставляют широкие возможности для письменного общения на данном языке, создания научной и художественной литературы, преподавания в учебных заведениях и др.» (с. 241).

Обобщающий труд башкирских языковедов ярко демонстрирует возросшую научную зрелость местной исследовательской мысли. В то же время едва ли не глобальным недостатком периферийных историко-лингвистических штудий остается недостаточно последовательное привлечение компаративистских параллелей и типологических сопоставлений, которые существенно приблизили бы завершение многоцветной картины сложения литературных языков на обширном тюркологическом фоне.

И. Г. Добродомов, Т. М. Гарипов

ВКЛАД В ИЗУЧЕНИЕ ТЮРКОЯЗЫЧНОЙ КНИЖНОЙ КУЛЬТУРЫ СЕВЕРНОГО КАВКАЗА

(КАТАЛОГ ПЕЧАТНЫХ КНИГ И ПУБЛИКАЦИЙ НА ЯЗЫКАХ НАРОДОВ
ДАГЕСТАНА: ДОРЕВОЛЮЦИОННЫЙ ПЕРИОД/СОСТ. А. А. ИСАЕВ
МАХАЧКАЛА, 1989. 300 с.)

Ретроспективная библиография как отрасль науки получила наибольшее развитие в последние десятилетия. Уже изданы библиографические справочники (или каталоги) азербайджанской, туркменской,

чувашской и некоторой другой национальной книжной продукции дореволюционного периода. Изучение же истории дагестанской книги, несколько отстававшее от остальных национальных книговедческих

штудий, сделало рывок вперед где-то с 70-х годов. Появились работы Солтанмурада Акбиева, Мирхана Исаева и других исследователей, в которых рассматриваются такие важные вопросы культурной жизни региона, как зарождение, формирование и развитие письменности, а также печатной и литографской книги на языках народов Дагестана и Чечено-Ингушетии.

Венцом изысканий А. А. Исаева стал составленный им «Каталог печатных книг и публикаций на языках народов Дагестана: (Дореволюционный период)», увидевший свет в конце 1989 г.

В предисловии к каталогу А. А. Исаев, говоря об истории создания книг на языках народов Дагестана, отмечает, что они на первых порах издавались не в Дагестане, а в городах России и даже за рубежом. Становление книгоиздательского дела в Стране Гор приходится на XIX в. и связано с развитием здесь капиталистических общественных и производственных отношений, а также просветительского движения. Особый размах оно приобрело после создания в Темир-Хан-Шуре (1903—1907) по инициативе видного дагестанского ученого-просветителя Абусуфьяна Акаева «исламской типографии» М.-М. Мавраева. В этой типографии была издана (литографским и наборным способом на арабице) подавляющая часть книжной продукции на дагестанских и других северокавказских языках — 307 книг. Несколько десятков книг было отпечатано на типолитографском предприятии А. М. Михайлова в Петровск-Порте и в других городах. А. А. Исаевым зафиксировано 365 названий книг, которые были изданы на основе арабской графики. Это — книги на кумыкском языке (152 экз.), аварском (90), даргинском (34), лакском (34) и на других языках народов Северного Кавказа — чеченском, кабардинском, ногайском, карачаево-балкарском¹, осетинском, адыгейском, хотя последних было не очень много. Как видно, каталог А. А. Исаева отражает историю книгоиздательского дела не только в Дагестане (как это указано в его названии), но и на всем Северном Кавказе. Представляют интерес материалы об азербайджанской книге дагестанских авторов. Уникальными являются книги, изданные в Дагестане сразу на нескольких языках, в частности словари: знание языков соседних народов в этом многоязычном регионе было настоятельной необходимостью.

А. А. Исаевым описаны также книги и отдельные тексты в журналах, сборниках и других изданиях, созданные на основе кириллического письма, латиницы и комбинированного — так называемого «усларевского» алфавита. Жаль, что в каталоге не нашлось места некоторым доре-

волюционным книгам и текстам на ногайском языке. Правда, их было совсем немного.

Упущен автором и ряд изданий дагестанских авторов на азербайджанском языке. Неучтенными оказались такие выдающиеся памятники книжной культуры, как «Дербенд-наме» М. А. Казем-Бека из Дербента (Спб., 1851), «Китаби Асари Дагустан» Г.-Э. Алкадари из Кюринского округа (Баку, 1903), «Учебник татарско-адербейджанского наречия» М. А. Визирова из Дербента (Спб., 1861) и др. Стоило бы внести в каталог и известный сборник произведений выдающегося азербайджанского поэта Моллы Панаха Вагифа, изданный в Темир-Хан-Шуре в 1856 г. (об этой книге упоминается только в предисловии), тем более что это, пожалуй, первая национальная книга, изданная литографским способом в самом Дагестане. Очевидно, такого рода книжные издания следует отнести к общему книжному наследию народов Дагестана и Азербайджана как памятники давних культурных связей между ними.

Следовало бы отметить (хотя бы в примечаниях), что тексты произведений дагестанских тюркоязычных поэтов в книгах «Маджму' ал-манзумат ал-аджамийа» Абусуфьяна Акаева (1903, 1907, 1914) и «Маджму' ал-манзумат» известного кумыкского поэта Абдурахмана Какашуринского (1909 г.), за исключением предисловий, написаны на так называемом «кумыкском» варианте языка письменного употребления — северокавказском тюрки².

Спорным представляется включение в каталог таких изданий, в текстах которых лишь изредка упоминаются отдельные дагестанские, в том числе кумыкские, экзотизмы, этнонимы и топонимы (например книг А. Олеария и Н. Витзена). Если быть до конца последовательным, то с таким же успехом можно было учесть и многие другие подобного рода издания — «Книгу путешествий» турецкого путешественника XVII в. Эвлия Челеби или тексты сочинений ранних арабских и персидских авторов VIII—XIV вв., изданные в печатном виде в XVIII—XIX вв. Скорей всего, составитель включил указанные книги в свой каталог, исходя из особой их ценности, — они являются наиболее ранними (XVII в.) печатными изданиями, в которых зафиксированы слова из дагестанских языков.

Основное место в рецензируемой книге занимает собственно каталог (опись старых изданий), включающий наименования около пятисот книг и текстов. Составлен он по наиболее оптимальной системе, названия арабских книг даны в русской транслитерации. Описание ведется по языковому принципу (включает в себя 4 параграфа), а внутри параграфов — в хро-

¹ В книгах указаны языки: балкарский и карачаевский.

² Об этом языке см.: Сов. тюркология. 1987. № 3. С. 47—52.

нологическом порядке: по годам изданий. В отдельную главу (гл. II) вынесены книги и тексты, опубликованные на основе кириллического письма, — 59 наименований, в 15-ти из которых содержится тюркоязычный материал. Издания на латинице (35 названий) приведены, как и в оригинале, латинским шрифтом (гл. III), около десяти содержат тексты на кумыкском, ногайском, а отчасти — на карачаевском и азербайджанском языках.

По единой схеме подаются (в соответствующих разделах) название книги, автор, составитель, переписчик (для литографий), место издания, название типографии, дата выпуска, количество страниц, формат, цена, тираж. Во многих случаях имеются дополнительные сведения о каждой книге — краткая аннотация или перечень составных частей (если это сборник разных текстов), место хранения оригинала или местонахождение микрофильма, ксерокопии фотоснимков, сведения о переизданиях текстов за послеволюционные годы, название справочника-каталога или другого источника, в котором зафиксированы сведения о книге.

Подробные «досье» на дореволюционные печатные издания призваны максимально снабдить читателей, которые будут пользоваться ими, всеми необходимыми сведениями, в том числе внешними параметрами.

Ценными являются и иллюстрации к книге (с. 202—258). Это ксерокопии титульных листов и страниц дореволюционных книг, фотографии первопечатников Дагестана, деятелей национального книгоиздательства.

Исключительная разбросанность изданных в дореволюционный период книг по всякого рода частным коллекциям в самых разных населенных пунктах и урочищах Дагестана, по центральным библиотекам Москвы, Ленинграда и других городов (но полное отсутствие в библиотеках самого Дагестана!) затрудняли работу Амирхана Исаева. Однако, несмотря на то, что, в результате многолетнего скрупулезного труда он сумел привести в удобное для чтения состояние разномастную книжную продукцию Северного Кавказа. Естественно, составитель каталога — даргинец по национальности (владеющий кроме родного даргинского еще русским и кумыкскими языками) — не мог рассчитывать только на свои силы. Большую помощь оказал ему коллектив Института истории, языка и литературы им. Г. Цадасы, в котором он работает, особенно сотрудники отдела востоковедения и специалисты-арабисты (об этом говорится в предисловии к книге).

Каталог является конкретным документированным ответом в адрес тех ретивых «культурологов», которые бездоказательно и огульно утверждали (а некоторые

из них, кстати, считают так и до сих пор), что у дагестанцев в дореволюционный период якобы не было ни своих книг, ни даже письменности, а если некоторые печатные издания и существовали, то это были, мол, всего лишь единички.

Надо сказать, что изданный каталог не является абсолютно полным. Он включает в себя лишь тот материал, который стал известен его составителю. Неучтенными остались, к примеру, издания кумыкских и балкарских текстов, осуществленные в 1911—1912 гг. в г. Будапеште венгерским ученым Ю. Неметом, кумыкский перевод текста «Отче наш», предпринятый М.-Э. Османовым (опубликован в 1870 г. в Санкт-Петербурге)³, некоторые книги на кумыкском языке, изданные в Дагестане в начале XX в. Следовало бы также учесть публикации отдельных эпистолярных и актовых материалов на тюркском языке, в частности таких, как письма и донесения кумыкского князя Хаджи-Мусы Аксаевского (1804), Сурхай-хана Кази-Кумухского, Шихали-хана Дербентского (1805), «клятвенные обещания» жителей Табасарана (1819)⁴ и др.

К сожалению, отдельные параметры некоторых изданий, например автор и год издания книги «Таълим ал-ваджибат» (с. 116), название книги под № 56 (с. 86), имя переводчика Евангелия на кумыкский язык (с. 68), выходные данные книг «Киссат асхаб ал-кахф», «Хадийат ассиббан» (с. 56—57, 128—129), так и остались невыясненными. Не обошлось и без отдельных фактических неточностей. Вот некоторые из них: Календарь на 1914-й год, составленный М. Казанбиевым, вышел в свет не в Хасавюрте (с. 107), а в Петровской типографии «Каспий» в 1913 г.; перевод Евангелия от Матфея на кумыкский язык, изданный в 1897 г. в Лейпциге, включает в себя не 106 с., как указано на с. 68, а 156; «Гезел къыз Хадижат» увидела свет не в 1913 (с. 101), а в 1912 г., «Сабъат алсина» — в 1928 г., а не в 1927; переписчиком книги «Аджам тыш-наме» на кумыкском языке был не Шихаммакади, а Абдулла, сын Сотавы; автор книги «Ашык Ансар» — Ансар Кадиев, а не Магомед (с. 243). Имеются пропуски в библиографических указателях в конце каталога.

«Каталог печатных книг и публикаций на языках народов Дагестана: (Дореволюционный период)» с полным правом можно считать важным вкладом в оте-

³ Qumyqisches Vaterunser // D. Gebet des Herrn in d. Sprachen Russlands. Spb., 1870. P. 59.

⁴ Акты, собранные Кавказскою археографическою комиссиею. Тифлис, 1868. Т. 2. С. 764, 774, 784; 1875. Т. 6, ч. 2. С. 72—73.

чественное книговедение, в частности в изучение тюркоязычной книжной культуры народов Северного Кавказа. Он будет весьма полезен историкам, краеведам, языковедам, исследователям истории литературы, культурологам, социологам,

философам, студентам гуманитарных факультетов и мн. др. Остается только сожалеть, что каталог издан небольшим тиражом (всего 1 000 экз.).

Г. М.-Р. Оразиев

Д. Х. БАЗАРОВА, К. А. ШАРИПОВА. РАЗВИТИЕ ЛЕКСИКИ ТЮРКСКИХ ЯЗЫКОВ СРЕДНЕЙ АЗИИ И КАЗАХСТАНА

ТАШКЕНТ: ФАН, 1990. 172 с.

Анималистическая лексика тюркских языков неоднократно становилась объектом изучения¹. Рецензируемый труд Д. Х. Базаровой и К. А. Шариповой является первой попыткой сравнительно-исторического исследования названий домашних и диких копытных животных в шести тюркских языках Средней Азии и Казахстана.

Монография включает в себя введение, пять глав, каждая из которых посвящена скрупулезному анализу одного из видов животных, и список использованных источников, охватывающий все наиболее известные тюркские памятники письменности и высокохудожественные произведения VIII—XVIII вв. («Словарь тюркских наречий» Махмуда Кашгари, «Бабур-наме» Бабур и мн. др.).

Работу отличает комплексный подход к предмету исследования. В ней, в частности, определены древнетюркские названия животных, сохранившиеся в современных тюркских языках (*ат* — с. 10—12; *ала* — с. 21—22; *күйчор* — с. 119—120 и т. д.); выявлены наиболее устойчивые названия или их фонетические варианты (*кулан* — с. 78—85; *бугу* — с. 91—92), а также те, что подверглись изменениям (*күй* — с. 115—117; *күйчор* — с. 119—120); вскрыты пласты исконно тюркских названий (*боз* — с. 23—25; *кысырак* — с. 47—48; *тай* — с. 52—53), монгольско-тюркских соответствий (*бугу* — с. 91; *суйқуқ* — с. 93; *қитур* — с. 97), заимствований из арабского и персидского языков (араб. *абаш* 'пестрый', *аблак* 'черный с бе-

лым', перс. *сиёх*, *харда* 'темно-гнедой' — с. 42; перс. *аху* 'газель', араб. *ғазол* 'газель' — с. 102), а также тюркских названий, усвоенных другими языками, в частности русским (*лошадь* — с. 23; *марал* — крупный олень — с. 94; *аргамак* — с. 60); рассмотрены названия со значением собирательности (*иқиг*, *junt* 'стадо, табун лошадей' — с. 7—8), а также дифференцированные по родополовому и возрастному признакам (с. 43—58); проанализированы с историко-этимологической точки зрения отдельные названия (*йўрға* 'иноходец' — с. 59; *кулун* 'скакун' — с. 61—62 и т. д.); выделены типы семантической мотивированности названий животных, основанные на различного рода переносах (например у слова *боз*, прямое значение которого «серая, сивая масть лошади», после различного рода метафорических изменений появились и такие значения, как «смуглый» — кирг., «петронутый, целинный» — кирг., каракалп., узб., туркм.; у слова *жейран* 'газель' в казахском и узбекском языках имеется терминологический дублет — *қарақұйруқ* 'черный хвост', основанный на том факте, что хвост у джейранов всегда черный, — с. 104).

Ценность монографии заключается в том, что в ней собраны все имеющиеся в тюркологической лингвистике сведения об объекте исследования.

К сожалению, работа не лишена недостатков. На наш взгляд, не совсем удачно название монографии, — оно слишком объемно для одной лексико-семантической группы слов.

Далее, исследование намного выиграло бы, если бы было снабжено приложением в виде сравнительного словаря лексем в границах всех шести языков. В целом же оно представляет несомненный интерес и в теоретическом, и в практическом плане.

А. А. Чупанов, А. Б. Батиров

¹ Щербак А. М. Названия домашних и диких животных в тюркских языках // Историческое развитие лексики тюркских языков. М., 1961; Урунов Т. Узбекская охоловодческая терминология. Ташкент, 1964; Буранов М. Термины животноводства в узбекских говорах Каракалпакии. Ташкент, 1972 и мн. др.

PERSONALIA

ГУБАЙДУЛЛА АЙДАРОВ

(К 70-летию со дня рождения)

Исполнилось 70 лет со дня рождения и 50 лет научно-педагогической деятельности доктора филологических наук, старшего научного сотрудника Института языкознания им. А. Байтурсынова Академии наук Казахской ССР Губайдуллы Айдарова.

Г. Айдаров родился 18 июня 1921 г. в семье бедного скотовода-кочевника. По окончании в 1938 г. Марыйского педагогического техникума работал учителем казахского языка и литературы в семилетней школе г. Кара-Богаз-Гол.

С февраля 1940 по 1944-й год Г. Айдаров находился в рядах действующей армии. После демобилизации (1944—1948) продолжал учительствовать в районных школах Туркмении.

В 1948 г. Губайдулла Айдаров переехал в Казахстан. В 1952 г., окончив Казахский педагогический институт им. Абая, он поступил в аспирантуру Казахского государственного университета им. С. М. Кирова.

С 1959 г. после успешной защиты кандидатской диссертации на тему «О языке Тоньюкука и его отношении к некоторым современным тюркским языкам» Г. Айдаров работает в Институте языкознания Академии наук Казахстана. Вся его научная деятельность посвящена изучению орхоно-енисейских, уйгурских и других памятников древнетюркской письменности.

Г. Айдаровым опубликовано более 200 научных и научно-популярных трудов, некоторые из них используются в качестве учебных пособий на филологических факультетах вузов тюркоязычных республик. Первая его монография «Язык орхонского памятника Бильге-кагана» (Алма-Ата, 1966) привлекла внимание не только советских, но и зарубежных ученых-тюркологов. В 1971 г. вышла в свет другая работа — «Язык орхонских памятников древнетюркской письменности VIII века. Тексты и исследования», в которой подробно анализируются фонетические, лексические и грамматические особенности языка целого ряда орхонских памятников: в честь Кутлуг-кагана, Кюль-Тегина, Бильге-кагана (Могиляна), Тоньюкука, Куличора, Моюн-чора и др. На основе данной монографии Г. Айдаров в 1974 г. защитил докторскую диссертацию на тему: «Лексика языка енисейско-орхонских и таласских памятников древнетюркской письменности».

В 1979 г. Г. Айдаровым составлен и издан очень полезный для специалистов «Библиографический указатель литературы по енисейско-орхонским и таласским памятникам древнетюркской письменности» (Алма-Ата, 1979), который охватывает более 1500 названий научных трудов, опубликованных на многих языках мира начиная с конца XVII в. по 1978 год включительно.

В последнее время Г. Айдаровым изданы следующие труды: «Көне түркі жазба ескерткіштерінің тілі» (Алма-Ата, 1986), «Орхон ескерткіштерінің тексті» (Алма-Ата, 1990), «Көне ұйғыр жазба ескерткіштерінің тілі» (Алма-Ата, 1971).

Книги и статьи Г. Айдарова опублико-

ваны, помимо казахского и русского, на туркменском, каракалпакском, башкирском, уйгурском и других языках народов нашей страны.

Большое внимание ученый уделяет педагогической деятельности: он активно участвует в составлении учебных пособий и программ по курсу «Древнетюркская письменность» для филологических факультетов вузов, по приглашению вузов и научных учреждений Казахстана, Туркменистана, Узбекистана и Башкортостана

регулярно (начиная с 1966 г.) читает лекции по этому же курсу.

Предельная скромность и простота, трудолюбие, добросовестное отношение к избранному делу — вот отличительные черты, присущие Г. Айдарову — известному ученому-тюркологу.

Коллеги и ученики искренне желают Айдарову Губайдулле доброго здоровья и новых творческих успехов на благо отечественной тюркологической науки.

А. Ибатов, Д. Менжанов

ЕРНАЗАР ДАУЕНОВИЧ ДАУЕНОВ

(К 60-летию со дня рождения)

Исполнилось 60 лет со дня рождения видного ученого-языковеда, заслуженного деятеля науки Каракалпакстана, кандидата филологических наук Ерназара Дауеновича Дауенова.

Е. Д. Дауенов родился 25 августа 1930 г. в Тикозекском аулсове Муйнакского района Советской Республики Каракалпакстан. После окончания в 1948 г. факультета каракалпакского языка и литературы Каракалпакского учительского института он сначала работал школьным учителем в своем родном селе, а затем — инспектором по школам в Муйнакском роно. В 1950—1952 гг. Е. Д. Дауенов, окончив Каракалпакский госпединститут, назначается учителем каракалпакского языка в Нукусскую среднюю школу им. Горького, а затем — заведующим горно. Одновременно он читал лекции по каракалпакскому языкознанию для студентов.

В последующие годы Е. Д. Дауенов продолжает преподавать в вузе.

Вторая половина 50-х годов является началом научной деятельности Е. Д. Дауенова. В 1958 г. он переходит на работу

в Комплексный НИИ, который в конце 1959 г. преобразуется в Институт истории, языка и литературы им. Н. Давкараева Каракалпакского филиала АН УэССР, на должность старшего научного сотрудника сектора (впоследствии отдела) современного каракалпакского языка. С 1967 г. по март 1991 г. он заведует этим отделом, в настоящее время — заместитель директора ИИЯЛ.

В 1966 г. Ерназар Дауенович защитил кандидатскую диссертацию на тему: «Глагольные словосочетания в современном каракалпакском языке и способы их образования». С начала научной деятельности им написано около ста трудов. Начиная с 1953 г. Е. Д. Дауенов в соавторстве с другими учеными подготовил учебники по каракалпакскому языку: для II класса (в соавторстве с Д. Каиповым, 1954, 1960, 1964, 1987); для III класса (совместно с Г. Убайдуллаевым и Д. Каиповым, 1953, 1960, 1972, 1988); для IV класса шестилетней школы (1990); для VII—VIII классов (в соавторстве с М. Даулетовым (1963 — получил 2-ю премию; 1974; 1983 — получил 1-ю премию; 1989), Учебники каракалпакского языка для VIII—IX классов составлены им на основе новых учебных программ.

Е. Д. Дауенов — один из соавторов следующих коллективных работ: «Современный каракалпакский язык. Ч. I. Морфология» (1974); «Орфографический словарь каракалпакского языка» (1980, 1990); «Н. А. Баскаков: из серии „Замечательные люди нашего края“» (1974).

Кроме того, им опубликованы монографии «Словосочетания в современном каракалпакском литературном языке» (1973), «Фиды глагольных словосочетаний в современном каракалпакском языке и способы их образования» (1986) и др. Готовится к печати еще одна монография — «Грамматика современного каракалпак-

ского литературного языка. Синтаксис», написанная в соавторстве с М. Даулетовым.

В целом опубликованные труды автора, посвященные проблемным вопросам синтаксиса и некоторым разделам морфологии каракалпакского языка, безусловно, являются посильным вкладом в каракалпакскую языковедческую науку.

За заслуги в развитии каракалпакского языкознания и подготовку научных кадров Е. Д. Дауенову присвоено почетное

звание «Заслуженный деятель науки Каракалпакской АССР». Он также награжден значком «Отличник народного образования УзССР».

Ерназар Дауенович Дауенов находится в расцвете творческих сил. Пожелаем ему долгих лет жизни и новых удач в научно-исследовательской и педагогической деятельности, способствующей дальнейшему развитию тюркологии.

У. Д. Доспанов

НЕКРОЛОГ

ХУДАЙБЕРДЫ ДАНИЯРОВИЧ ДАНИЯРОВ

1 июля 1991 г. ушел из жизни Худайберды Даниярович Данияров — видный узбекский языковед, патриот родной земли и настоящий интернационалист.

В 1951 г., 24-летним юношей, Х. Д. Данияров поступил в аспирантуру Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова (филологический факультет, кафедра тюркской филологии).

Пройдя хорошую школу под руководством чл.-корр. АН СССР Е. Э. Бертельса и профессоров В. М. Насилова и Э. Н. Наджиба, он подготовил и в 1955 г. успешно защитил кандидатскую диссертацию на тему: «Бахмальский говор узбекского языка».

Более сорока лет Х. Д. Данияров отдал научно-педагогической деятельности: преподаватель, затем доцент Самаркандского государственного университета им. Алишера Навои, ректор Сырдарьинского го-

сударственного педагогического института им. Г. Гуляма, с 1979 г., после защиты докторской диссертации, — профессор кафедры узбекского языкознания СамГУ, с 1984 г. — заведующий кафедрой общего языкознания этого же университета.

Х. Д. Данияров своими многочисленными научными и научно-методическими трудами (их свыше 200) внес весомый вклад в развитие узбекского языкознания. Для него как исследователя была характерна широта научных интересов, проявлявшаяся прежде всего в разноаспектном подходе к изучению узбекских диалектов. В его монографии «Опыт изучения джекающих (кыпчакских) диалектов в сравнении с узбекским литературным языком» (1975) и докторской диссертации «Восточно-кыпчакские (джекающие) говоры и их участие в развитии узбекского литературного языка» (1977) классифицируются узбекские говоры кыпчакского наречия, разрабатываются такие проблемы, как узбекские народные говоры и современный узбекский литературный язык, узбекские народные говоры и история узбекского литературного языка, ставится новая для узбекского языкознания тема — «Узбекские народные говоры и язык фольклора». Названную проблематику развивают также работы «Староузбекский язык и кыпчакские диалекты» (1976), «Лексика кыпчакских диалектов» (1979) и многочисленные статьи.

В Худайберды Данияровиче поражаало владение огромным фактическим материалом. Он до тонкостей знал фонетические, морфологические и лексические особенности всех многочисленных узбекских говоров кыпчакского наречия. Авторитет Х. Д. Даниярова-диалектолога был настолько велик, что его консультациями пользовался акад. В. М. Жирмунский.

Истории узбекского литературного языка посвящены такие работы Х. Д. Даниярова, как «Алишер Навои и узбекский язык» (1972), «Алишер Навои как основоположник узбекского литературного языка» (1985), «Алишер Навои — ученый-

языковед» (1990 — в соавторстве с У. Санакуловым), вопросам стилистики современного узбекского литературного языка — «Искусство слова» (1962 — в соавторстве с С. Мирзоевым) и «Литературный язык и художественный стиль» (1988 — в соавторстве с Б. Юлдашевым).

В Узбекистане широко известны работы Х. Д. Даниярова по культуре речи, ономастике (особенно этнонимии); педагогическая общественность высоко оценила его разработки по методике преподавания узбекского языка и узбекской диалектологии, а также учебные пособия по соответствующим курсам.

Будучи тяжело больным, Худайберды Даниярович продолжал упорно и интенсивно трудиться. В этот период он обращается к научно-популяризаторской деятельности. За последние два года Х. Д. Данияровым написано (а зачастую — надиктовано) и опубликовано более 30 статей. Затрагиваются в них главным обра-

зом проблемы языковедческие — совершенствование узбекского алфавита и орфографии, узбекской терминологии, обогащение лексического состава литературного языка путем использования богатых внутренних ресурсов узбекского языка.

Ряд статей посвящен вопросам этногенеза узбекского народа. Все статьи Х. Д. Даниярова надежно аргументированы в лингвистическом и историческом аспектах. Некоторые из них были напечатаны уже посмертно (в журналах «Шарқ юлдузи», «Гулистон», «Ўқитувчилар газетаси» и др.).

Светлый образ Худайберды Данияровича Даниярова, замечательного сына узбекского народа, ученого, прекрасной души человека, навсегда сохранится в памяти его друзей, коллег и благодарных учеников.

*Н. А. Баскаков, Г. Ф. Благова,
Э. А. Грунина, А. А. Ковшова,
К. М. Мусаев, Э. Р. Тенишев*

СОДЕРЖАНИЕ

Л. Базен (Франция). О первом лице множественного числа перфекта на -duk (исследование его происхождения)	3
М. Ф. Чернов (Чебоксары). Развитие чувашского языкознания	15

СТРУКТУРА И ИСТОРИЯ ЯЗЫКА

А. Меметов (Ташкент). О происхождении крымских татар и их языка	26
А. Ходжиев (Ташкент). Формирование современного узбекского литературного языка	34
А. Чариев (Термез). Одновалентные синтаксемы, выраженные родительным падежом существительных, в современном узбекском языке	43

ЯЗЫКОВЫЕ СВЯЗИ

Г.-Р. А.-К. Гусейнов (Грозный). О тюркизмах в бацбийском языке	54
--	----

ОНОМАСТИКА

Ф. Г. Гарипова (Казань). Топонимические названия Среднего Поволжья, восходящие к болгарскому периоду (П)	66
И. В. Дрон (Кишинев). Тюркская гидронимия Молдовы — как источник по изучению тюркско-молдавских исторических взаимосвязей	78

МАТЕРИАЛЫ И СООБЩЕНИЯ

С. С. Кунанбаева (Алма-Ата). Темпоральная структура описаний в казахском художественном тексте	90
--	----

НАУЧНАЯ И КУЛЬТУРНАЯ ЖИЗНЬ

Г. М. Исхаков (Алма-Ата), Д. М. Насилов (Санкт-Петербург), Г. И. Семятова, Х. К. Хамраев (Алма-Ата). Вторая республиканская уйгуроведческая конференция	96
---	----

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

И. Г. Добродомов (Москва), Т. М. Гарипов (Уфа). Очерки истории башкирского литературного языка	100
Г. М.-Р. Оразаев (Махачкала). Вклад в изучение тюркоязычной книжной культуры Северного Кавказа	101
А. А. Чупанов, А. Б. Батиров (Хорезм). Д. Х Базарова, К. А. Шарипова. Развитие лексики тюркских языков Средней Азии и Казахстана	104

PERSONALIA

- A. Ибатов, Д. Менжанов* (Алма-Ата). Губайдулла Айдаров 105
У. Д. Доспанов (Нукус). Ерназар Дауенович Дауенов 106

НЕКРОЛОГ

- Н. А. Баскаков, Г. Ф. Благова, Э. А. Грунина, А. А. Ковшова, К. М. Мусаев, Э. Р. Тенишев* (Москва). Худайберды Даниярович Данияров 108

CONTENTS

- L. Bazin* (France). On the first person plural of the perfect tense -duk (research of its origin) 3
M. F. Chernov (Cheboksary). The development of Chuvash linguistics 15

STRUCTURE AND HISTORY OF LANGUAGE

- A. Memetov* (Tashkent). On the origin of the Crimean tatars and their language 26
A. Khodjiyev (Tashkent). Formation of the modern Uzbek literary language 34
A. Chariyev (Termez). Monovalent syntacsems expressed by means of the possessive case in the modern Uzbek language 43

ETHNOLINGUISTIC CONTACTS

- G.-R. A.-K. Guseynov* (Grozny). On the turkic elements in the Bitsbian language 54

ONOMASTICS

- F. G. Garipova* (Kazan). Toponymical denominations of the Middle Volga area, ascending to the Bulgar period (II) 66
I. V. Dron (Kishinev). Turkic hydronymy of Moldova as a quell in the research of Turkic-Moldovian historical correlation 78

MATERIALS AND REPORTS

- S. S. Kunanbayeva* (Alma-Ata). Temporal structure of description in the Kazakh belles-lettres text 90

SCIENTIFIC AND CULTURAL LIFE

- G. M. Iskhakov* (Alma-Ata), *D. M. Nasilov* (St.-Peterburg), *G. I. Semyatova, Kh. K. Khamrayev* (Alma-Ata). The Second Republic Conference on the Uigur linguistics 96

CRITICISM AND BIBLIOGRAPHY

- I. G. Dobrodomov* (Moscow), *T. M. Garipov* (Ufa). Очерки истории башкирского литературного языка 100

<i>G. M.-R. Orazayev</i> (Makhachkala). Вклад в изучение тюркоязычной книжной культуры Северного Кавказа	101
<i>A. A. Chuparov, A. B. Batirov</i> (Khorezm). Д. Х. Базарова, К. А. Шарипова. Развитие лексики тюркских языков Средней Азии и Казахстана	104

PERSONALIA

<i>A. Ibatov, D. Mendjanov</i> (Alma-Ata). Gubaydulla Aydarov	105
<i>U. D. Dospanov</i> (Nukus). Yernazar Dauyenovich Dauyenov	106

OBITUARY

<i>A. A. Baskakov, G. F. Blagova, E. A. Grunina, A. A. Kovshova, K. M. Musayev, E. R. Tenishev</i> (Moscow). Khudayberdy Daniyarovich Daniyarov	108
---	-----

© «Тюркология», 1992 г.

Технический редактор *Б. М. Абдуллаев*

Корректор *С. Дж. Эфендиева*

Сдано в набор 24.10.91 г. Подписано к печати 28.01.93 г. Формат бумаги 70×108¹/₁₆. Бум. л. 3,5. Физ. печ. л. 9,5. Уч. изд. л. 10. Заказ 7119. Тираж 500. Цена 1 руб. 10 коп.

Типография издательства «Азербайджан», Метбуат проспекти, 529 квартал.